

Российский государственный гуманитарный университет

Институт психологии имени Л.С.Выготского

О.А.Гулевич, Е.О.Голынич

**Правосознание и правовая
социализация**

(аналитический обзор)

Учебное пособие для студентов факультетов
психологии высших учебных заведений по
специальности 020400 — «Психология»

Москва
Международное общество им. Л.С.Выготского
2003

УДК [316.023.4:316.6 + 159.9:340] (048.8)
ББК 88.5 + 88.4 + 60.54
П 68

Рекомендовано Институтом психологии им. Л.С.Выготского
Российского государственного гуманитарного университета

Корректор: Кравченко Н.А.
Компьютерная верстка: Кравченко Ю.Е.

Гулевич О.А., Голыничик Е.О. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений по специальности 020400 — «Психология». Москва: Международное общество им.Л.С.Выготского, 2003. — 270 с.

Этим сборником мы начинаем серию аналитических обзоров, посвященных проблемам психологии и права. Его целью является ознакомление российского читателя с процедурами исследования, теоретическими и методическими проблемами и результатами, полученными в ходе изучения правосознания и правовой социализации, а также атрибуции ответственности и вины и представлений о справедливости. В его основу положены результаты, полученные североамериканскими, западноевропейскими и российскими авторами.

Пособие предназначается студентам, специализирующимся в области социальной и юридической психологии, и преподавателям.

©Институт психологии им. Л.С.Выготского, 2003
©Гулевич О.А., Голыничик Е.О., 2003

Введение

Изучение психологических феноменов, возникающих при столкновении людей с законом и последствиями его применения, началось в XIX в. с поиска причин преступности, определения надежности свидетельских показаний, формирования основ судебно-психологической экспертизы и исследования факторов, оказывающих влияние на решение присяжных заседателей. В настоящее время основными направлениями изучения психолого-правовых феноменов являются:

- исследование правосознания и правовой социализации;
- поиск причин преступности и факторов, оказывающих влияние на понижение / повышение ее уровня (криминальная психология);
- виктимология;
- определение способов реадaptации человека, преступившего закон (пенитенциарная психология);
- выявление особенностей деятельности работников правоохранительных органов, в частности, психология следственной деятельности;
- поиск факторов, оказывающих влияние на точность показаний свидетелей;
- определение характеристик судей, влияющих на их решения;
- исследование факторов, оказывающих влияние на решение присяжных;
- анализ эффективности коммуникативных стратегий, применяемых в зале суда адвокатом и прокурором.

В основе изучения всех перечисленных областей лежат причины теоретического и практического порядка. С одной

стороны, область психологии и права является одним из контекстов проявления общепсихологических и социально-психологических закономерностей. Например, изучение атрибуции ответственности в контексте вынесения судебного решения позволяет выявить новые факторы, оказывающие влияние на обыденную оценку ответственности и виновности человека. С другой стороны, изучение подобных феноменов представляет практический интерес. Например, в основе изучения точности показаний свидетелей лежит желание создать условия для ее повышения. Различие между теоретической и практической ориентациями хорошо прослеживается в статьях американских, канадских и западноевропейских авторов.

Этой книгой мы начинаем серию аналитических обзоров, посвященных проблемам психологии и права. Ее целью является ознакомление российских читателей с процедурами исследования, теоретическими и методическими проблемами и результатами, полученными в ходе изучения правосознания и правовой социализации, атрибуции ответственности и вины, представлений о справедливости. В его основу положены результаты, полученные североамериканскими, западноевропейскими и российскими авторами.

Основные методы, использующиеся для изучения правосознания, правовой социализации, атрибуции ответственности и вины и представлений о справедливости, заимствованы из общей и социальной психологии. Среди них анкетирование и интервью, контент-анализ, дискуссионные группы.

Для изучения правосознания используются, в основном *методы опроса* (анкетирование и интервью), применяемые как в рамках экспериментальных процедур, так и при проведении массовых опросов общественного мнения.

Сложность используемого в исследовании опросника определяется, как правило, количеством испытуемых:

- в ходе массовых опросов респонденты получают небольшое количество закрытых вопросов, ответы на которые поз-

же сопоставляются с их принадлежностью к определенным социально-демографическим группам.

- При проведении экспериментов и корреляционных исследований с участием небольшого числа испытуемых используемые опросники могут включать в себя несколько десятков вопросов, сформулированных в виде проективных ситуаций, семантического дифференциала, утверждений, требующих оценки или ранжирования, незаконченных предложений, и других трудоемких для заполнения методик.

1. Проективная ситуация включает в себя описание события, прочитав которое респонденты должны придумать его окончание, оценить его участников или ответить на другие поставленные вопросы. Примером применения проективных ситуаций для изучения знания закона служит следующее описание:

«Николай и Андрей на танцах поссорились. Николай решил отомстить Андрею и после окончания танцев около клуба его избил, причинив тяжкие телесные повреждения. Во время следствия Николай и его родственники уговорили потерпевшего простить Николая и подать заявление о том, чтобы дело прекратили. Андрей такое заявление подал. Как Вы считаете, должны ли в этом случае прекратить дело? Да/нет».

В данной формулировке проективная ситуация рассчитана на выявление знания респондентами условий возбуждения и прекращения уголовных дел. В зависимости от целей исследования она может включать в себя вопросы о том, почему Николай выбрал именно этот способ мести, как отреагировали на происшедшее его друзья, как дальше развивались события и т.д.

Проективные ситуации могут быть сформулированы таким образом, чтобы выяснить, как точка зрения респондента соотносится с его представлением о мнении значимых для него людей:

«Петр шел по улице и случайно увидел, как два его друга, угрожая неизвестному мужчине ножом, сняли с него часы и убежали. Петр, увидев это, пошел домой и никому о преступлении не сообщил. Как бы Вы поступили в этой ситуации на месте Петра? Как Вы оцениваете поступок Петра? Как бы оценили поступок Петра

Ваши отец, мать, учителя, мастер, близкие друзья, друзья по работе? Как действия Петра оцениваются с точки зрения общепринятых норм морали?» (*Пристанская, Юцкова, 1990*).

2. Ассоциации. Для изучения правосознания применяются различные ассоциативные методики, например, спонтанные и выборочные ассоциации. Конкретный пример их использования заимствован нами из русско-французского исследования правовых представлений (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996*). Методика «спонтанных ассоциаций», использованная в нем, предполагала, что в течение одной минуты респондент должен сформулировать ассоциацию в отношении одного из ключевых слов. Авторы использовали при этом термины трех типов:

- слова, относящиеся только к сфере закона (право, судья, закон, преступление, суд);
- термины, входящие как в правовой, так и в политический лексикон (милиционер, мэр, гражданин);
- слова, принадлежность которых к сфере закона неочевидна для респондентов (ответственность, свобода, вина).

Методика «выборочных ассоциаций» заключалась в том, что каждый термин из одной группы слов надо было соотнести с одним, несколькими или всеми терминами из других выделенных групп.

3. Семантический дифференциал включает в себя несколько объектов и ряд биполярных или униполярных шкал, по которым они оцениваются. Например, в один из опросников, предназначенных для изучения аттитюдов к полиции (*Phillips, Coates, 1971*), включен семантический дифференциал, состоящий из девятнадцати семибалльных биполярных шкал, на одном из полюсов которых находятся следующие прилагательные: использующий насилие, ленивый, умный, справедливый, ответственный, незаконный, прекрасный, грубый, грязный, важный, честный, некрасивый, глупый, жестокий, трусливый, непривлекательный, вежливый, ценный, приятный, а на других их антонимы. В качестве объектов оценки, в зависимости от целей исследования, могут высту-

пать работники правоохранительных органов, юристы, заключенные, тюремная охрана, Я, закон, наказание и т.д. (*Chang, Zastro, Blazicek, 1975*). Суть методики заключается в оценке каждого выделенного объекта по каждой из шкал.

Таблица 1. Опросник для измерения аттитюдов к смертной казни (*Balogh, Mueller, 1960*). В скобках приведена ценность каждого утверждения (в баллах). Чем выше балл, тем более негативно отношение респондента к смертной казни.

1. Смертная казнь ни хороша и ни плоха с моральной точки зрения, это только одна из мер наказания (4,0).
2. Убийца заслуживает смерти (1,1).
3. Убийца — это неудачник, он бесполезен для общества, поэтому его лучше казнить (1,3).
4. Общество ни при каких обстоятельствах не имеет права отбирать жизнь у своего члена (6,7).
5. Люди почувствуют себя незащищенными, если смертная казнь будет отменена (2,6).
6. Общество, в котором убийц приговаривают к смерти, также аморально, как и приговоренный (6,7).
7. Поскольку смертная казнь не предотвращает убийств, она должна быть отменена (5,1).
8. Убийство — это грех и должно быть наказано смертью (1,2).
9. Статистика показывает, что человек убивает только один раз, поэтому убийце должно быть позволено жить дальше (5,6).
10. Благодаря возможности реабилитации, убийцы получают шанс стать полезными гражданами (6,1).
11. Смертная казнь будет существовать до тех пор, пока не будет найдено что-либо лучшее (3,4).
12. Общество должно сделать так, чтобы убийца работал на благо государства, а не наказывать его (5,5).
13. Смертная казнь является эффективным средством устрашения убийц (2,9).
14. Когда общество выносит убийце смертный приговор, мы все становимся убийцами (6,8).
15. Общество должно не казнить убийцу, а вылечить его (6,0).

4. Шкала Терстоуна состоит из ряда утверждений относительно закона, преступления и преступников, наказания,

работников правоохранительных органов или суда, с которыми респондент должен согласиться или не согласиться, выбрав один из двух вариантов ответов — «да» или «нет». Все утверждения имеют разный вес, ответы на них вносят разный вклад в принятие респондентом той точки зрения, которая интересует исследователя. Поэтому разным утверждениям присваиваются разные баллы. После заполнения опросника суммируются баллы тех утверждений, с которыми респондент согласился (*Thurstone, 1931*).

Составление шкалы Терстоуна предполагает ее стандартизацию и последующее неоднократное использование. Значимость утверждений определяется в ходе стандартизации. Пример опросника, составленного в форме шкалы Терстоуна, приведен в таблице 1.

Процедура его стандартизации включала в себя следующие этапы:

- из статей в журналах и книг было выбрано сто утверждений, касающихся отношения к смертной казни;
- они были предъявлены 15 студентам-криминологам, которые должны были, используя семибальную шкалу, оценить каждое утверждение по благоприятности выраженного в нем отношения к смертной казни;
- из них было отобрано пятнадцать утверждений, вошедших в окончательный вариант шкалы.

5. Шкала Лайкерта состоит из ряда утверждений относительно закона, преступления или преступников, наказания, работников правоохранительных органов или суда и шкалы от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен», по которой респондент оценивает степень своего согласия с каждым из них. Примерами таких утверждений являются: «Заключенные отличаются от большинства людей», «Только некоторые заключенные действительно опасны», «Заключенные никогда не меняются», «Большинство заключенных — жертвы обстоятельств и заслужили, чтобы им помогли» (*Melvin, Koeblitz, Gardner, 1978*); «Только некоторые психически больные пациенты опасны», «Психически больные преступники

глупы», «Убийцы и сексуальные преступники должны быть навсегда изолированы от общества в больнице» (*Khanna, Pratt, Gardiner, 1962*).

6. Незаконченные предложения имеют начало, а их конец должен дописать сам респондент. Предложения могут быть совсем короткими и указывать на объекты, отношение к которым интересует авторов исследования: «Справедливость...», «Мои юристы...», «Наши законы...», «Заключенный должен быть...», «Свидетели...», «Наказание...», «Офицер, который арестовал меня...» (*Hulen, Maher, 1959*). Методика незаконченных предложений не обязательно предполагает, что респондент должен сам придумать конец предложения. В некоторых случаях он должен выбрать свой ответ из уже имеющихся вариантов:

«Средний полицейский...

- а. Верит в высокие идеалы службы в полиции и не будет колебаться, выполняя свои обязанности, даже когда для этого он должен работать сверхурочно;
- б. Старается исполнять свои обязанности по 8 часов в сутки, избегая неприятностей;
- в. Одинаково заинтересован в поддержании контактов с родными и друзьями и в выполнении своих профессиональных обязанностей» (*Niederhoffer, 1967*).

Незаконченные предложения с заранее заданными альтернативами ответов могут быть использованы в стандартизованных опросниках, подразумевающих обработку с помощью «ключей». Однако введение альтернатив, придуманных авторами, не позволяет выявить направления оценки, свойственные самим респондентам.

7. Ранжирование — первый метод, примененный для оценки серьезности преступлений. Он заключается в том, что респонденты распределяют объекты по степени выраженности у них какого-либо признака, например, разные преступления по серьезности. Методика ранжирования имеет несколько модификаций. В одном случае респондент должен расположить все объекты в порядке предпочтения, избегая присваивать двум объектам один и тот же ранг. В другом случае респондент имеет возможность оценить несколько объектов одина-

ково. Еще одной модификацией методики ранжирования является попарное сравнение, при котором из всех оцениваемых объектов составляются все возможные пары, а потом в каждой паре выбирается объект, у которого интересующий исследователя признак проявляется в большей степени. Именно эта методика была использована Терстоуном для оценки серьезности преступлений в 20-х годах XX века. Он выделил несколько десятков преступлений, составил из них все возможные пары, после чего просил респондентов выделить в каждой паре наиболее серьезное преступление. Выбранное преступление получало один балл. Затем респондент переходил к выбору наиболее серьезного преступления в следующей паре. В конце исследования каждое преступление набирало определенное количество баллов в зависимости от того, в скольких парах оно было выбрано как наиболее серьезное. Чем больше баллов набирало преступление, тем более серьезным, по мнению респондентов, оно являлось.

Несмотря на кажущуюся простоту составления и обработки методики ранжирования, она является одной из самых трудоемких для заполнения и требует подробной инструкции, в которой описана последовательность шагов, необходимых для выполнения задания. Если в исследовании респонденты должны, не повторяясь, проранжировать по серьезности 20 преступлений, то инструкция будет выглядеть примерно следующим образом: «Проранжируйте указанные ниже преступления по серьезности. Для этого выберите то преступление, которое Вы считаете наиболее серьезным. Поставьте напротив него цифру «1». После этого из оставшихся преступлений вновь выберите то, которое Вы считаете самым серьезным, и поставьте напротив него цифру «2». Таким же образом оцените все оставшиеся преступления. Напротив наименее серьезного преступления поставьте цифру «20». Не используйте один и тот же ранг для оценки двух и более преступлений. Обязательно оцените серьезность каждого из преступлений».

8. Атрибуция характеристик. Эта методика часто используется для изучения аттитюдов к преступникам, потерпев-

шим, судьям, работникам милиции. Она заключается в том, что респондентам показывают фотографию человека или называют его имя и спрашивают, какое преступление он совершил, какими чертами он обладает. Другая модификация подразумевает ознакомление респондента с рядом фотографий с целью выбора из них изображения вероятного преступника (*Fishman, Rattner, Weimann, 1987*).

9. Выбор одного суждения из группы — одна из наименее часто используемых методик. Она заключается в следующем: респонденту предъявляется ряд утверждений, из которых он должен выбрать то, с которым согласен. Если он согласен с несколькими из них, то он должен выбрать то, с которым согласен в наибольшей степени. Если он не согласен ни с одним из утверждений, то он выбирает то, с которым не согласен в наименьшей степени. Проблема заполнения данной методики состоит в том, что выбранные утверждения не являются альтернативными ответами на один и тот же вопрос. Они относятся к разным объектам и на первый взгляд никак не связаны друг с другом, например,

- «а. Предательство и обман — главные средства прокуроров; б. При рассмотрении уголовного дела необходимо, чтобы подсудимый занял место свидетеля; в. Слишком часто члены групп меньшинства не получают справедливого суда» (*Boehm, 1968*).

Из трех указанных утверждений респондент должен выбрать только одно.

Несмотря на сложность заполнения этой методики, она имеет одно достоинство, которое заключается в том, что респондент не может выбрать из предъявленных утверждений наиболее социально желательное. Поскольку содержание разных утверждений касается разных проблем, респондент не видит перед собой спектра мнений по каждой из них, что и затрудняет оценку социальной желательности каждого из утверждений. Хаотичность выбора утверждений только кажущаяся: каждое утверждение соотносится с одним из типов правосознания или личности, диагностика которых входит в задачу данной методики.

Вне зависимости от методики, опросники, использующиеся при изучении правосознания, различаются по следующим параметрам (*Brodsky, O'Neal Smitherman, 1983*):

1. *Количество изучаемых объектов.* Такие опросники могут быть предназначены для изучения аттитюдов как к одному, например полиции, так и к нескольким разным объектам (закону, судьям, юристам) (*Alpert, Hicks, 1977*). Введение в один опросник двух и более объектов оценки позволяет исследователям оценить степень зависимости аттитюдов к одному из объектов от аттитюдов к другим объектам.

2. *Количество содержательных шкал.* Такие опросники могут включать в себя не только одну, но две и более содержательных шкал. Например, один из опросников для изучения аттитюдов к закону (*Martin, McConnell, 1972*) включает в себя шесть шкал: легитимность закона; необходимость закона; роль коррупции в законных решениях; доверие людям, выносящим решения именем закона; точность таких решений; правовая дискриминация социальных меньшинств. Другой аналогичный пример — опросник для изучения аттитюдов к полиции (*Lowe, 1973*), состоящий из двух шкал: оценки компетентности полицейских и их враждебности по отношению к гражданам. Введение в опросник двух и более содержательных шкал дает возможность всестороннего изучения аттитюдов респондента.

3. *Измеряемый компонент аттитюда.* Некоторые опросники, созданные для исследования правосознания, рассчитаны на изучение его когнитивного компонента — знаний, представлений и оценок, а другие включают в себя вопросы, касающиеся аффективной и поведенческой составляющих. Примером методики, включающей в себя оба типа вопросов, является опросник для изучения отношения к смертной казни (*Jurow, 1971*). Он состоит из двух частей:

- общего вопроса об отношении к смертной казни, при ответе на который респондент должен выбрать одно из пяти предложений: «Я против применения смертной казни при любых обстоятельствах», «Я против смертной казни, кроме некоторых случаев,

где она может быть необходима», «В целом я ни за и ни против смертной казни», «Я за смертную казнь, кроме некоторых случаев, где она может быть не нужна», «Я поддерживаю смертную казнь, как необходимую меру наказания»;

- вопросов о действиях респондента в роли присяжного: «Я не буду голосовать за смертную казнь, несмотря на факты и обстоятельства дела», «В некоторых случаях я не буду голосовать за смертную казнь, даже если закон позволяет мне сделать это, но в других случаях я готов поддержать применение этой меры наказания», «Я буду рассматривать все наказания, полагающиеся по закону, а также факты и обстоятельства данного дела», «Я буду голосовать за смертную казнь в тех случаях, когда закон позволяет мне сделать это», «Я всегда буду голосовать за смертную казнь в тех случаях, когда закон позволяет мне сделать это».

Введение в опросник шкал для измерения разных компонентов аттитюда позволяет определить степень их соответствия друг другу.

4. *Измерение личностных характеристик, влияющих на особенности правосознания.*

Некоторые исследователи полагают, что содержание правосознания связано с личными особенностями и ценностями его носителя. Поэтому целью некоторых опросников является сопоставление индивидуальных характеристик человека с особенностями его правосознания. Один из них состоит из десяти вопросов (*Boehm, 1968*). Каждый вопрос, в свою очередь, включает в себя три утверждения при условии, что респондент должен выбрать только одно из них (см. выбор одного суждения из группы). Каждый вариант ответа соответствует авторитарному (уважение к авторитету и желание наказать нарушителя социальных норм), антиавторитарному (отрицание авторитетов, убеждение в том, что антисоциальные акты являются результатом социальной структуры общества) и эгалитарному (промежуточная позиция по правовым вопросам) типу личности.

5. *Предполагаемые респонденты.* Опросники, созданные для изучения правосознания, предназначаются для заполнения их правопослушными гражданами (*Ball, 1957; Taylor,*

1968), так и юристами (Gottfredson, 1970), в том числе судьями (Ungs, Baas, 1972), полицейскими (Hulen, Maher, 1959; Olson, 1970) или заключенными (Alpert, Hicks, 1977; Ball, 1957; Chang, Zastro, Blazicek, 1975; Hulen, Maher, 1959; Taylor, 1968; Toch, 1975). Предполагается, что качество опросников необходимо соотносить с уровнем респондентов. Например, опросник, подготовленный для юристов, должен отличаться от того, который предлагается гражданам, не имеющим юридического образования, глубиной затрагиваемой тематики и наличием специальных терминов.

6. *Предполагаемая позиция респондентов.* Некоторые опросники, созданные для изучения правосознания, рассчитаны на то, что респондент будет заполнять их не только от своего имени, но и от имени друзей и родных (Bouta, 1969). Например, после описания преступления, совершенного главным героем проективной ситуации, следуют вопросы о том, как бы этот поступок оценил сам респондент, его друзья и знакомые, родители, начальники и т.д. Это делается для того, чтобы выяснить, как мнение окружающих соотносится с мнением респондента.

Несмотря на то что опросы — анкетирование и интервью — основные методы, применяющиеся при изучении правосознания, их использование при опросах общественного мнения имеет ряд **ограничений**.

Ограничения методик

1. Получаемая с помощью опросов информация ограничена предположениями исследователей, вербальна и не отражает противоречий житейского правосознания. Эти ограничения особенно ярко проявляются при использовании стандартизованных опросников или при проведении массовых опросов с небольшим количеством вопросов.

2. *Формулировка вопроса.* Ответ, который дает респондент, зависит от формулировки вопроса, от социальной желательности и эмоциональной нагруженности используемых в нем терминов. Например, исследования показали, что если в анкете термин «порнография» заменить более нейтральным

словом «явно сексуальные материалы», количество желающих запретить это явление упадет почти в два раза (McConahay, 1988; Wu, McCaghy, 1993). Другой пример этого же эффекта заключается в том, что если в инструкции к анкете вместо слова «преступление» поставить «девиантное поведение», то результаты исследования изменятся, в частности различия между ответами мужчин и женщин станут более заметны (Miethe, 1984).

Аналогичное влияние оказывает не замена отдельных слов в вопросе, а изменение его формы. Так, оценка респондентами серьезности наказания зависит, по мнению исследователей, от количества специфических деталей, включенных в описание преступления. Для проверки этого предположения было проведено несколько исследований, в которых преступление описывались более полно, чем обычно.

Так, в одном из них (Covell, Howe, 1996) респонденты должны были определить степень наказания юного правонарушителя 14-15 лет, замешанного в убийстве или изнасиловании. Для этого респонденты читали описание преступлений. В некоторых описаниях содержалась только информация о половой принадлежности и возрасте преступника, а также совершенном им преступлении и вынесенном судебном решении. В других описаниях к уже упомянутой информации добавлялся короткий рассказ о жизни, семье и особенностях развития подростка-преступника. Результаты показали, что добавление этой информации приводило к уменьшению наказания, предписываемого подростку респондентами.

Конечно, выраженность этого эффекта зависит от качества деталей, их «позитивности». По-видимому, введение в описание деталей, роднящих преступника с респондентами, приводит к тому, что он начинает восприниматься как член ингруппы, заслуживающий милосердия.

3. *Обоснованность результатов.* Социологические исследования показывают, что люди могут давать ответы, либо не задумываясь над вопросом, либо не имея достаточных знаний или своего мнения по рассматриваемой проблеме. Так, большинство людей определенно высказывают свое мнение относительно законов, которые никогда не существовали

(*Bishop, Tuchfarber, Oldendick, 1986*). Короткое время, отведенное на опрос, провоцирует респондента отвечать быстро и не задумываясь. Все это приводит к тому, что полученные ответы не отражают сколько-нибудь устойчивого мнения респондентов и не могут быть использованы при прогнозировании их поведения.

4. *Устойчивость результатов.* Мнение людей относительно преступления и наказания, измеренное с помощью анкетирования или стандартизованного интервью, может быть легко модифицировано. Так, человек готов пересмотреть свое мнение о необходимости смертной казни, если узнает о возможности такой меры наказания, как пожизненное заключение без возможности освобождения (*Haney, 1997*).

Например, анализ исследований (*Haney, 1997*) показал, что большинство американских респондентов поддерживает смертную казнь, хотя и считает, что некоторые категории людей, такие, как психически больные и несовершеннолетние преступники, не могут быть подвергнуты этой мере наказания. Больше половины из них считает, что смертная казнь дешевле, чем пожизненное заключение, а одна треть — что ее применение предотвращает совершение преступлений другими людьми. Однако если респонденты узнают, что альтернативой смертной казни является пожизненное заключение без возможности освобождения одновременно с выплатой компенсации родственникам жертвы, две трети из них выбирают именно эту меру наказания.

Таким образом, результаты опроса не всегда позволяют делать широкие временные обобщения.

5. *Способ обработки данных.* Выводы, которые исследователи делают на основании полученных результатов, зависят от процедуры обработки и сравнения данных: сравнение оценок серьезности преступлений, полученных на выборках американских студентов и полицейских, позволило исследователям говорить об их внутрикультурном подобии и, следовательно, об однородности общественного мнения. С другой стороны, некоторые исследователи (*Lesieur, Lehman, 1975*) утверждают, что подобие результатов, полученных в разных выборках, сочетается с их различием внутри каждой выборки: разные полицейские различаются в оценке серьезности преступлений боль-

ше, чем полицейские вообще отличаются от студентов. Следовательно, продолжают они, подобие результатов, полученных при проведении исследования на разных выборках, является слабым показателем однородности общественного мнения¹.

Ограничения анкетирования и стандартизованного интервью при изучении правосознания устраняют использованием ряда других методов сбора информации. Поверхностность информации и ее ограниченность предположениями исследователей может быть компенсирована за счет проведения фокус-групп и глубоких интервью (*Отношение к проблеме смертной казни, 1994*). Образный компонент правовых представлений может быть изучен с помощью проективных методик, например, изучения рисунков респондентов, техники «бабле», использующихся в ходе креативных групп (*Богомолова, Фоломеева, 1997*). Для изучения содержания правосознания на уровне больших социальных групп, в том числе в средствах массовой информации, может быть использован метод контент-анализа.

Изучение представлений о справедливости происходит, как правило, в рамках лабораторного эксперимента или с использованием анкетирования вне экспериментальной процедуры. В первом случае речь идет о выявлении факторов, благодаря которым событие оценивается как справедливое или несправедливое. Во втором случае целью исследования становится воссоздание структуры житейских представлений о справедливости или несправедливости.

Для исследования представлений о справедливости используется три типа экспериментальных процедур, одна из которых рассчитана на изучение представлений о процедурной справедливости, а две оставшиеся — дистрибутивной (справедливости распределения вознаграждения).

Первая экспериментальная процедура, созданная для изучения представлений о дистрибутивной справедливости, заключается в следующем. Респонденты работают в группе, члены которой решают одинаковые задачи, но окончательный

Методики исследования

результат группы зависит от вклада каждого участника. После выполнения работы респонденты получают информацию о вкладах каждого из них в общее дело. В конце процедуры каждый респондент распределяет вознаграждение между всеми участниками эксперимента. Именно такая процедура была использована в эксперименте Г.Левенталя (*Leventhal, Lane, 1970*), который предлагал своим респондентам решить экспериментальную задачу совместно с партнером и распределить вознаграждение между ним и собой.

В другом варианте аналогичной процедуры респонденту сообщается о том вознаграждении, которое он получит в ходе выполнения экспериментального задания. Далее он выполняет это задание в одиночку. Экспериментаторы фиксируют, каким образом качество выполнения задания зависит от ожидаемого вознаграждения. В данном случае предполагается, что, если респондент рассматривает обещанное вознаграждение как непомерно большое или маленькое, т.е. несправедливое, он будет, соответственно, повышать или понижать качество выполнения работы.

Обе описанные процедуры основаны на предположении о том, что при распределении вознаграждения респонденты пытаются восстановить справедливость. Следовательно, анализируя поведение респондентов, исследователь понимает, какой исход событий рассматривается ими как справедливый и несправедливый.

Вторая экспериментальная процедура, созданная для изучения представлений о дистрибутивной справедливости, отличается от первой пониманием того, как именно оценка справедливости происходящего связана с поведением. В рамках этой процедуры происходит измерение не поведения, а непосредственно представлений о справедливости.

Данная процедура заключается в предъявлении респонденту проективной ситуации, в которой описывается некоторое событие. Прочитав описание, респондент должен оценить справедливость происходящего, чувства жертвы, оправданность поступков человека, ставшего причиной несправедли-

вости, и т.д. Разные экспериментальные группы получают описания, различающиеся по ряду параметров. Эти параметры и являются независимыми переменными.

Такая процедура была использована в недавнем исследовании М.Платова и коллег (*Platow et al., 1995*), в котором описание ситуации различалось по двум параметрам: принадлежности главного героя к социальной группе респондентов или к аутгруппе, а также типу ситуации взаимодействия (межличностная / межгрупповая). Влияние каждого из параметров на оценку справедливости происходящего определялось на основе различия результатов, полученных в разных экспериментальных группах. Такой вариант экспериментальной процедуры получает в настоящее время все большее распространение из-за легкости ее проведения и популярности когнитивного подхода.

Третья экспериментальная процедура была создана для изучения субъективной процедурной справедливости — представлений о справедливости процедуры принятия решения. При использовании этой методики респонденты оказываются в положении людей, принимающих решение в рамках какой-либо процедуры. После принятия решения они оценивают степень своей удовлетворенности как процедурой, так и принятым решением. Члены разных экспериментальных групп выносят решения с использованием разных процедур. Тип процедуры и является в данном случае независимой переменной.

В качестве примеров процедур принятия решения выступают, чаще всего, состязательная и инквизиционная процедуры. При состязательной процедуре доказательства, на основе которых выносится окончательное решение, предоставляются сторонами, а в задачу судей входит вынесение решения на их основе. В рамках инквизиционной процедуры основную роль в судебном процессе играют судья и его помощники, которые не только принимают решение, но и самостоятельно изучают доказательства по делу.

Представления о справедливости изучаются и без применения экспериментальных процедур. Основной целью *неэкспериментальных исследований* является воссоздание струк-

Введение

туры житейских представлений о справедливости / несправедливости. В качестве методик, использующихся в таких исследованиях, выступают (Воловикова, Соснина, 2001):

- Ассоциации на слова «справедливость» и «несправедливость». Респонденты должны подобрать три ассоциации к слову «справедливость/ несправедливость». При обработке результатов вычисляется процент упоминания каждого из слов относительно общего количества слов-ассоциаций.

- Описание справедливого (несправедливого) события. Респондента просят вспомнить ситуацию, которую он мог бы назвать справедливой (несправедливой), и описать ее. Полученные рассказы подвергаются контент-анализу.

- Описание справедливого (несправедливого) человека. Создание этой методики состоит из двух этапов. На первом этапе респондентов просят описать реального человека, которого они считают справедливым (несправедливым). Контент-анализ сочинений позволяет выделить основные параметры его описания. Затем с помощью частотного анализа и метода экспертных оценок отбирают определенное количество параметров, на основе которых составляется анкета, включающая в себя ряд одномерных шкал. Ее предъявляют респондентам с просьбой вспомнить справедливого (несправедливого) человека и отметить, есть ли в нем черты, указанные в анкете.

Большинство исследований **атрибуции ответственности** проведено с использованием одной и той же экспериментальной процедуры, в рамках которой респондентам предъявляется проективная ситуация, описывающая преступление. Прочитав ситуацию, респонденты должны оценить степень ответственности и вины за происшедшее как преступника, так и его жертвы. Как и в случае изучения представлений о дистрибутивной справедливости, проективные ситуации различаются по ряду параметров, которые являются независимыми переменными. В качестве независимых переменных могут выступать, например, привлекательность и добропорядочность жертвы преступления, социальный статус преступника, размер ущер-

Методики
исследования

Введение

ба и т.д. Участники каждой экспериментальной группы получают ситуацию только одного типа. Ответы, данные респондентами из разных экспериментальных групп, сравниваются между собой.

Основная проблема этой и подобных ей экспериментальных методик связана с ее ограниченной валидностью. Использование проективных ситуаций в качестве основной или единственной методики исследования рассчитано на респондентов с развитым воображением, которые способны представить себе как сложившуюся ситуацию, так и себя в качестве свидетеля происходящего. Кроме того, проективные ситуации включают в себя ограниченное количество информации о происходящем, тогда как респонденты, которым необходимо оценить ответственность за совершение преступления каждого из персонажей, часто хотят иметь более полное описание. Эти недостатки процедуры могут быть компенсированы проведением полевых исследований в ситуациях, в которых основная задача респондентов сводится к определению степени ответственности и вины преступника, например, в суде присяжных.

В последующих главах мы рассмотрим конкретные примеры применения перечисленных методик для изучения феноменов из области психологии и права.

Ограничения
методик

Примечания

¹ Результаты других исследований показали, что корреляция между оценками серьезности преступлений, данными разными респондентами, высока (Rossi et al., 1974; Cullen, Link, Polanzi, 1982).

Глава I.

Основные направления изучения правосознания и правовой социализации

Интерес к систематическому изучению правосознания возник в США в начале 20 века и существует по сей день. В число первых исследований правосознания входит изучение оценки серьезности преступлений, начатое Л.Терстоуном (*Thurstone, 1927*). В настоящее время к области правосознания относятся широкий круг проблем, включающий правовую социализацию, межкультурные различия в правосознании, а также attitudes по отношению к преступлениям и преступникам (подсудимым, заключенным), закону, наказанию, правоохранительным органам / суду, пенитенциарной системе и их работникам. Значимость изучения правосознания определяется, прежде всего, влиянием, которое оно оказывает на поведение людей как в рамках правовых институтов, например, суда, так и в ходе повседневного взаимодействия. Определенное понимание целей закона и наказания, представления о причинах преступности, оценка допустимости тех или иных действий со стороны работников милиции влияют не только на поведение самих носителей правосознания, но и на отношение к ним со стороны представителей силовых и судебных структур. Таким образом, изучение правосознания становится одной из центральных проблем области психологии и права.

Для изучения правосознания характерен разрыв между теоретическим анализом этого феномена и его эмпирическим исследованием. Наличие этого разрыва определяется тремя причинами: изучением феноменов, относящихся к области правосознания, в рамках традиционных социально-психологических теорий; анализом правосознания как системы attitudes; несоординированностью усилий представителей разных специальностей.

Во-первых, феномены, относящиеся к области правосознания, в ряде случаев выступают как способ демонстрации

общих психологических закономерностей, служат для подтверждения социально-психологических теорий. Например, представления о правах человека рассматриваются в рамках концепции социальных представлений. Изучение влияния демонстрации порнографии на attitudes к женщине происходит в русле бихевиоральной традиции. Исследование влияния этнической принадлежности преступника на предлагаемое ему наказание — в рамках теории социальной идентичности. Такая раздробленность изучения правосознания приводит к игнорированию его целостности, следствием чего является отсутствие интереса к теоретическому осмыслению этого феномена.

Во-вторых, в основе разрыва между теоретическим анализом и эмпирическим изучением правосознания лежит невосребованность этого понятия в североамериканских и западноевропейских исследованиях, авторы которых предпочитают использовать для обозначения отношения людей к закону, преступлению, наказанию и правовым институтам термин «attitudes» (социальные установки). Однако поскольку изучение attitudes происходит в рамках разных теоретических подходов (бихевиорального, когнитивного и т.д.), анализ правосознания как системы социальных установок не предполагает специального обращения к теоретическому анализу его природы и структуры.

В-третьих, разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями изучения правосознания является результатом несоординированности усилий представителей разных специальностей. В частности, в России, где термин «правосознание» получил широкое распространение, разработкой его теоретических аспектов долгое время занимались философы, а проведением эмпирических исследований — социологи и психологи. Наиболее последовательную позицию в данном случае занимали некоторые российские исследователи, положившие в основу определения правосознания и его эмпирического изучения концепцию общественного сознания (*Рапинов, 1974*).

Сегодня правосознание вызывает интерес у психологов, социологов и юристов. Представители каждой специальности обладают собственным взглядом на то, с каких позиций и с помощью каких методов должен изучаться этот феномен.

В основе классификации направлений эмпирического изучения правосознания лежат два критерия: цель исследования и «точка отсчета». В соответствии с первым критерием подходы к изучению правосознания подразделяются на описательный, структурный и объяснительный.

«*Описательный*» подход предполагает изучение текущего состояния правосознания посредством проведения массовых опросов. В «описательных» исследованиях, как правило, не ставится вопросов о причинах возникновения того или иного типа правосознания. Несмотря на то, что опросник, используемый в рамках такого исследования, обязательно включает в себя «паспортчику», установление корреляционной зависимости между социодемографическими характеристиками респондентов и особенностями их правосознания не дает ответа на вопрос о причинах возникновения последнего. Основным методом исследования, используемым в рамках этого подхода, является анкетирование. Анкеты включают в себя относительно небольшое количество закрытых или полужакрытых вопросов и проводятся на больших репрезентативных выборках. Таким образом, репрезентативность выборки обеспечивает внешнюю валидность исследования, однако использование относительно небольшого количества вопросов приводит к невозможности глубокого изучения структуры и содержания правосознания.

«*Структурный*» подход предполагает подробное изучение структуры и противоречий обыденного правосознания. В рамках этого подхода используются методы опросов (анкетирование и интервью), а также контент-анализ и фокус-группы. К особенностям этого подхода стоит отнести возможность глубокого изучения структуры правосознания за счет уменьшения размера используемой выборки.

«*Объяснительный*» подход к изучению правосознания связан с поиском причин его возникновения и выделением

факторов, оказывающих влияние на его содержание. Основным методом, используемым в рамках этого подхода, является лабораторный или полевой эксперимент с участием относительно небольшого количества респондентов.

Применение второго критерия классификации — «точки отсчета» дает возможность выделить два подхода к эмпирическому изучению правосознания. В рамках первого из них «точкой отсчета» является закон. В этом случае исследователей интересует, в какой степени респонденты знакомы с различными правовыми нормами. При этом они игнорируют структуру «обыденного» правосознания. Именно при таком подходе имеет смысл термин «деформации правосознания», до недавнего времени активно использовавшийся российскими исследователями и означающий, что субъект правосознания плохо осведомлен о содержании закона или негативно к нему относится.

Таблица 1.1. Направления изучения правосознания

«Точка отсчета» Подход	Закон	Житейские представления
Описательный	Знание закона, оценка серьезности преступлений, понимание того, является ли поступок преступлением, оценка наказаний за разные преступления	Информация, передающаяся через институты правовой социализации; оценка серьезности преступления, страх перед преступлениями, attitudes к закону, наказанию и работникам милиции / суда
Структурный		Определение преступления, скрипты преступлений и мифы о них
Объяснительный	Модели правовой социализации	Модели правовой социализации; влияние демонстрации в СМИ насилия на поведение человека; межкультурные различия в правосознании

При принятии за «точку отсчета» *житейских представлений* респондентов предметом изучения становится «обыден-

ное» правосознание — его структура и содержание. В этом случае отношение граждан к тому или иному явлению (порнографии, смертной казни) приобретает для исследователей самостоятельную ценность. При таком подходе термин «деформации правосознания» теряет свое значение из-за отсутствия «правильного» правосознания.

Таким образом, существует шесть возможных направлений изучения правосознания (табл. I.1) (в ячейках таблицы приведены примеры феноменов, изучающихся в рамках разных подходов).

1. Определение правосознания и теоретические подходы к его изучению

Одна из основных методологических проблем изучения правосознания связана с отсутствием единого определения этого феномена.

Примечательно, что отсутствие единого определения правосознания не затрудняет его эмпирического изучения. Это положение объясняется существованием в Северной Америке и западноевропейских странах традиционных тематических областей изучения правосознания, таких, как оценка серьезности преступлений, страх перед преступлениями, знание закона, отношение к работникам правоохранительных органов и суда и т.д. Изучение каждой из этих областей носит самостоятельный характер. Второй причиной того, что отсутствие общего определения правосознания не затрудняет его эмпирического изучения, является уже упомянутое использование феноменов из области правосознания для демонстрации общих психологических закономерностей.

Попытка ввести единый термин для обозначения отношения людей к таким разным явлениям, как преступление, наказание, закон, правоохранительные органы и суд, была принята в 60-х годах XX в. российскими философами (*Фарбер, 1963*), работающими в рамках концепции общественно-

го сознания. Термин «правосознание» использовался также представителями польской школы социологии, однако не получил широкой известности в других странах. Таким образом, авторство существующих на данный момент определений правосознания принадлежит, в основном, российским исследователям.

1.1 Определение и структура правосознания

Большинство современных определений правосознания сформулировано в виде перечня элементов, среди которых: идея, теория, взгляд, убеждение, представление, понятие, рациональный образ, мнение, идеал, верование, ценностная ориентация, настроение, переживание, чувство, состояние, отношение, привычка, традиция, установка (*Колотов, 1991; Лысков, 1969; Фарбер, 1963; Чефранов, 1983*).

Таким образом, в качестве основных элементов структуры правосознания выделяют правовые чувства, установки, правовой опыт, правовые иллюзии (*Баранов, 1991*); знание права, представления о праве, отношения и требования к праву, отношение к выполнению правовых предписаний (*Пристанская, Юцкова, 1990*); мотивы соблюдения закона (*Семенко, 1987*); осознание и принятие тех социальных ценностей, которые находят свое официальное закрепление в праве (*Еникеев, 1982*).

По мнению исследователей, элементы правосознания различаются по стойкости, эмоциональной насыщенности и содержанию (*Колотов, 1991*) и объединяются в три (*Болхан, 1970; Лысков, 1969*) или четыре (*Щегорцев, 1981*) компонента:

- содержательный (что думает и знает человек о законе, наказании и т.д.);
- оценочный (как оценивает происходящее в сфере права);
- поведенческий (как человек намеревается себя вести в правозначащих ситуациях);
- энергетический (эмоциональное сопровождение поведения).

В целом трехкомпонентная структура, в которой оценочный компонент является частью содержательного, идентична структуре аттитюда. Таким образом, содержательный и оценочный компоненты образуют когнитивный компонент аттитюда, энергетический — аффективный компонент, а намерения человека вести себя в правозначащих ситуациях определенным образом — поведенческий компонент. Эта структура используется и в западных исследованиях правосознания. В принципе возможно выделение еще одного компонента правосознания — образного, включающего в себя визуальный образ преступника, жертвы, милиционера, судьи и т.д.

Все упомянутые элементы правосознания могут быть разделены на четыре группы: аттитюды (1) к преступлениям / преступникам, (2) закону, (3) наказанию, (4) правоохранительной / судебной / пенитенциарной системам и их работникам. Аттитюды к каждому из объектов включают в себя когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты.

Отдельные компоненты правосознания соотносятся российскими исследователями с его основными функциями и эмпирическими показателями (табл. 1.2.).

Таблица 1.2. Компоненты правосознания, их эмпирические показатели и функции по А.Р.Ратинову (Ратинов, 1975)

Основные функции правосознания	Компоненты правосознания	Эмпирические показатели
Познавательная	Интеллектуальный	Юридические знания и умения
Оценочная	Интеллектуально-эмоциональный	Оценочные суждения
Регулятивная	Интеллектуально-эмоционально-волевой	Поведенческие позиции

Однако систематизация элементов правосознания и даже приписывание разных функций разным его компонентам не оправдывают введение общего термина для обозначения этого явления. Оправданием введения термина «правосознание»

в эмпирические исследования может служить системность этого феномена, объединенность его элементов в единую структуру, содержание каждого компонента которой зависит от содержания других ее компонентов.

Российскими исследователями предпринималось несколько попыток описать правосознание как целостный феномен. Одна из таких попыток принадлежит В.А.Щегорцеву, который предложил рассматривать правосознание как целостное состояние, под которым понимается не просто совокупность элементов (идей, взглядов, представлений, чувств), а их взаимное положение, при условии, что один из элементов занимает доминирующую позицию. Правосознание, понимаемое как состояние, отличаются эмоциональная окрашенность, интенсивность и продолжительность воздействия на поведение его носителей (Щегорцев, 1981).

Другой вариант понимания правосознания как целостного феномена — представление о нем как о системе, обладающей следующими свойствами: целями, структурой, в том числе управляющим центром, делимостью на подсистемы, внутренней противоречивостью и изменчивостью, ресурсами, окружающей средой, относительной изолированностью и обратной связью от нее, способностью самостоятельно функционировать и организовывать свою работу и, следовательно, собственным опытом, способностью поддерживать свои параметры на необходимом уровне, а также возможностью быть измененной (Баранов, 1997).

В пользу предположения о системности правосознания говорят эмпирические исследования, в которых было продемонстрировано наличие взаимосвязи между размером предлагаемого преступнику наказания, страхом перед преступлениями и оценкой уровня преступности.

К сожалению, теоретическая разработка идеи системности правосознания редко получает свое эмпирическое воплощение.

1.2 Виды правосознания

Основные классификации правосознания были сформулированы российскими исследователями еще в 70-х годах XX в. и связаны с пониманием этого феномена как формы общественного сознания.

Например, А.Р.Ратинов (*Ратинов, 1974*) выделяет пять критериев классификации правосознания:

- способ отражения (познавательное правосознание, включающее знания / идеи, и социально-психологическое правосознание, включающее переживания и оценки);
- глубина отражения (обыденное правосознание, целенаправленно формирующееся в обыденной жизни / теоретическое правосознание, хорошо структурированное, присутствующее, в основном, у юристов);
- широта распространения (массовое правосознание, распространенное среди больших социальных групп / специализированное, характерное для определенных профессиональных групп / локальное правосознание, существующее в отдельных районах);
  - субъект (индивид / группа / общество);
  - предмет отражения (уголовно-правовое правосознание, административно-правовое и т.д.).

1.3 Теоретические подходы к изучению правосознания

Кроме определения структуры и типов правосознания, на операционализацию этого термина в конкретном эмпирическом исследовании оказывает влияние ряд утверждений, касающихся его природы и связи с поведением. До недавнего времени изучение правосознания строилось в рамках концепций общественного сознания, массового сознания и социальных представлений¹. Подходы к изучению правосознания как формы общественного сознания, аспекта массового сознания или системы социальных представлений различаются по нескольким параметрам (*Гулевич, 1999*).

Способ возникновения правосознания: в случае употребления для обозначения правосознания терминов «форма общественного сознания» и «массовое сознание» акцент наиболее часто делается на важности отражения человеком некоторой объективной реальности, прежде всего, социальной — экономической, политической, правовой и т.д. Но если при понимании правосознания как формы общественного сознания акцент делается, прежде всего, на трудно изменяемых особенностях экономической, социальной и правовой систем (*Баранов, 1991; Бегинин, 1993*), то «массовое сознание» ставится в зависимость и от менее стабильных условий, например степени расхождения между реальностью и ожиданиями людей, поведения элиты общества (*Брушлинский, 1996*) или сознательных усилий субъектов правосознания (*Капустин, 1994*). В концепции социальных представлений подчеркивается договорной характер обыденных знаний и представлений, формирующихся в ходе повседневной коммуникации (*Калькова, 1992; Jovchelovitch, 1996; Lorenzi-Cioldi, 1996; Moscovici, 1988; Philogene, 1994; Rouquette, 1996*).

Субъект правосознания: в качестве субъекта правосознания могут рассматриваться как отдельный человек, так и социальная группа. При изучении правосознания как формы общественного сознания во внимание принимаются обе возможности, т.е. речь идет о том, что, хотя правосознание является достоянием отдельных людей, их включенность в социальные группы — малые или большие — влияет на его содержание, примером чему является профессиональное правосознание юристов, учителей или врачей (*Каминская, Ратинов, 1974; Пристанская, Юцкова, 1990; Щегорцев, 1981*). Субъект правосознания как аспекта массового сознания (*Грушин, 1987*) или как совокупности социальных представлений (*Echate, Guede, Castro, 1994; Hewstone, Jaspars, Lalljee, 1982; Wagner, 1995*) — большие социальные группы, выделяемые на основе национальной или расовой принадлежности, возраста, пола, гражданства, рода деятельности их членов.

Целостность и непротиворечивость правосознания. При упоминании общественного сознания говорят о многообразии и некоторой отделенности друг от друга его форм (правовое сознание, политическое сознание, моральное сознание и т.д.), типов (познание или отношение, обыденное или теоретическое) и элементов (Щегорцев, 1981). Правосознание как форма общественного сознания оценивается как структура, элементы которой не противоречат друг другу². Употребляя термин массовое сознание, часто упоминают о его нерасчлененности на разные формы и компоненты, а также о его противоречивости, несогласованности между собой разных его элементов (Горшков и др., 1996; Иванов, Котов, Ладодо, 1996; Тощенко, 1995). И наконец, социальные представления рассматриваются как структура, состоящая из центральных и периферических элементов (Донцов, Емельянова, 1987; Трушкова, 1996; Якимова, 1996; Abric, 1984; Echate, Guede, Castro, 1994; Joffe, 1996; Markova, Wilki, 1987; Moliner, 1995; Moscovici, 1987).

Стабильность правосознания: разные компоненты правосознания различаются по степени своей подверженности изменению. В частности, термином «общественное сознание» обозначается стабильный и медленно изменяющийся, а понятием «массовое сознание» — мобильный, легко поддающийся модификации компонент (Грушин, 1987; Кириллов, 1995).

Отношение к процессу познания: правосознание может рассматриваться как результат процесса познания (как в случае «массового» и «общественного сознания») и как структура, ему предшествующая (в теории социальных представлений) (Калькова, 1992; Трушкова, 1996; Якимова, 1996; Jahoda, 1988; Moscovici, 1984, 1987).

Связь с поведением: правосознание может интересовать исследователей как самоценное или в связи с поведением. Первый подход доминировал в первые годы изучения правосознания как формы общественного сознания. Концепция массового сознания постулирует неразрывную связь правового сознания с поведением. Аналогичным образом одной из фун-

кций, приписываемых социальным представлениям, является их влияние на поведение.

Разное понимание правосознания сказывается на построении эмпирических исследований. Например, отношение к правосознанию как к противоречивому феномену делает необходимым использование фокус-групп или свободных описаний, позволяющих выделить основные направления этих противоречий. Согласие с утверждением об изменчивости правосознания приводит к проведению многоразовых замеров его состояния. Понимание правосознания как фактора, оказывающего влияние на реальное поведение людей, приводит к изучению их реакций в различных правозначащих ситуациях.

1.4 Связь правосознания и индивидуальных особенностей его носителя

Обязательным условием проведения социально-психологических и социологических исследований правосознания является соотнесение полученных результатов с характеристиками респондентов. За этим, очевидно, стоит предположение, гласящее, что те или иные характеристики респондентов связаны с особым опытом их социализации, который и определяет различия в их правосознании.

Можно выделить два типа индивидуальных характеристик респондентов, рассматриваемых исследователями при изучении правосознания: социодемографические (пол, возраст, экономический и профессиональный статус, партийная принадлежность) и психологические (тревожность, агрессивность, адаптированность, степень авторитаризма, аттитюды и социальные представления, не связанные непосредственно с областью права).

Социодемографические характеристики очевидны, легко фиксируются и оказывают некоторое влияние на содержание правосознания. Например, в одном из современных российских исследований было выяснено, что наиболее позитивное отношение к закону наблюдается у людей со средним специальным образованием, имеющих семью и служащих в армии (Трушков, 1995).

Глава I.

Вместе с тем, связь между социодемографическими характеристиками респондентов и их мнением по различным правовым вопросам непостоянна. Во-первых, она изменяется со временем.

Так, в одном из исследований отношения людей к различным городским службам, в том числе к полиции, было показано, что, во-первых, с определенным типом отношения к полиции связаны не отдельные характеристики, а их группы; во-вторых, для отношения к разным городским службам важны разные характеристики (для оценки работы полиции важна раса и негативные аттитюды к социальной жизни); в-третьих, характер связи между социодемографическими и экономическими характеристиками респондентов и их отношением к службам, в том числе полиции, различается от года к году (*Tan, Murrell, 1984*).

Во-вторых, характер связи между социодемографическими характеристиками и особенностями правосознания респондентов зависит от культурного контекста. Например, сторонниками борьбы с наркоманией в Белизе являются люди с низким уровнем образования, а в США — с высоким (*Wiegand, Bennett, 1993*).

Психологические характеристики респондентов, такие как тревожность, адаптированность, догматизм оказывают более серьезное влияние на правосознание, чем социодемографические особенности (*Подгурецкий, 1974*). Например, результаты исследования Дж. Тапп и Ф. Левина (*Tapp, Levine, 1977*) продемонстрировали связь между уровнем правового развития, с одной стороны, и самооценкой и авторитаризмом с другой, а исследования аттитюдов к изнасилованию — их зависимость от веры в справедливый мир (*Tabone, Pardine, Salzano, 1992*).

Вместе с тем, психологические особенности труднее поддаются фиксации, чем социодемографические, и поэтому реже учитываются при проведении исследований.

На сегодняшний день существует несколько направлений изучения правосознания. Классификацию этих направлений можно провести по двум основаниям: плоскости изучения (процесс формирования правосознания (правовая социализация)/

Основные направления изучения правосознания

наличное состояние правосознания) и ситуации изучения (в рамках правовых институтов / вне их) (табл.1.3).

Таблица 1.3. Направления изучения правосознания.

Ситуация изучения	В рамках суда или правоохранительных органов	За пределами суда или правоохранительных органов
Плоскость изучения		
Правовая социализация	1. Механизмы правовой социализации в суде присяжных; правоохранительные органы и суд как институты правовой социализации	2. Виды, модели (когнитивная, бихевиоральная), институты правовой социализации межкультурные различия в правосознании
Наличие состояния правосознания	3. Роль аттитюдов к преступлению, наказанию, закону и работникам правоохранительных органов / суда в принятии решения присяжными заседателями	4. Представления и аттитюды к преступлению, наказанию, закону, правоохранительным органам / суду/ пенитенциарной системе

В данной главе будет рассмотрена правовая социализация, межкультурные различия в правосознании, а также аттитюды к преступлению, наказанию, закону и правоохранительной / судебной / пенитенциарной системам и их работникам.

2. Правовая социализация

2.1 Типы и модели правовой социализации

2.1.1 Определение и типы правовой социализации

Правовая социализация — процесс формирования когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов правосознания.

В основе исследования правовой социализации лежит представление о законе как о существенном элементе любой куль-

туры (Курильски-Ожвен, Арутюнян, Здравомыслова, 1996). Сторонники изучения этого процесса утверждают, что уважение к закону и следование его нормам является итогом определенного направления развития человека.

В рамках этого подхода изучаются механизмы присвоения людьми правовых норм и представлений, а также возможность изменения уже сложившихся взглядов, виды и характер влияния, оказываемого институтами социализации.

Существуют две классификации правовой социализации: по степени понимания человеком отношения происходящего к области закона (эксплицитная / имплицитная) и по результату, к которому она приводит (к девиантности / к конформности) (Курильски-Ожвен, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

- В ходе эксплицитной социализации человек понимает, что усваиваемые им знания и нормы поведения имеют отношение к правовой сфере. Одним из институтов эксплицитной социализации является суд.

- Субъект имплицитной социализации не осознает связь поступающей к нему информации с законом. Например, ребенок, родители которого поступают с ним по принципу «не пойман — не вор», как правило, не осознает связи этого принципа с презумпцией невиновности.

- В ходе социализации, приводящей к конформности, человек точно узнает, что и как надо и не надо делать.

- Результатом социализации, приводящей к девиантности, является усвоение нескольких вариантов поведения в определенных пределах.

В западной социальной психологии существует несколько подходов к изучению процесса правовой социализации.

2.1.2 Когнитивная модель правовой социализации

В рамках когнитивного подхода правовая социализация может быть определена как «процесс присвоения — то есть прогрессивной ассимиляции и реорганизации субъектом представлений и знаний — элементов правовой системы, регули-

рующей данное общество» (Курильски-Ожвен, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

К числу когнитивных моделей правовой социализации относится модель правового развития Дж.Талп и Ф. Левина, которая берет свое начало из когнитивных моделей моральной социализации Ж.Пиаже и Л.Колберга.

Согласно взгляду Ж.Пиаже (Николаева, 1995; Piaget, 1932), продвижение от незрелой, генетически более ранней формы морали к зрелой обусловлено тремя факторами:

- общим интеллектуальным развитием, изменением когнитивных структур человека. Пиаже говорил о трех уровнях развития когнитивных структур: предоперациональном, а также об уровнях конкретных и формальных операций. В соответствии с его точкой зрения человек проходит все три стадии развития в заданном порядке. Переход с уровня на уровень, его мнению, происходит в результате взаимодействия между структурами организма и среды. Он осуществляется благодаря трем процессам — ассимиляции материала в существующие структуры, аккомодации самих структур под воздействием информации и равновесию как результату этих процессов;

- освобождением от подчинения авторитетному лицу;
- опытом социального взаимодействия со сверстниками на основе принципа равенства.

Пиаже выделил две стадии морального развития человека, основное различие между которыми состоит в ориентации при определении «хорошего-плохого» на чей-либо авторитет или непосредственно на систему моральных норм (Николаева, 1995).

Первая стадия была названа им «моралью принуждения» и характеризовалась эгоцентризмом и послушанием власти. В возрасте от 5 до 8 лет ребенок ориентируется на мнение взрослых при определении справедливого, правильного, морального. В зависимости от мнения авторитетного лица он оценивает поступки других. Содержание моральной сферы составляют запреты, услышанные от взрослых. Вследствие того, что правила исходят от авторитетных лиц, они воспринимаются как неизменные и абсолютные. Поскольку незре-

лая форма морали тесно связана с эгоцентризмом, на данном этапе развития ребенок не способен встать на точку зрения другого человека, оценить его желания и мотивы поведения. Кроме того, «реализм» детского мышления ведет к тому, что ребенок рассматривает моральные нормы как часть физического мира. По его мнению, их нарушение вызывает изменения в окружающей среде. Следовательно, целью наказания является предотвращение таких нарушений в дальнейшем. Понимание ценности правил, исходящих от взрослого, усиливается наказанием, следующим за их нарушением (Николаева, 1995).

На второй стадии, которую Пиаже назвал «моралью кооперации», правила выступают в детском сознании как изменяемые, но внутренне необходимые и добровольно принятые. Возникновение способности к децентрации приводит к тому, что ребенок может встать на точку зрения другого, способен понять его мотивы и намерения. Целью наказания становится не подчинение авторитетному лицу, а признание необходимости правил (Николаева, 1995).

Сторонники модели морального развития Пиаже утверждают, что люди, находящиеся на разных стадиях морального развития, отличаются друг от друга способом оценки поступков, наносящих ущерб. Они предполагают, что ребенок, находящийся на первой стадии морального развития, оценивает поведение человека по размеру нанесенного им ущерба, тогда как для того, кто находится на второй стадии, важную роль играют намерения деятеля.

Так, в одном исследовании (Leman, Duveen, 1999) детям-респондентам рассказывали две истории. В одной из них мальчик по имени Джон разбивал шесть чашек в тот момент, когда бежал вниз по лестнице, потому что мама позвала его есть. В другой истории мальчик Дэвид разбивал только одну чашку, когда пытался достать из шкафа конфеты. После того, как дети читали истории, их спрашивали, является ли один из мальчиков более виноватым, чем другой. При этом предполагалось, что дети, находящиеся на первой стадии морального развития, будут оценивать поступок героев по размеру ущерба (больше виноват Джон), а те, кто находился на второй, — по намерениям (больше виноват Дэвид). В этом исследовании

довании дети сначала давали индивидуальные ответы на вопрос, а потом их объединяли в пары, где они снова обсуждали эту проблему. Пары были разнообразны по половому составу (мальчик-мальчик, мальчик-девочка, девочка-девочка), а также по уровню морального развития ее членов. Было показано, что в результате этих обсуждений победу одержала точка зрения детей, находящихся на второй стадии морального развития. Это быстрее происходило в тех парах, где один и тот же человек обладал высоким статусом (мальчик³) и более высоким уровнем морального развития. В тех парах, где более высокий уровень морального развития была у девочки (человека с более низким статусом), обсуждение затягивалось, но со временем приходило к тому же результату.

Дальнейшие исследования выявили основной недостаток модели Пиаже — неоднородность моральной социализации. В частности, кросс-культурные исследования, проведенные по методикам этого автора, продемонстрировали относительную обособленность друг от друга таких стадий морального развития, как понимание мотивов и намерений других, независимость от авторитета, способность понять точку зрения другого, понимание цели наказания. Поэтому последователи Пиаже поставили вопрос о замене термина «стадия» на понятие морального сознания как совокупности отдельных параметров (Николаева, 1995).

Критика

На основе теории морального развития Пиаже выросла достаточно известная в настоящее время модель морального развития Л. Колберга (Tapp, Kohlberg, 1971), в основе которой лежат следующие утверждения (Анцыферова, 1999; Николаева, 1995):

(а) Представители разных обществ и культур не различаются по степени принятия ряда основных ценностей. На основе анализа результатов исследования Колберг выделил одиннадцать таких ценностей. Среди них законы и нормы; совесть; способность выразить свои чувства; авторитет; гражданские права; договор, доверие и справедливость в обмене; наказание и справедливость; ценность жизни; ценность и права собственности; правда или истина; любовь и секс. Таким образом, ста-

дия морального развития определяется не характером, а стилем отношения к этим ценностям.

(b) Центральным понятием модели является понятие справедливости. Принципы справедливости являются основой для разрешения моральных конфликтов, возникающих в результате столкновения интересов участников. Суть справедливости — это распределение прав и обязанностей, регулируемое понятиями равенства и взаимности.

(c) Критериями моральной зрелости, достижения высшего уровня морального развития являются как принятие универсальных этических принципов, так и выработка личностью новых моральных ценностей, собственной этической концепции.

(d) В сформировавшемся виде система нравственных «операций» обладает такими же свойствами обратимости и уравновешенности, которые свойственны логико-математическим и физическим суждениям (или операциям). Обратимость моральных «операций» достигается в результате развития у человека способности становиться на точку зрения других участников морального конфликта. По словам Колберга, его концепция требует, чтобы человек систематически принимал позицию каждого другого до тех пор, пока решение не возникнет как полностью справедливо сбалансированное.

(e) Основные моральные нормы и принципы личности не являются автоматически усвоенными «внешними» нормами и не складываются вследствие опыта наказания и вознаграждения, а вырабатываются в ходе социального взаимодействия.

(f) Поскольку все культуры имеют общие основы социального взаимодействия, процесс морального развития во всех обществах подчиняется общим закономерностям.

В основу этой модели легли результаты лонгитюдного исследования, проведенного с участием 60 американских мужчин от 10 до 40 лет. Участники этого исследования должны были разрешить ряд моральных дилемм и объяснить принятое ими решение. Каждая дилемма была сформулирована в форме рассказа, главный герой которого совершал амораль-

ный поступок. Сложность подобных дилемм заключалась в том, что несовершенство героя этого поступка привело бы к не менее аморальным последствиям.

Например, одна из используемых Колбергом моральных дилемм звучала следующим образом:

«Муж и его жена недавно иммигрировали из-за высоких гор. Они поселились в деревне и занялись сельским хозяйством в таком месте, где не было дождей и не росли злаки. Оба жили впроголодь. Из-за скудного питания жена заболела и оказалась на пороге смерти. В деревне, где жили супруги, была только одна продуктовая лавка, и лавочник установил высокие цены на продукты. Муж просил лавочника дать ему немного еды для жены, обещая заплатить позже. Но лавочник ответил ему: «Я не дам тебе продуктов до тех пор, пока ты не заплатишь за них». Муж обошел всех жителей деревни с просьбой дать ему немного еды, но ни у одного из них не оказалось лишних продуктов. Он очень расстроился и проник в лавку, чтобы украсть продукты и накормить жену».

Поскольку респондентами Колберга являлись не только сельские, но и городские жители, содержание большинства дилемм было модифицировано в зависимости от их места жительства. В частности, городские жители читали не о муже, укравшем продукты, чтобы накормить свою жену, а о муже, который украл лекарство, чтобы вылечить ее.

Респонденты Колберга читали каждую из дилемм, а потом оценивали поведение главного героя, определяли, что он должен был сделать в данной ситуации (украсть продукты или дать жене умереть), и объясняли причину своего выбора.

Дилеммы предлагались участникам эксперимента сначала в средней школе, затем в колледже, далее в вузе и, наконец, в разные периоды работы по специальности (Анциферова, 1999).

Колберг (Анциферова, 1999; Kohlberg, 1984) выделил шесть стадий и три уровня морального развития: доконвенционный, конвенционный и постконвенционный. При этом в наследство от Пиаже ему досталось понимание этих

уровней как универсальных и сменяющих друг друга в строго определенном порядке.

1. *Доковенциональный уровень.* Человек, находящийся на этом уровне, при определении «моральности» поступка исходит из того, насколько тот или иной поступок удовлетворяет его собственные потребности. Этот уровень включает в себя две стадии.

Первая стадия характеризуется ориентацией на наказание и послушание: если ребенок совершает определенный поступок, и его за это наказывают, он делает заключение, что данное поведение плохое. Таким образом, основным двигателем поведения ребенка, находящегося на данном уровне морального развития, является страх перед наказанием.

Человек, находящийся на второй стадии, в качестве «морального» рассматривает то поведение, которое удовлетворяет его собственные нужды и лишь случайно — нужды других людей. Таким образом, основным двигателем его поведения является не страх перед наказанием, а желание получить вознаграждение.

2. *Конвенциональный уровень.* Основу поведения человека, проходящего этот уровень морального развития, составляет понимание необходимости выполнения ряда правил для сохранения общества. Этот уровень также включает в себя две стадии — третью и четвертую.

Для человека, находящегося на третьей стадии, основным регулятором поведения являются требования малой группы (семьи, друзей, коллег), членом которой он является.

Человек, проходящий четвертую стадию, руководствуется в своем поведении не требованиями конкретных членов своей группы, а нормами общества, выполнение которых необходимо для поддержания жизнеспособности социальной системы. Его главной целью становится поддержание существующего социального порядка.

3. *Постконвенциональный уровень* — самый высокий уровень морального развития. Человек, находящийся на этом уровне, руководствуется уже не собственными интересами и

не требованиями социальной группы, к которой он принадлежит, а безличными моральными стандартами.

Для человека на пятой стадии морального развития при оценке поведения характерна апелляция к собственной системе моральных норм, независимой от мнения большинства. Человек, находящийся на этой стадии, понимает относительность и договорной характер моральных норм. Поэтому для него особую значимость приобретает справедливость правил, в соответствии с которыми принимается то или иное решение (процедурная справедливость).

Человек, проходящий самую высокую — шестую стадию, апеллирует уже не к собственной системе моральных норм, а к универсальным этическим принципам, данным «свыше» и обязательным для выполнения всеми людьми⁴.

Согласно данным Колберга, люди разрешают разные моральные дилеммы с позиции разных стадий морального развития. Однако большинство ответов каждого респондента соответствует только одной из них.

Колберг связал выделенные им уровни морального развития с уровнями развития интеллекта по Пиаже. По его мнению, не достигнув уровня формальных операций, ребенок не может перейти на конвенциональный уровень морального развития. Однако наличие необходимого уровня развития интеллекта еще не гарантирует перехода на более высокий уровень морального развития. Для того, чтобы этот переход был совершен, необходима стимуляция из внешней среды, в частности, ребенку необходим пример, на который он мог бы равняться.

Колберг полагал, что не все люди достигают высшего уровня морального развития. И действительно, исследования показывают, что существуют межгрупповые различия в скорости морального развития, а также в количестве людей, достигающих шестой стадии. Так, например, жители изолированных деревень с меньшей вероятностью достигают постконвенционального уровня морального развития, чем горожане. А у детей, живущих в гетерогенной культурной среде, мо-

ральное развитие происходит быстрее, чем у их сверстников из гомогенного сообщества (*Magsud, 1977*).

Согласно взглядам Колберга, несмотря на то, что не все люди достигают высшей стадии, общее направление морального развития одинаково для представителей всех социальных групп. Это означает, что (1) для достижения более высокой стадии морального развития человек должен пройти все, предшествующие ей; (2) развитие в обратном направлении невозможно. Некоторые эмпирические результаты, полученные в ходе исследования, проведенного двадцать лет назад с участием представителей сорока пяти культур, подтверждают эту точку зрения (*Snarey, 1985*).

Вместе с тем, именно утверждение об универсальности направления морального развития делает модель Колберга уязвимой для критиков. Критики утверждают, что эта модель отражает направление моральной социализации человека западного общества. В частности, они подчеркивают, что для представителей некоторых (коллективистских) культур оказание помощи ближнему является большей ценностью, чем демонстрация своей уникальности. Так, например, американцы считают человека морально обязанным помочь своим детям при решении очень серьезной или среднесерьезной проблемы, а также незнакомцу, если ситуация, в которую он попал, очень тяжелая. Но они не считают обязательным оказывать помощь как незнакомцу, так и своим собственным детям, если их проблема несерьезная. С другой стороны, индийцы полагают, что человек должен помогать окружающим в любых ситуациях (*Miller, Bersoff, Harwood, 1990*).

Исходя из этого, можно предположить, что для представителей коллективистских культур доминирующим является тот уровень морального развития, который является в модели Колберга вторым. В частности, 80% индийцев, прочитав описание ситуации, где для выполнения данного другу обещания главный герой должен был украсть билет у пассажира самолета, считали необходимым совершить кражу, тогда как среди

Критика

американцев таких людей было только 40% (*Miller, Bersoff, 1998*).

Позже были проведены исследования, которые показали, что поддержка людьми суждений, относящихся к разным уровням морального развития, зависит от ситуации и может служить для достижения различных целей взаимодействия, например для демонстрации своей социальной идентичности (*Emler, Stace, 1999*). Так, например, дети более склонны распространять свои суждения о хорошем и плохом вообще на конкретные ситуации, если в них главным действующим лицом является представитель их этнической группы (*Magsud, 1977*).

Второе направление критики модели Колберга было связано с неясностью перехода морального суждения в моральное поведение. Прислушавшись к этой критике, Колберг сформулировал несколько условий этого перехода (*Алицыферова, 1999*).

- *Принятие человеком моральной ответственности* за свое поведение и действия других людей. Возможности такого принятия определяются характером профессиональной деятельности человека. Одной из профессий, благоприятствующих повышению уровня морального развития, является врачебная деятельность. Человек стремится воплотить в жизнь свое решение, так как невыполнение своих же решений вызывает у него чувство дискомфорта, препятствует достижению им «самосогласованности».

- *Моральные чувства*, среди которых эмпатия по отношению к жертве и неприятие агрессора.

Некоторые исследователи полагают, что моральные суждения и последующее поведение зависят от испытываемых людьми чувств, таких как сострадание, гнев, чувство вины.

Например, в одном исследовании (*Skoe, Eisenberg, Cumberland, 2002*) респонденты знакомились с моральными дилеммами, подобными дилеммам Колберга (например, эвтаназия, осуществленная врачом из жалости к пациенту), или вспоминали аналогичную ситуацию, в которой они принимали активное участие. После этого

они отмечали выраженность у главного героя (или у себя) нескольких чувств, среди которых были неуверенность (неуверенность, колебание, замешательство), сожаление (сожаление, стыд, чувство вины), гнев (гнев, фрустрация) и симпатия, а также важность моральной дилеммы и трудность ее разрешения. Кроме того, респондентов просили объяснить, как должен был поступить главный герой и почему.

Результаты исследования показали, что испытываемые людьми чувства оказывали влияние на моральные суждения — оценку важности дилеммы и трудности ее разрешения. Так, люди, которые считали, что главный герой должен испытывать огорчение, оценивали дилеммы как более важные и трудные для разрешения, по сравнению с другими участниками исследования. Кроме того, те люди, которые считали, что главный герой должен испытывать огорчение или гнев, выбирая стратегию поведения, ориентировались на оказание помощи пострадавшему (ориентация на заботу), а не на соблюдение некоторых правил (ориентация на справедливость)

• Достижение пятой стадии морального развития и *отсутствие квази-обязательств* — обязательств перед другими членами своей группы, экспериментатором и т.д.

Роль квази-обязательств была продемонстрирована в эксперименте С.Макнейми (*Анциферова, 1999*). Среди ее испытуемых — учащихся средней школы — «оказывался» юноша, который якобы «превысил» дозу обычно принимаемых им наркотиков. Молодому человеку становилось плохо. Он сообщил об этом экспериментатору, которая отвечала, что она, к сожалению, не терапевт и надеется увидеть его в другой раз.

Участники эксперимента, которые находились на второй, третьей и четвертой стадиях морального развития, не вмешивались в возникшую ситуацию, хотя некоторые из них считали, что юноше следовало бы помочь. Кто-то из них даже пытался дать ему совет. Лишь 20% респондентов старались практически помочь «страдальцу». Все они находились на пятой стадии морального развития. Расспрашивая ребят о причинах их поведения, Макнейми обнаружила, что у людей на каждой стадии существуют не только специфические моральные обязательства действовать определенным образом, но и характерные оправдания собственного бездействия. Так, представители второй стадии считали, что оказание помощи — совсем не их дело. Ребята, отнесенные к третьей стадии, боялись неодобрения экспериментатора.

Самыми значимыми в теоретическом плане оказались ответы представителей четвертой стадии. По их мнению, согласившись принять участие в эксперименте, они приняли на себя определенные обязательства перед исследователем (авторитетной фигурой). Такие обязательства, противоречащие обязательствам, вытекающим из убеждения в высшей ценности человеческой жизни, Колберг назвал квази-обязательствами.

Колберг считал феномен квази-обязательств характерным для представителей четвертой стадии морального развития. Эти субъекты еще не достигли уровня постконвенциональной морали и не способны действовать как автономные, свободные люди, руководствующиеся высшими ценностями — уважением к жизни человека и его достоинству.

• *Умение правильно интерпретировать конфликтную ситуацию*, сензитивность к ее основным особенностям. Поскольку моральные ситуации почти всегда имеют форму дилемм и включают несколько участников, результативность решения моральных проблем предполагает умение вести диалог и сближать противоположные точки зрения. У. Коллинз показал, что дети, находящиеся на низших стадиях морального развития, неверно понимают характер межличностных отношений участников, упускают из виду релевантные признаки происходящего, не могут интегрировать поступающую информацию. В результате они приходят к ошибочным заключениям, воплощающимся в неадекватных действиях.

• *Поведенческие навыки*. Неумелое действие, выполненное из самых добрых побуждений, может вызвать последствия, противоположные задуманному.

Третье направление критики модели Колберга было связано с тем, что респондентами, с которыми работал Колберг, были мальчики, тогда как направление морального развития женщин, вероятно, отличается от мужского. Это привело к созданию женской модели правовой социализации. Ее автором стала К.Джиллигэн (*Gilligan, 1982*), ученица Колберга. Джиллигэн заимствовала у Колберга трехуровневую **модель морального развития**, изменив содержание второго и третьего уровней. Если в основе концепции Колберга лежит ориента-

ция на исполнение безличных правил, то, согласно Джиллигэн, конечная цель морального развития женщин — умение совмещать принятие ответственности за других людей и собственные нужды. По мнению автора этой модели, различие в направлении морального развития мужчин и женщин основано на различии полоролевых стереотипов, согласно которым основной ролью женщины является поддержание хороших отношений между людьми и оказание им помощи. Это приводит к тому, что, переходя на новую стадию морального развития, женщина осуществляет выбор не между разными системами норм, а между объектами ответственности. В ходе моральной социализации женщины начинают чувствовать ответственность за других людей и учатся совмещать ее принятие с достижением собственных целей.

Для проверки своего предположения Джиллигэн проинтервьюировала 29 женщин, которые принимали решение о том, делать ли им аборт. Некоторые из респонденток были незамужними и учились в школе, другие — замужем, но по тем или иным причинам не были уверены в том, что хотят ребенка. На основе глубинных интервью, которые были проведены с интервалом в год, было сделано заключение о наличии трех стадий морального развития у женщин.

1. *Первая стадия* — ориентация на индивидуальное выживание. Когда женщину спрашивают, что она должна делать, она отвечает, что она может сделать для себя. Таким образом, женщина, находящаяся на этой стадии, принимает ответственность за себя. Переход на следующую стадию морального развития осуществляется, когда женщина сталкивается с конфликтом ценностей: независимостью, с одной стороны, и желанием жить вместе с другим человеком — с другой.

2. *Вторая стадия* морального развития связана с осознанием женщиной блага принесения себя в жертву. Выбирая стратегию поведения, женщина, находящаяся на этой стадии, решает вопрос о том, кому она может нанести ущерб: «Кто падет жертвой того, что я не сделаю аборт? — рассуждает такая женщина. — Ребенок, который будет плохо питаться,

родители и мой парень». Таким образом, вторая стадия морального развития женщины связана с принятием ею ответственности за других.

3. *На третьей стадии* женщина осуществляет выбор между ответственностью перед собой и ответственностью перед окружающими. Находясь на этой стадии, она одинаково хорошо представляет себе как свои нужды, так и потребности других людей.

Несмотря на обоснованность модели Джиллигэн и наличие эмпирических свидетельств, говорящих в пользу этой модели, результаты исследований, проведенных другими авторами, противоречат ей (*Smetana, Killen, Turiel, 1991; Thoma, 1986; Walker, 1984*).

Критика

Например, в одном из таких исследований (*Ernst, 1990*) мужчин и женщин спрашивали, что бы они подумали о человеке, который нарушил правило «не обмани» для того, чтобы помочь себе или другу на экзамене. Результаты показали, что мужчины оправдывали нарушение правил, когда речь шла о помощи другу, но не себе, т.е. основывались на необходимости заботы о других. Женщины нашли нарушение правил предосудительным в любом случае, т.е. основывались на выполнении обезличенных моральных правил. Однако эти различия зависели как от темы (отношения к аборту и помощь на экзамене), так и от метода исследования (интервью или анкетирование).

Модель Колберга получила свое продолжение в **модели правового развития Дж.Тапп и Ф.Левина**. В 1977 г. Тапп и Левин (*Tapp, Kohlberg, 1971; Tapp, Levine, 1977*), предложили «интеракционистскую когнитивную модель правового рассуждения». В своей теории они соединили идеи Ж.Пиаже и Г.Мида.

Из теории Пиаже ими была заимствована идея о фундаментальном значении процессов ассимиляции, аккомодации и равновесия. Целью человеческого развития они считали адаптацию к среде, которая зависит от когнитивных структур. Между личностью и социальной средой, согласно их точке зрения, нет прямой связи, но есть «бесконечная последовательность продолженных взаимодействий между социальными переменными и природными потенциями».

Кроме того, Тапп и Левин полагали, что процесс развития многовариантен и зависит от особенностей среды. Важной формой взаимодействия между человеком и средой является конфликт. Согласно взглядам авторов модели правового развития, в ситуации правового и политического конфликта человек видит несколько не совпадающих друг с другом точек зрения. В этой ситуации противоречие индивидуальных перспектив и требований, предъявляемых разными сторонами конфликта, приводит к принятию человеком новой для него роли.

Идея принятия роли как основного механизма социализации восходит к Г.Миду (*Mead, 1934*), одному из «отцов» интеракционизма. Мид полагал, что личность человека, его «self» развивается посредством понимания принятых в обществе значений. Это происходит на ранних этапах жизни человека, через научение языку и участие в ряде форм социального взаимодействия. В ходе этого процесса человек учится смотреть на себя и свое поведение с точки зрения другого, учится вести себя так же, как он. Ключевым понятием концепции Мида является «принятие роли», с помощью которой происходит развитие личности человека⁵.

Тапп и Левин задавали своим респондентам ряд вопросов, на основании которых выносили суждение об уровне их правового развития. Среди этих вопросов были следующие (см. табл.1.4).

В этом исследовании принимали участие 115 детей американцев европейского происхождения с высоким социоэкономическим статусом.

Авторами было выделено три уровня правового развития: уровни правоупования, правоподдержания и правотворчества (табл.1.5).

1. Человек, находящийся на *уровне правоупования*, считает, что основной функцией законов является предотвращение преступлений путем их запрещения. Законы рассматриваются им как «данные свыше» и обнаруженные человеком, поэтому у него не возникает сомнений в их правильности. По его мнению, люди исполняют законы потому, что избегают наказания и подчиняются власти.

Таблица 1.4. Опросник Дж. Тапп и Ф. Левина (Николаева, 1993)

1. Что такое правило /поведения/? Почему именно это называется правилом?
2. Что такое закон? Почему что-либо является законом?
3. Зачем нам законы? Почему нам следует иметь законы?
4. Может ли быть справедливым и правильным что-либо даже в том случае, если это не отражено в законе? Как это может быть?
5. Что такое справедливый закон? Почему он справедлив?
6. Что такое право?
7. Какие права следует иметь людям? Почему?
8. Какие права люди имеют? Почему?
9. Что бы случилось, если бы не существовало законов?
10. Почему люди должны следовать законам?
11. Почему вы следуете закону?
12. В каком случае могут быть изменены законы?
13. Могут ли быть случаи, когда было бы правильным нарушить закон? Если да, то какие это случаи?
14. Что означает выражение «быть правым»?
15. Может ли человек нарушить закон и быть правым? Если да, то как это может быть?

2. Человек, проходящий *уровень правоподдержания*, полагает, что правила необходимы для поддержания структуры того общества, частью которого он является. По его мнению, законы — это результат договора между людьми, которые подчиняются им из-за конформности и желания оправдать ожидания окружающих.

3. Человек, находящийся на *уровне правотворчества*, оправдывает свое поведение системой моральных норм, соотнося их с существующими законами. Его интересуют не сами законы, а общие принципы, лежащие в основе правовой системы. Несоответствие этих принципов моральным нормам приводит к его неподчинению законам и желанию изменить их.

Однако проведенные исследования выявили ту же закономерность, с которой в свое время столкнулись сторонники теории Пиаже. Ответы одного и того же респондента на разные вопросы соответствовали разным стадиям правового развития (Николаева, 1995).

Таблица 1.5. Уровни морального развития (Tapp, Kohlberg, 1971)

Вопрос	1 уровень	2 уровень	3 уровень
1. Ценность закона. Зачем нам законы? Что бы случилось, если бы не существовало законов?	Законы предотвращают нанесение человеку физического ущерба и тем самым защищают его физическую целостность.	а. Законы ограничивают поведение «плохих» людей и задают направление движения слабым; б. Законы существуют для поддержания существующего социального порядка.	Поведение человека направляется принимаемыми им общими моральными принципами. Согласие с тем или иным законом определяется его соответствием содержанию этих принципов.
Функция закона. Что такое закон?	Основная функция закона — это ограничение «плохого» поведения.	Основная функция закона — это поддержание жизнеспособности социальной системы и предотвращение поведения, направленного на ее разрушение.	Основная функция закона — это максимизация общественного и личного блага.
2. Динамика закона Почему люди должны следовать законам? Почему вы следуете законам?	а. Люди следуют закону, не будучи согласными с ним, для того, чтобы избежать наказания; б. Они рассматривают тех, кто обладает властью, в качестве маяка. Их поведение определяется тем, чего ожидает от них руководитель.	Люди стараются быть конформными, чтобы избежать хаоса.	а. Люди исполняют закон, желая извлечь из этого выгоду лично для себя и для общества в целом. Послушание закону определяется рациональной оценкой его последствий. б. Следование закону осуществляется на основе принятия личных моральных принципов.

Вопрос	1 уровень	2 уровень	3 уровень
3. Возможность изменения правил В каком случае законы могут быть изменены?	Законы существуют вне зависимости от человека и не могут быть изменены.	Не все законы хороши, поскольку некоторые из них узаконивают то, что предположено «плохими людьми». Такие законы могут быть изменены.	Изменены могут быть те законы, которые не соответствуют общим моральным принципам.
4. Возможность нарушить закон В каких случаях нарушение закона является справедливым?	Законы нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах. Не существует различия между законным и моральным.	Закон может быть нарушен в некоторых случаях, когда этого требует соблюдение социальных норм.	Закон может быть нарушен, если он аморален и несправедлив.

Впоследствии некоторые аспекты модели Тапп и Левина получили эмпирическое подтверждение.

1. Во-первых, были получены данные, подтверждающие направление правового развития, заложенное в модели Тапп и Левина. В частности, было показано, что уровень правового развития человека изменяется с возрастом. Исследования, проведенные еще в начале 70-х годов, подтвердили тот факт, что с возрастом уменьшается вероятность некритичного принятия законов и увеличивается степень согласия с ними на основе их соответствия общим принципам.

Например, в одном из таких исследований (Gallatin, 1971) 330 американских мальчиков и девочек 11, 13, 15 и 18 лет принимали участие в интервью. Исследователи рассказывали им историю о том, что группа людей, несогласных с существующими в их стране порядками, уехала жить на необитаемый остров. Пытаясь обустроить свою жизнь на этом острове, они столкнулись с проблемой создания законов. После этого респонденты узнавали о некоторых законах, вынесенных на рассмотрение жителей нового государства. Они должны были согласиться или не согласиться с введением предложенного закона, выбрав один из четырех вариантов ответа. Например, один из вынесенных на рассмотрение законов гласил, что

все люди старше 45 лет должны каждый год проходить обязательное медицинское освидетельствование. Другой подобный закон обязывал всех жителей острова красить свои дома не реже, чем раз в 5 лет. За описанием содержания закона следовали четыре варианта ответа, которые, по мнению исследователей, означали: некритическое согласие с ним, его принятие на основе пользы, приносимой им обществу; его отвержение на основе отсутствия такой пользы; его отвержение на основе нарушения им общих принципов. Например, за описанием закона об обязательном медицинском осмотре следовали следующие варианты ответа:

«Некритическое согласие: правительство должно защищать пожилых людей;

Общественная польза: общество только выиграет от того, что его члены будут здоровыми;

Отсутствие общественной пользы: стоимость медицинского осмотра будет превышать размер позитивных последствий для общества;

Нарушение принципа личной свободы: проведение обязательного медицинского осмотра является нарушением принципа личной свободы»

Результаты исследования показали, что с возрастом уменьшается количество людей, выбирающих первый вариант ответа, и увеличивается число тех, кто выбирает последний вариант.

Во второй половине 70-х специальное исследование было проведено уже авторами модели правового развития (*Tapp, Levine, 1977*). Его участниками стали респонденты из шести стран мира. В нем было показано, что переход с первого на второй уровень правового развития осуществляется к концу начальной школы, а уже в колледже количество людей, находящихся на втором и третьем уровнях, одинаково.

2. Во-вторых, была подтверждена идея о важной роли конфликта, провоцирующего правовое развитие. Эмпирическое подтверждение эта идея получила в исследовании уровня правового развития присяжных, проведенном до и после судебного процесса. Опросник, который использовали Тапп и Левин, состоял из пятнадцати вопросов. Авторы выделили четыре механизма правовой социализации, актуализирующиеся, по их мнению, в ходе принятия решения присяжными заседателями: получение знаний, наличие конфликта мнений,

принятие новой роли и видение связи между понятиями из разных областей социализации (закон, справедливость, право). Они полагали, что актуализация этих механизмов приведет к повышению уровня правового развития присяжных в ходе судебного процесса. Тапп и Левин давали свою методику трем группам людей: присяжным, вошедшим в коллегия, отведенным присяжным и 23 случайно отобранным людям. Они обнаружили, что в ходе судебного процесса произошло повышение уровня правового развития присяжных, отобранных в коллегия.

3. В-третьих, была продемонстрирована возможность как прямого, так и обратного правового развития. В частности, одна из идей Тапп и Левина сводилась к тому, что последовательность уровней правового развития не задана изначально, и уровни могут следовать друг за другом в разной последовательности. Несколько лет назад российским исследователем (*Гайнер, 1998*) были получены данные, которые косвенно подтверждают эту идею. В его исследовании было показано, что, чем старше российские школьники-респонденты, тем большее их количество считает, что соблюдение законов необходимо для того, чтобы избежать наказания за их нарушение. Однако, поскольку это исследование было не лонгитюдным, а включало в себя однократное измерение уровня правового развития, причиной такого результата могло быть не «обратное правовое развитие», а постоянные различия, существующие между учениками разных классов.

4. В-четвертых, было показано, что правовое развитие обладает своей культурной спецификой.

• Так, исследование, проведенное в шести странах мира (*Tapp, Levine, 1977*), показало, что на достижение людьми определенного уровня правового развития оказывает влияние культурный контекст. Меньше всего людей, которые считали невозможным нарушение закона, было выявлено в США и Италии, а больше всего в Греции. Кроме того, треть итальянцев считали, что законы можно нарушать, если они несправедливы, но о возможности нарушения закона в подобных условиях говорили всего 9% датчан.

- Примечательно, что общества различаются не только по вероятности и скорости достижения их членами разных стадий правового развития, но и по содержанию этих стадий, что было показано в российском исследовании (*Николаева, 1993, 1995*).

Согласно модели Тапп и Левина, переход на третий уровень правового развития происходит через усвоение законов и следование им. Для людей, находящихся на первом уровне правового развития, понятия «нравственности» и «закона» слиты в единое целое. На третьем уровне формируется личность с полностью усвоенным кодексом законов, которые подчинены нравственному кодексу. Это означает, что человек следует тем законам, которые соответствуют моральным принципам, выражают и поддерживают их.

У российских респондентов закон изначально не слит с нравственностью. Социализация происходит стихийно, а не через посредство законности. Роль законов выполняют нравственные нормы. В результате желание действовать в соответствии с моральными нормами, характерное для третьего уровня, является результатом не уважения к правовым нормам и сравнения их содержания с требованиями общечеловеческих моральных принципов, а принципиального отторжения закона.

Законы не воспринимаются российскими гражданами как рациональные и справедливые. Они рассматриваются как предписания авторитетного лица — государства и выполняются из уважения к нему. Подобное представление существует наряду с представлением о бездействии, неэффективности и коррумпированности государственного аппарата, а также отсутствием страха перед негативными последствиями в случае нарушения закона. Все это приводит к нежеланию подчиняться требованию законов.

Таким образом, возникает два типа отношения российских студентов к законности и к государству как ее носителю. В первом случае государство воспринимается как авторитетное лицо, что ведет к остановке на первом уровне морально-правового развития. Для второго типа характерно отторже-

ние государственной власти, что приводит к выработке человеком индивидуального «морального кодекса», соответствующего третьему уровню развития. Такие люди готовы одобрить беззаконие, если нарушение законов мотивируется благой целью, причинами морального порядка.

- И наконец, принадлежность к определенной общности оказывает влияние на функции, приписываемые закону. В частности, в качестве функций закона российские респонденты называли функцию запрета определенного поведения, организаторскую, защиту личности и государства, воспитательную. Последняя из перечисленных функций не упоминалась респондентами Тапп и Левина (*Николаева, 1993*).

2.1.3 Бихевиоральная модель правовой социализации

Сторонники бихевиорального подхода полагают, что человеческое поведение является ответом на стимулы, поступающие из внешней среды. В рамках этого подхода ведущая роль отводится механизму обуславливания, одним из видов которого является оперантное (скиннеровское) обуславливание. При оперантном обуславливании результат поведения и является подкреплением для совершения такого поведения в будущем, т.е. поведение контролируется своими следствиями.

Одной из теорий, созданных в рамках необихевиористской ориентации и имеющих прямое отношение к правовой социализации, является ассоциативная теория дифференциального подкрепления.

Эта теория является комбинацией модели оперантного обуславливания с теорией дифференциальной ассоциации. Ее автором является криминалист Э.Сезерлэнд (*Sutherland, 1947*). В соответствии с этой теорией социализация преступников проходит в рамках системы ценностей, которая ведет к нарушению закона. Таким образом, преступники выучивают «определения», которые провоцируют преступное поведение. Если определение преступления как приемлемого поведения сильнее, чем его оценка как нежелательного способа действия, то человек с большой вероятностью будет совершать

преступления, принимая это определение и соответствующее ему поведение как должное. Для принятия определенного способа поведения необходима поддержка группы: преступление не может быть совершено в отсутствие криминальной субкультуры.

Эту теорию развил Р.Акерс (*Akers, 1973; Akers et al, 1979, 1987*). Он выделил четыре переменные социального научения. Первая и вторая переменные были заимствованы им у Сезерлэнда:

1. Дифференциальная ассоциация — различие во взаимодействии законопослушных людей и нарушителей закона и в принимаемых ими формах девиантного поведения.

2. Общие, определенные договором аттитюды и специфические «определения», имеющие отношение к формам девиантного поведения.

3. Дифференциальное подкрепление — процесс, в ходе которого девиантное поведение начинает доминировать над законопослушным.

4. Имитация или моделирование как процесс научения поведению посредством викарных проб или с помощью имитации в отсутствие внешнего принуждения.

Согласно Акерсу, человек учится преступному поведению в соответствии с принципом оперантного обуславливания. Это обучение происходит, как в несоциальной ситуации, так и в ходе взаимодействия между людьми, в рамках которых преступное поведение получает подкрепление или тормозится. Научение происходит в тех группах, которые контролируют главные источники вознаграждения человека. Обучение девиантному поведению включает в себя усвоение специфических аттитюдов, способов совершения преступления и избегания наказания. Вероятность совершения преступления является функцией от размера, частоты и вероятности предшествующего ему подкрепления девиантного поведения.

Эту теорию подтверждает ряд эмпирических исследований. Во-первых, вероятность девиантного поведения, в частности, использования алкоголя, табака и наркотиков, зависит от группы, к которой принадлежит девиант (*Dull, 1983*).

Употребление членами референтной для человека группы всего перечисленного существенно повышает вероятность аналогичного поведения с его стороны. Во-вторых, девиантное поведение, например, употребление наркотиков, в юношестве предсказывает их употребление, а также более агрессивное поведение в зрелом возрасте (*Guy, Smith, Bentler, 1994*), что, определяется попаданием человека в определенную социальную группу.

2.1.4 Сравнение когнитивной и бихевиоральной моделей правовой социализации

Параллельное существование когнитивно-интеракционистской и бихевиоральной моделей правовой социализации ставит вопрос о том, какая из них в большей степени соответствует реальности. Американские социальные психологи И.Кон и С.Уайт (*Cohn, White, 1990*) провели серию исследований, посвященных изучению адекватности вышеупомянутых моделей. Исследование проводилось в студенческом городке одного из американских университетов. В нем принимали участие студенты первого и второго курсов. Целью этого исследования было определение степени влияния особенностей среды и характеристик студентов на вероятность нарушения ими закона.

Согласно Кон и Уайт, когнитивная и бихевиоральная модели правовой социализации позволяют сделать разные предсказания относительно факторов, влияющих на правовую социализацию в студенческом городке.

В центре внимания модели правового развития Тапп и Левина находится когнитивная структура — уровень правового развития, которая управляет поведением ее носителя. Согласно этой модели, уровень правового развития определяется особенностями среды в той степени, в которой она позволяет человеку принимать те или иные социальные роли. Таким образом, поведение людей может быть предсказано на основании уровня правового развития, без учета поведенческого контекста (рис.1.1).

Рис. 1.1. Схема теории правового развития

В основе ассоциативной теории дифференциального подкрепления лежит идея о влиянии, оказываемом внешними условиями на поведение человека. В рамках этой модели уровень правового развития рассматривается как результат определения того или иного поведения как преступного, т.е. как следствие совершения преступления, но не как его причина. В данном случае для предсказания поведения человека важным оказывается не уровень его правового развития, а характер социального и поведенческого контекста (особенности преступлений и отношение к ним референтной группы) (рис.1.2).

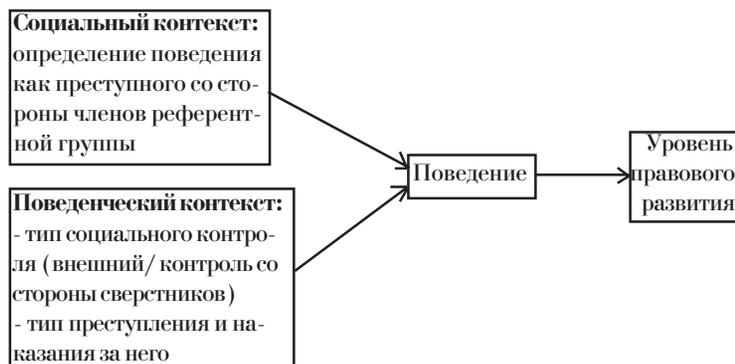

Рис. 1.2. Схема ассоциативной теории дифференциального подкрепления

В своем исследовании в качестве когнитивной структуры Кон и Уайт рассматривали правовое рассуждение — структуру, которая организует мышление человека о законе, справедливости и ответственности за свои действия и необходима при оценке конкретных ситуаций. По их мнению, исследователи, как правило, обходят стороной вопрос о соотношении правового рассуждения и поведения. Априорно полагается, что первое соответствует второму. Кон и Уайт предположили, что между уровнем правового рассуждения и поведением находится промежуточный компонент — аттитюды к конкретному преступлению и его запрещению. По их мнению, поведение людей зависит не столько от уровня правового развития, сколько от указанных аттитюдов.

Для проверки этого предположения они провели исследование, в котором группы студентов от 6 до 8 человек функционировали как игровые коллегии присяжных. Они смотрели видеозаписи эпизодов физического насилия, вандализма и изнасилования. Все три типа поведения были противозаконными, но каждое из них по-разному оценивалось с точки зрения норм, существующих в студенческом городке. Так, нежелательным считалось физическое насилие, амбивалентное отношение наблюдалось к сексуальному насилию, а вандализм считался нормальным явлением. Авторы интересовались вопросом, будут ли решения по каждому из дел одинаковыми? После просмотра видеозаписи респонденты фиксировали свое индивидуальное решение по делу, а затем следовало групповое обсуждение.

Результаты показали, что поведенческий контекст (тип преступления) оказывает влияние на решение. Как и следовало ожидать, наименее серьезным был признан случай вандализма, а наиболее серьезным — случай физического насилия.

Следующий этап исследования Кон и Уайт был посвящен изучению механизмов правовой социализации. В нем в качестве переменных были рассмотрены: уровень правового рассуждения, аттитюды к конкретным правонарушениям, аттитюды к запрещению каждого из них, а также частота совершения противоправного поведения.

Для проверки адекватности когнитивной и бихевиоральной моделей правовой социализации Кон и Уайт провели два

замера (в начале и в конце учебного года) уровня правового рассуждения, всех указанных аттитюдов и субъективной частоты совершения противоправного поведения.

Все поведенческие акты были разделены авторами исследования на три типа:

- нарушающие как университетские нормы, так и законы и редко происходящие в студенческом городке;
- нарушающие правила университета, но не законы штата, часто встречающиеся в студенческом городке и слабо преследующиеся полицией;
- нарушающие как университетские правила, так законы штата, но часто происходящие в студенческом городке.

Авторы предположили, что поведение второго и третьего типов будет присутствовать у респондентов, несмотря на его противозаконность.

В качестве внешних условий развития Кон и Уайт рассмотрели тип контроля за поведением студентов: внешний контроль, при котором надзор за поведением студентов осуществлялся администрацией университета и полицией штата, и контроль сверстников, который осуществляли члены комитета, выбранного самими студентами из своих рядов.

Отдельно авторов интересовал вопрос о том, является ли законопослушность индивидуальным или социальным феноменом. Для этого они сопоставили социодемографические характеристики респондентов, их веру в справедливый мир и аттитюды с типом поведения: законопослушным или нарушающим законы.

В исследовании были получены следующие результаты.

Во-первых, нормы поведения, существующие в студенческом сообществе, оказали влияние на аттитюды и поведение первокурсников. Это означает, что эффект правовой социализации в рамках студенческого сообщества действительно существует.

Во-вторых, подтвердилось предположение о том, что поведение человека зависит не столько от уровня правового развития (общего отношения к закону), сколько от его аттитюдов к конкретным преступлениям и наказаниям.

В-третьих, результаты показали, что поведение оказывает на уровень правового развития большее влияние, чем уровень развития на поведение, что говорит о большей адекватности бихевиоральной модели правовой социализации по сравнению с когнитивной.

В-четвертых, при разных условиях социализации (в данном случае, при разных типах контроля) студенты реагировали на принуждение по-разному. В частности, студенты из общежития с внешним типом контроля (администрация и полиция) изменили свои аттитюды в сторону, обратную той, на которую указывали университетские правила, тогда как студенты из общежития с равным типом контроля (совет, избранный самими студентами) поступили наоборот. Кон и Уайт предположили, что изменение поведения студентов явилось результатом принятия ими новой для себя роли.

В-пятых, степень законопослушности не зависит от индивидуальных особенностей респондентов, их социодемографических характеристик и веры в справедливый мир.

Таким образом, результаты исследования продемонстрировали превосходство бихевиоральной модели правовой социализации над когнитивной.

Приведенный пример показывает, что изучение правовой социализации обладает рядом особенностей.

Особенности изучения

- Во-первых, в исследованиях, направленных на изучение механизмов социализации, предпочтение отдается, в основном, изучению эксплицитной социализации. И модель правового развития, и ассоциативная теория дифференциального подкрепления описывают ситуации, при которых субъект социализации понимает, что речь идет о законе — его нормах или поведении в соответствии с ним. Вместе с тем ни одна из этих моделей не связана с имплицитной правовой социализацией.

- Во-вторых, правовая социализация изучается в отрыве от моральной и когнитивной.

Однако такая постановка вопроса не исчерпывает проблемы изучения правовой социализации полностью. В частности,

развитие какого из аспектов когнитивной системы человека важно для его правового развития? Соотносится ли уровень морального развития с уровнем правового? Возможна ли автоматическая передача правил, на основании которых выносятся суждения о моральности поступка, в область правового развития? Или человек с необходимостью проходит все три стадии правового развития вне зависимости от того, на каком уровне морального развития он находится? Какие еще аспекты развития, кроме интеллектуального и морального, могут оказывать влияние на правовую социализацию?

- В-третьих, в основу обеих рассмотренных моделей правовой социализации положены аттитюды к одному из аспектов правосознания (аттитюды к закону в модели Тапп и Левина и аттитюды к преступлению в модели Акерса), что не исключает возможности создания подобных моделей с учетом аттитюдов к наказанию и правовым институтам.

Наряду с анализом механизмов, изучение правовой социализации предполагает исследование информации, передающейся в рамках разных институтов социализации.

2.2. Институты правовой социализации

Изучение институтов правовой социализации связано с интересом к источникам информации, оказывающей влияние на правосознание людей. Среди институтов правовой социализации наиболее исследованными являются семья, школа, средства массовой информации и милиция / суд. Отдельным направлением исследования в данной области является влияние культурного контекста на особенности правосознания.

Результаты социологических исследований не дают однозначного ответа на вопрос о том, какой из институтов правовой социализации играет ведущую роль в формировании правосознания. По-видимому, роль разных институтов изменяется со временем. Например, по данным российских исследований 70-х годов в качестве наиболее часто используемых источников правовой информации выступают газеты (1 место), телевидение (2), личные наблюдения и разговоры с товари-

щами (3), кино (4), специальные лекции (8) и юридическая литература (9) (Каминская и др., 1974). С другой стороны, данные середины 80-х годов показывают, что первое место занимают телевизионные программы, второе — журнал «Человек и закон» (специализированный источник информации), а третье — центральные газеты (Ефремова, 1986). Кроме того, значимость разных институтов правовой социализации может изменяться в зависимости от возраста субъекта социализации.

Первые три института — семья, школа и средства массовой информации — связаны как с эксплицитной, так и с имплицитной формами правовой социализации, а четвертый — правоохранительные органы и суд — только с эксплицитной формой.

2.2.1 Влияние средств массовой информации

Исследователи проявляют наибольший интерес к третьему из указанных институтов правовой социализации — средствам массовой информации. Этот интерес, по-видимому, определяется включенностью человека в этот институт на всех стадиях развития, а также разнообразием информации, передаваемой по его каналам. Разнообразие информации и всепроникающее влияние СМИ определяет множественность функций этого института социализации в области формирования правосознания.

Первой функцией СМИ является информирование людей об уровне преступности и риске стать жертвой преступления, что приводит к соответствующим действиям с их стороны.

Так, после серии статей о преступлениях, совершенных в общественном транспорте, жители Мельбурна боялись пользоваться общественным транспортом и такси. А после серии сообщений о преступлениях, совершенных в общежитии университета, студенты этого университета потребовали от администрации установить в общежитии охрану (Kersten, 1993).

Очевидно, именно поэтому в некоторых странах работники правовой системы уделяют отдельное внимание освещению преступлений в СМИ. Например, в ЭрРияде существует

Арабский учебный центр по вопросам безопасности, в котором был подготовлен ряд кассет, содержащих информацию о способах предотвращения наркомании и преступности в арабских странах. А во Франции судьи, работники полиции и журналисты регулярно встречаются за круглым столом для обсуждения способов демонстрации преступлений в СМИ (Иванов, 1997).

Иногда кампании, специально организованные тандемом работников правовой системы и СМИ, приносят совершенно неожиданные результаты. Например, одна из таких кампаний, целью которой являлось ознакомление со случаями уличного насилия, ограбления домов и их предотвращения, оказала небольшое позитивное влияние на attitudes людей по отношению к правовой системе в целом, но не изменила уровень их страха стать жертвой и оценку возможностей правовой системы по предотвращению преступлений (Kuttschreuter, Wiegman, 1998). Однако другая аналогичная программа действительно привела к улучшению образа полиции в глазах граждан и уменьшения у них страха перед преступлениями (Peak, Bradshaw, Glenspr, 1992).

Освещение преступлений в СМИ имеет свои особенности.

Особенности информирования

- Первая особенность связана с тем, что одна из основных функций СМИ — это развлечение. Поэтому сообщения в средствах массовой информации часто строятся в форме увлекательного для читателя *рассказа об относительно редко встречающихся*, чаще всего насильственных преступлениях и, как следствие, содержат, в основном, описание необычных или страшных деталей происшедших событий и особенностей участвующих в них людей.

Среди убийств и других насильственных преступлений выбираются те, которые происходят наиболее редко и в этом смысле составляют отклонение от нормы. Выделяют несколько типов отклонений от нормы: отклонение от статистической нормы (редко происходящее событие), статусное отклонение (совершение преступления членами социальных групп,

имеющих высокий статус в обществе), отклонение от культурных норм. Исследования показывают, что в СМИ прежде всего попадают сообщения о редко встречающихся преступлениях, являющихся отклонением от статистической нормы.

Например, в одном исследовании (Pritchard, Hughes, 1997) было проанализировано 560 рассказов о преступлениях, взятых из двух газет. Исследователи сделали несколько предположений о том, как именно в этих новостях будет проявляться отклонение от всех трех типов норм — статусной, статистической и культурной. В частности, отклонение от статистической нормы означало, что в преступлении должны принимать участие «белые» жертва и преступник, причем и жертва, и преступник должны быть женщинами, а жертва — ребенком или пожилым человеком, обеспеченным человеком, ведущим рискованный образ жизни. И, кроме того, отклонение от статистической нормы подразумевало, что преступник и жертва должны быть близко знакомы друг с другом. С другой стороны, чтобы нарушить статусную норму, преступление должно быть совершено «белым» мужчиной по отношению к обеспеченному «белому» мужчине, ведущему рискованный образ жизни. И наконец, отклонение от культурных норм предполагало, что жертва преступления — ребенок или пожилой человек женского пола, который ведет рискованный образ жизни и близко знаком с преступником. Результаты этого исследования показали, что в газетах большее внимание уделяется тем преступлениям, в которых участвуют «белая» жертва женского пола и «белый» преступник мужского пола, причем жертвами чаще становятся старики или дети. Таким образом, подтвердилось предположение о том, что в основном в новостях речь идет о редко встречающемся поведении (отклонение от статистической нормы), и реже — о том, которое нарушает культурные или статусные нормы.

Тенденция уделять повышенное внимание описанию именно редко встречающихся насильственных преступлений характерна не только для США, но и для России (Graber, 1980).

Интерес к редко встречающимся и легким для понимания преступлениям приводит к тому, что объектами сообщений СМИ редко становятся экономические преступления и семейное насилие (Зацепин, 1999; Иванов, 1997).

- Наиболее часто *рассказ о преступлениях* в СМИ имеет форму *скрипта*, включающего в себя основные сведения

о преступнике и жертве, а также о том, как происходили события. Структура этих скриптов немного отличается от той, которая присуща скриптам преступлений, передающимся по каналам межличностной коммуникации. Главное отличие — небольшое внимание, уделяемое особенностям преступника и жертвы, и значительное — описанию совершения преступлений. Особенно это касается коротких криминальных телевизионных новостей, в которых преступник и жертва обычно характеризуются с помощью пола, возраста, иногда профессии и очень редко — посредством личностных черт и интересов. Кроме того, в описании совершения преступления практически отсутствуют ссылки на эмоциональное состояние преступника или его намерения. Таким образом, в отличие от скриптов, существующих на уровне межличностной коммуникации, скрипты, транслирующиеся в средствах массовой информации, описывают преступление не как явление, имеющее долгую историю, а как сиюминутный феномен без начала и часто без определенного конца (Гулевич, 2001). Таким образом, криминальные новости не являются источником информации о причинах преступности и, следовательно, о путях их коррекции. Кроме того, рассмотрение только самого преступного акта, без обращения к истории человека, его совершившего, способствует оценке преступления как аномального поведения, которое не может быть совершено «нормальным человеком».

• Наряду с криминальными теленовостями источником информации о преступности и преступниках выступают печатные СМИ, для которых характерен большой интерес к особенностям преступников и средствам воздействия на них. Следствием этого интереса является *многофакторность описания феномена преступности*.

В частности, анализ публикаций российских газет, посвященных преступникам и заключенным, позволил выявить следующие направления их описания:

- социодемографические особенности (напр., возраст, образование, профессия, отношения с родными, криминальный опыт);
- внешность (напр., красивый / некрасивый; сильный / слабый);

- нравственные (напр., добрый / жестокий, честный / нечестный), интеллектуальные (напр., умный / глупый) и коммуникативные характеристики (напр., вежливый / грубый), а также особенности эмоционально-волевой сферы (напр., эмоциональное благополучие / неблагополучие, умение контролировать эмоции, сильный / слабый характер);

- причины совершения преступлений, среди которых внутренние стабильные (напр., личностные особенности и психические нарушения), внутренние нестабильные (напр., корысть, оказание помощи или давления, самооборона, самоутверждение, восстановление справедливости), внешние стабильные (напр., экономическая ситуация в стране, семейный климат, система школьного воспитания) и внешние нестабильные (напр., конфликтные взаимоотношения с жертвой) причины;

- обстоятельства совершения преступления (напр., его запланированность, неожиданность и жестокость действий преступника);

- поведение преступника после совершения преступления (напр., оказание / не оказание помощи жертве, признание вины и раскаяние в содеянном или их отсутствие);

- результат совершения преступления (напр., скрылся с места преступления, задержан, находится под следствием, идет судебный процесс, приговорен к определенной мере наказания);

- отношение преступника к тому, что он оказался за решеткой;

- условия его существования в ходе следствия, в колонии и после освобождения: плохие (голод и болезни, отсутствие одежды, невозможность получить образование и найти работу, систематическое нарушение прав, жесткая дисциплина и охрана) или хорошие (хорошее питание и медицинское обслуживание, возможность получить образование и найти работу, возможность отдохнуть и принять участие в культурных мероприятиях);

- оценка вероятности того, что преступник вновь может стать «полноценным» членом общества;

- реакция окружающих на преступника и его действия (напр., волнение, страх, злость, безразличие, интерес, равнодушие);

- меры воздействия на преступников или заключенных (профилактика, реабилитация, искоренение) и их эффективность.

Результаты этого анализа показали, что газетные публикации, посвященные заключенным, характеризуются большей терпимостью и более позитивным отношением к главным героям, чем публикации, посвященные преступникам. Таким образом, если пре-

ступник предстает в них отрицательным персонажем, совершающим серьезные, жестокие преступления и поэтому достойным исключительно сурового наказания, заключенный выступает в роли несчастного человека, достойного жалости и снисхождения.

Второй функцией СМИ является объяснение преступлений, их соотнесение с прочими типами активности людей. Поэтому, наряду с информированием о совершенных преступлениях, СМИ выполняют «оправдательную» функцию, пытаются объяснить, почему могло произойти событие, серьезно нарушающее существующие социальные нормы. Таким событием является, например, жестокое убийство, совершенное ребенком. Тот факт, что дети могут совершать насильственные преступления, противоречит традиционному представлению о ребенке как о «чистом», «безгрешном» существе. Для того чтобы устранить это противоречие, средства массовой информации используют разные способы, благодаря которым (James, Jenks, 1996):

- малолетний убийца исключается из категории «ребенок». Например, в газетах применительно к малолетнему убийце употребляются такие выражения, как «взрослый ум, маленький дьявол, отродье Сатаны».
- он объявляется ненормальным, поскольку «безгрешность» по культурным канонам приписывается здоровому ребенку.
- необычное поведение малолетнего убийцы получает разумное разъяснение: «ребенок такой же как общество, в котором он живет. Именно общество ответственно за то, что он совершил».

Третьей функцией СМИ является формирование поведения зрителей / слушателей в ситуации преступления и их эмоционального отношения к страданиям жертвы. Изучение этой функции проходит, в основном, в рамках «объяснительного» подхода к изучению правосознания с использованием лабораторного эксперимента и связано с демонстрацией в СМИ физического насилия и порнографических сцен.

Интерес к влиянию демонстрации насилия и половых актов на поведение зрителей связан с одним из основных поло-

жений теории социального научения, согласно которому СМИ могут выступать как средство обучения человека новым формам поведения (Donnerstein, Linz, 1994). Например, люди могут рассматривать порнографические фильмы с элементами изнасилования как источник информации о сексуальном поведении. Теория социального научения подразумевает, что человек наблюдает, какое поведение вознаграждается, а какое — наказывается, а затем интернализует вознаграждающееся поведение. Благодаря просмотру сцен изнасилования, зритель определяет для себя этот способ сексуального поведения как допустимый и даже приводящий к получению вознаграждения (сексуальному возбуждению).

Экспериментальные исследования подтверждают эти предположения. Согласно их результатам, просмотр сцен изнасилования приводит к тому, что зрители начинают воспринимать эту форму сексуального поведения как приемлемую (Malamuth, Check, 1980a, 1980b, 1985; Malamuth, Hrabec, Feshbach, 1980), мужскую агрессию по отношению к женщине и доминирование над ней — как оправданные (Malamuth, Check, 1983), а женщину как существо, провоцирующее изнасилование и желающее, чтобы ее изнасиловали⁶. Иногда степень принятия таких мифов об изнасиловании увеличивается при показе порнографии без элементов насилия. Кроме того, введение насилия в порнографические фильмы ведет к утрате у зрителей чувствительности к страданиям жертвы и делает их attitudes к изнасилованию более позитивными (Donnerstein, Linz, Penrod, 1987; Linz et al., 1988; Linz, 1989; Linz, Donnerstein, 1989, Linz, Malamuth, 1993, Malamuth, Donnerstein, 1982).

В типичном исследовании, проведенном для изучения этой проблемы (Donnerstein, Berkowitz, 1981), респонденты-мужчины были раздражены подставным испытуемым, которым, в зависимости от экспериментального условия, был мужчина или женщина. Затем они смотрели одну из четырех видеозаписей. Первая запись была нейтральная, т.е. не содержала ни порнографии, ни насилия. Во втором фильме были сексуальные сцены, но насилия отсутствовало. Третий и четвертый фильмы содержали сексуальные сцены,

включающие акты насилия. В конце одного из этих фильмов женщина чувствовала отвращение к происшедшему, а в конце другого — нет. После просмотра фильмов респонденты должны были указать, как сильно пострадала жертва в видеоматериале, а также оценить агрессивность фильма.

Респонденты, которые смотрели порнографический фильм с элементами насилия, в конце которого жертва не чувствовала отвращения к происшедшему, оценили его как менее агрессивный, чем те, кто смотрел фильм, где жертва испытывала отвращение. Кроме того, жертва, не чувствовавшая отвращения, была оценена как менее пострадавшая, чем жертва, испытывающая его. И наконец, люди, которые смотрели порнографический фильм с элементами насилия, вне зависимости от его окончания в конце эксперимента демонстрировали большую агрессию к подставной испытуемой-женщине, которая разозлила их, чем респонденты из других экспериментальных условий.

Вместе с тем, утверждение о негативном влиянии демонстрации насилия и порнографии, подтвержденное результатами лабораторных экспериментов, обладает значительно более низкой степенью достоверности, согласно данным неэкспериментальных, корреляционных исследований. Возможно, такое несоответствие объясняется различной включенностью респондента в происходящее. Когда респондент находится в экспериментальной лаборатории, показанный фильм является для него единственным источником информации, единственным фактором, влияющим на его настроение. С другой стороны, корреляционные исследования, проводящиеся на материале реальных ситуаций, не подразумевают такой включенности респондента в просмотр фильмов.

Четвертой функцией СМИ в ходе правовой социализации является информирование аудитории о различных аспектах деятельности судебной, правоохранительной и пенитенциарной систем, а также об особенностях людей, работающих в этих организациях. Различные приемы построения теле- или радиопередач позволяют продемонстрировать все влияние работников этих организаций или убедить зрителей / слушателей в том, что их усилия необходимы для того, чтобы действия этих сотрудников были успешны.

Так, в одном исследовании (*Fishman, 1999*) был проведен содержательный анализ двух передач, посвященных работе полиции. Эти передачи различались своим видением роли полиции и активности граждан в поимке преступников. Например, в одной из них акцент делался на описании профессиональных характеристик работы полицейских и содержания их работы. Полицейские представлялись как преодолевающие огромные опасности, обладающие специальными способностями и прекрасной техникой, удачливые посредники в борьбе добра со злом. Зрители выступали исключительно в роли пассивных потребителей информации. Эмоциональный накал достигался за счет демонстрации стычек полиции и преступников, победителями из которых всегда выходили полицейские.

Во втором типе новостей основной герой — это зритель, гражданский человек. Именно к зрителям ведущие программы обращались с просьбой помочь в поимке преступника. Зрители осознавали свою ответственность за собственную безопасность. Они могли принять участие в происходящем, выйдя на связь со студией по горячей линии. В этих новостях подробного описания удостоивался не полицейский, а преступник. Таким образом, зрителям предоставлялась возможность самим поймать его. Кроме того, в этих новостях демонстрировалось, что при поимке преступника основная роль отводится показаниям свидетелей. Немногочисленные описания полицейских создавали образ морально стойкого и компетентного работника полиции, который, однако, при поимке преступника заходил в тупик и мог выполнить задание только с помощью граждан.

По каналам СМИ транслируется информация не только о работниках трех указанных систем, но и об их функциях, о том, кто ответственен за их выполнение. Например, в современных российских СМИ в качестве института, на который возложен контроль по предотвращению преступлений, рассматривается милиция, но не общественные организации или школа (*Зацепин, 1999*).

Специфика СМИ, в частности, их привлекательная направленность накладывает свои ограничения на поступающую зрителю / слушателю информацию о правоохранительной, судебной и пенитенциарной системах и их работниках.

В частности, повышенный интерес к обстоятельствам совершения преступлений приводит к схематизации образов

Особенности информирования

судьи и милиционера / полицейского. Например, анализ российских газетных публикаций, посвященных судебным процессам, показывает, что описанию судьи уделяется гораздо меньше внимания, чем обвиняемым / потерпевшим (истцам / ответчикам) или прокурорам / адвокатам. При этом судья описывается схематично и предстает перед читателем как безличный представитель судебной власти, не обладающий отличительными индивидуальными особенностями (*Ефремова и др., 1998*). Такое описание облегчает стереотипное восприятие конкретного судьи, предъявление ему тех же претензий, что и судебной системе в целом.

То же самое можно сказать и о работниках правоохранительных органов. Например, образ сотрудника ОВД в российской печати обезличен: сотрудник не имеет личных нужд, затруднений по службе и функционирует в связи со своими должностными обязанностями (*Солдатенков, 2000*). Информация того же типа транслируется и в телевизионных криминальных новостях, большинство которых выдержано в позитивном или нейтральном тоне, а негативная оценка, если она существует, касается не конкретных персонажей, а работы правоохранительных органов в целом (обвинительный уклон, невыполнение функции борьбы с преступностью, низкое качество работы) (*Гулевич, 2000; Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994*).

Пятая функция СМИ заключается в формировании представлений о правовых нормах. За выполнение этой функции отвечают прежде всего немногочисленные «правовые ликбезы» — передачи или статьи, целью которых является предоставление информации о действующем законодательстве. Однако развлекательная направленность СМИ приводит к тому, что в целом российские газеты уделяют мало внимания образовательной тематике и поэтому не являются источником информации о законе и правовых реформах, происходящих в стране (*Ефремова и др., 1998*).

Кроме газет, аналогичную функцию выполняют телевизионные судебные шоу (например, «Суд идет»), участники ко-

торых наблюдают за ходом игровых судебных процессов или принимают на себя роль присяжных, выносящих судебное решение. Зрители и непосредственные участники таких программ не только получают возможность принять на себя ответственность за судебное решение, но и знакомятся с некоторыми правовыми нормами. Однако аудитория подобных передач, по-видимому, уже, чем аудитория другого источника информации о законе, судебной системе и деятельности правоохранительных органов — художественных фильмов-детективов.

Конечно, детективы могут восприниматься аудиторией как фантастические истории. Однако подобные фильмы, повествующие о современных для зрителя событиях, могут выступать и в качестве источника информации о правовых нормах, особенно о допустимости тех или иных действий работников милиции или о правах подсудимого. Применение работниками милиции насилия по отношению к подсудимому или отказ в его требовании о предоставлении адвоката, а также акцентирование внимания на чистосердечном признании подсудимого как основном доказательстве по уголовному делу служит зрителям своеобразным источником информации о том, как ведется следствие. То, что в роли подсудимого часто выступает персонаж, который в итоге оказывается преступником, оправдывает в глазах зрителя применение работниками милиции всех вышеуказанных приемов.

Кроме того, художественные фильмы выступают в качестве источника информации о причинах преступности и личностных особенностях преступника и его жертвы.

Кроме пяти вышеперечисленных функций СМИ являются источником информации о целях и неотвратимости наказания.

Таким образом, средства массовой информации оказывают многогранное и постоянное влияние на правосознание аудитории. Однако в силу доминирования развлекательного компонента, они не являются источником многосторонних знаний о правовой системе.

2.2.2 Влияние семьи, школы и правоохранительных органов / суда

Семья — первый институт социализации, в который человек попадает с момента рождения. В его рамках он усваивает первые ценности и нормы поведения. Семья является источником как имплицитной, так и эксплицитной правовой социализации.

Имплицитная социализация проявляется прежде всего в способах воспитания детей и их обосновании. В частности, если в семье с ребенком действуют по принципу «не пойман — не вор», в дальнейшем ему, вероятно, будет легче освоить один из основных принципов права — презумпцию невиновности, которая гласит, что подсудимый не должен доказывать свою невиновность, его виновность должен доказать обвинитель. Кроме того, в семье ребенок усваивает первые моральные нормы, часть которых («не убий», «не укради») соответствует существующему закону.

Как было сказано выше, семья является источником не только имплицитной, но и эксплицитной правовой социализации. В частности, из уст родителей ребенок получает сведения, способствующие его выживанию, например, информацию о том, что такое преступление и как не стать его жертвой. Желание родителей информировать своих детей о тех преступлениях, жертвами которых они могут стать (изнасилование, убийство), зависит от их оценки способности ребенка противостоять агрессору. В частности, желание родителей рассказать детям о сексуальном насилии возрастает, когда они полагают, что (*Campis, Prentice-Dunn, Lyman, 1989*):

- ребенок в состоянии правильно среагировать на погущение;
- «правильное» поведение в ситуации сексуального насилия не нанесет ребенку ущерба;
- выбор ребенком «правильного» способа поведения может предотвратить сексуальное насилие;
- ребенок является вероятной жертвой насилия.

Несмотря на значимость семьи как института правовой социализации, изучение влияния особенностей воспитания и правосознания родителей на формирование правосознания и поведения ребенка в правовой сфере не получило широкого распространения. Изучению подвергается, в основном, эксплицитная правовая социализация, тогда как имплицитная остается за пределами исследований. Наиболее разработанным направлением исследований в данной области было и остается изучение влияния особенностей семьи (количества родителей, криминальности их поведения и т.д.) на вероятность совершения человеком преступлений. Однако это направление касается поведения, а не правосознания и традиционно относится к области криминологии.

Школа, так же, как и семья, является источником имплицитной и эксплицитной правовой социализации. Имплицитная правовая социализация связана прежде всего с нормами, используемыми при взаимодействии между сверстниками, а также при взаимном влиянии учеников и учителей друг на друга. Однако изучение правовой социализации в рамках школы ограничивается, в основном, исследованием эксплицитной социализации.

Эксплицитная правовая социализация осуществляется посредством преподавания основ права. Результаты исследований показывают, что введение в школьную программу специальных дисциплин действительно оказывает влияние на когнитивный компонент правосознания учеников. Например, дети, которым в школе преподавали право, чаще что-либо слышали о нарушениях прав человека (геноциде евреев) и чаще считают, что такое нарушение недопустимо, а также реже затрудняются с ответом на вопрос о том, какие именно группы населения нуждаются в специальной правовой защите (*Гайнер, 1998*).

Другим способом эксплицитной правовой социализации является организация встреч школьников и студентов с правонарушителями и персоналом реабилитационных учреждений. Их целью является изменение мнения респондентов о преступниках и возможности их реабилитации. Идея организа-

ции таких встреч была заимствована у сторонников гипотезы контакта, согласно которой негативные отношения между членами разных социальных групп могут быть улучшены в ходе непосредственного общения между ними.

Авторы одной из таких программ (*LeUnes, Bourgeois, Grajales, 1996*), измеряли отношение респондентов к молодым правонарушителям и персоналу реабилитационных учреждений для них в начале и в конце учебного года с помощью семантического дифференциала. После этого на протяжении года респонденты принимали участие в нескольких мероприятиях. Во-первых, к ним в класс приходили молодые правонарушители, которые рассказывали о своей жизни, семье, причинах совершения преступления. После этого участники программы смотрели фильм и слушали рассказ о восстановительной процедуре, в которой принимали участие не только правонарушители, но и их жертвы. В ходе этой процедуры правонарушитель получал возможность сыграть роль своей жертвы, испытать соответствующие чувства. Рассказ завершался указанием на высокую эффективность подобной процедуры. И, наконец, в конце учебного года респонденты посещали реабилитационное учреждение для юных правонарушителей, общались с его сотрудниками и клиентами. Результаты исследования показали, что описанная процедура оказала значительное влияние на attitudes респондентов, улучшив их отношение к правонарушителям и работникам реабилитационных учреждений.

Правоохранительные органы и суд являются источником эксплицитной правовой социализации. Рассмотрение этих организаций в качестве институтов правовой социализации основано на принятии того факта, что столкновение граждан с работниками милиции и суда приводит к формированию у них определенного отношения не только к правовым институтам, но также к закону и правовой системе в целом. Работники милиции и судьи выступают в данном случае как источник информации о правовых нормах или о том, что эти нормы нарушаются. Современные российские исследования показывают, что личный опыт общения респондентов с представителями российской милиции и суда связан с более негативными attitudes по отношению к ним (*Ефремова и др., 1998; Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994*). В то же вре-

мя, по американским данным самостоятельное участие людей в принятии судебных решений способствует развитию их правосознания (*Tapp, Levine, 1977*).

• Таким образом, разработанные к настоящему времени направления изучения институтов правовой социализации, не решают проблемы содержания имплицитной социализации.

Особенности изучения

По-видимому, относительная неизученность этой формы правовой социализации связана с трудностью выделения повседневных стилей взаимодействия, а также норм поведения и принятия решения, имеющих аналоги в правовой системе. В качестве одной из таких норм может выступать важность справедливости процедуры, используемой при распределении вознаграждения / наказания. Возможно, что усвоение с детства принципа, согласно которому справедливость наказания определяется не только его размером, но и способом принятия решения о нем (слушают ли родители объяснения ребенка относительно происшедшего, объясняют ли ему свои действия и т.д.), в будущем облегчит для человека понимание идеи процедурной справедливости в рамках судебного процесса, согласно которой справедливый результат гарантируется соблюдением принятой процедуры.

Второй причиной неизученности имплицитной социализации является трудность проникновения в те области жизни, где она происходит. Такая социализация может осуществляться почти «неосознанно», с помощью приемов, использование которых едва замечается как «воспитателем», так и «воспитанником».

• Вторая малоизученная область правовой социализации связана с художественными фильмами и книгами как источниками информации о правовой системе и взаимодействии, осуществляемом в ее рамках. Вполне вероятно, что именно художественные произведения во многом определяют правосознание человека, не сталкивающегося с правовой системой непосредственно⁷.

Кроме вышеперечисленных институтов социализации, на формирование правосознания оказывает влияние культурный контекст, в котором существует его носитель.

2.2.3 Культура как контекст правовой социализации

Зависимость правосознания от культурного контекста — это малоизученная область. Исследования, проведенные для ее изучения, отличаются описательным характером и наличием предположительных объяснений полученных результатов. Поскольку «культурный контекст» — понятие слишком объемное для того, чтобы быть адекватно операционализируемым в исследовании, оно часто используется для объяснения полученных результатов. Эмпирическая часть такого исследования строится по следующей схеме: выбираются две или больше стран, представители которых могут принять участие в исследовании. Все респонденты заполняют одинаковый набор методик, иногда прошедший стадию культурной адаптации, а иногда — нет. После этого результаты, полученные в разных странах, сравниваются, и на основе этого сравнения делается вывод о подобии или различии правосознания представителей разных групп.

Выявленные «межкультурные» различия объясняются особенностями воспитания и обучения, литературы, межличностного взаимодействия, политической системы и т.д. двух разных стран. Например, особенности правосознания российского гражданина середины 90-х годов объяснялись политическим режимом, господствующим в стране на протяжении предыдущих десятилетий. Согласно этому объяснению, политическая ситуация, существовавшая в России на протяжении нескольких десятков лет, является одним из главных факторов формирования представлений людей о праве. По мнению авторов объяснения, разрыв между идеологией и реальной жизнью приводил к разрыву между правом и нравственностью, появлению двойной морали, неуважению к закону. Люди стали бояться стать жертвой преступления и согласились на достижение безопасности ценой репрессий и нарушения прав личности. Отсюда неумение защищать свои права и, как следствие, чувство незащищенности перед государством и преступностью (Михайловская, Кузьминский, Мазев, 1995)⁸.

В последнее время для изучения особенностей правосознания российских граждан было проведено три межкультур-

ных исследования. В одном из них сравнивались attitudes к закону и правовой системе у американских и российских граждан (Трушков, 1995), а в двух других — система социальных представлений о праве (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996) и преступлении (Гулевич, 2003) у русских и французских респондентов. В первом исследовании использовались стандартизованные опросники, во втором — две модификации метода ассоциаций, а в третьем — открытые вопросы и ранжирование. В этих исследованиях были получены результаты, касающиеся межкультурных различий отношения к закону, преступлению, вине и наказанию.

Российская специфика *attitudes* к закону ярко проявилась при сравнении российских граждан, с одной стороны, и французов и американцев — с другой. В частности, результаты показали, что:

— в правовом сознании российских граждан понятие «справедливость» занимает более важное место, чем в сознании жителей Франции (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996);

— для французов закон — это правило, которому надо следовать, руководящая сила, а для русских — правило, которое не надо нарушать, граница, отделяющая зерна от плевел (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996);

— американцы рассматривают закон как средство защиты отдельного человека, а русские — государства (Трушков, 1995);

— американцы рассматривают закон как стандарт поведения большинства. Они считают, что закон создан обществом и индивид может влиять на него через государственные институты. Русские рассматривают закон в качестве установленного стандарта поведения, который принимается меньшинством. Они признают необходимость закона, но считают, что в настоящем виде он не отражает общественное мнение (Трушков, 1995);

— мотивация соблюдения закона у американцев рациональна, основана на разумных началах. У русских же — аффективная легитимация, основанная на вере, которая под-

вержена ситуативным влияниям. При таком отношении подчинение происходит не на основе сознательного принятия принципов, а в силу эмоционально-ценностного отношения к закону и правовым санкциям (Трушков, 1995).

Российская специфика *аттитюдов к преступлению* связана, во-первых, с тем, что для русских преступление — это переход Рубикона, шаг, вызывающий моральное осуждение, а для французов — только нарушение правила, не вызывающее столь негативного отношения (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996). Это выражается в том, что для французских респондентов совершение преступления связано, прежде всего, с нарушением закона, тогда как для русских значимым свойством преступления является нарушение моральных норм. Кроме того, русские студенты в большей степени, чем французские при определении «преступности» поступка учитывают намеренность поведения нарушителя (Гулевич, 2003).

Во-вторых, для французских респондентов более важным, чем для русских, оказывается такое свойство преступления, как нарушение прав жертвы. С этой особенностью косвенно связано признание ими в качестве наиболее типичных преступлений — преступлений против личности, а не против государства или общества, что подчеркивается, во-первых, относительной неважностью для французских респондентов экономических и должностных преступлений, преступлений против государства, а также относительно редким упоминанием такого критерия отнесения поступка к разряду преступлений, как «большое количество жертв». Кроме того, большее внимание к преступлениям против личности связано с частым упоминанием французскими студентами таких преступлений, как использование пыток и применение физического насилия по отношению к человеку, не приводящие к смерти последнего, педофилия, унижение и оскорбление человеческого достоинства (Гулевич, 2003).

Российских граждан отличает и особое *понимание вины*. Для французов вина «безличностна», о ней говорят абстракт-

но, не упоминая жертву. Русские респонденты рассматривают вину в контексте личностных отношений, как «вину перед кем-то», состояние, приводящее к раскаянию (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

Специфика *аттитюдов* российских граждан к наказанию проявляется в том, что для русских справедливость в суде означает наказание виновного (обвинительный уклон), а для французов — это выбор между признанием вины и оправданием невиновного (Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1996).

Одна из основных проблем построения и проведения межкультурного исследования заключается в выборе культур-участников. Довольно часто культуры выбираются либо случайно, в соответствии с возможностями исследователей, либо в соответствии с их принадлежностью к типу «коллективистских» или «индивидуалистских». Во втором случае, как правило, берется одна страна с «индивидуалистской» культурой, например США, и одна — с «коллективистской», например Китай. В этом случае полученные различия интерпретируются в соответствии с «индивидуальностью—коллективностью» культуры.

Однако применительно к правосознанию разделение культур на «коллективистские» и «индивидуалистские» вряд ли эффективно. Непонятно, какие именно параметры правосознания должны изменяться в зависимости от принадлежности исследуемой культуры к одному из указанных типов. Поэтому при построении межкультурного исследования в области правосознания вопрос о выборе культур как никогда актуален.

Другая проблема проведения межкультурных исследований, в том числе в области правосознания, связана с адаптацией методик. Это касается, в основном, опросников, стандартизированных на представителях только одной культуры, но использующихся для изучения особенностей представителей всех задействованных культур.

Изучение правовой социализации и ее институтов — это только один из аспектов исследования правосознания. Дру-

Особенности изучения

гой аспект связан с изучением не динамики, а наличного состояния правосознания.

3. Основные компоненты правосознания

3.1 Аттитюды к преступлениям и преступникам

Структуру правосознания образуют аттитюды по отношению к четырем объектам: преступлениям / преступникам (подсудимым, заключенным), закону, наказанию, судебной / правоохранительной / пенитенциарной системам и их работникам. Основные компоненты аттитюдов к преступлениям и преступникам представлены на рис. 1.3.

Рис. 1.3. Структура аттитюдов к преступлениям и преступникам

3.1.1. Когнитивный компонент аттитюдов к преступлениям: житейское определение, классификация и оценка преступлений

Житейское определение преступления редко подвергается изучению, хотя и составляет основу понимания отношения людей к тем или иным конкретным преступлениям. Это определение включает в себя три компонента: признаки, прототип и примеры⁹.

По данным российского исследования, проведенного с использованием дискуссионных групп и анкетирования, житейское определение преступления включает в себя следующие *общие признаки*:

- преступление — это намеренное или ненамеренное совершение действий;
- преступление нарушает закон, права жертвы, а также некоторые моральные нормы;
- преступление наносит ущерб;
- преступление может быть совершено по отношению как к человеку, так и к животному. Однако преступление, совершенное по отношению к человеку, является более типичным, чем преступление, совершенное по отношению к животному;
- преступление заслуживает наказания (Гулевич, 2000, 2001).

Зарубежные исследования показывают, что определение преступления частично зависит от профессиональной принадлежности респондентов и их социоэкономического статуса.

Например, работники правовой системы чаще, чем работники социальных организаций, используют определения домашнего насилия, тесно связанные с их профессиональной деятельностью: описывают физическое насилие по отношению к супругу, используя определение, данное в законе, и в терминах физического насилия, а насилие по отношению к детям — в терминах чрезмерного наказания (Johnson, Sigler, 1994).

Яркий пример влияния социоэкономического статуса на определение преступления содержится в результатах англий-

ского исследования, проведенного с использованием дискуссионных групп, в которых участвовали английские рабочие — заключенные (*Williot, Griffit, 1999*). В ходе исследования они определяли себя как людей, которые несправедливо были классифицированы как «преступники». «Немного поработать на стороне — это не преступление», — говорил один из них. По их мнению, преступление против собственности является не преступлением, а средством выжить, а те, кто их совершает, не преступники, а люди, загнанные правительством в угол. Кроме того, кража имеет для них моральное оправдание, если была совершена по отношению к богатым людям.

Основными критериями, лежащими в основе обыденной классификации преступлений, являются тип нанесенного ущерба (физический, материальный или психологический) и его серьезность, тип жертв преступления (государство или мировое сообщество, отдельный человек, природа) и их количество, а также особенности преступника и заслуженное им наказание (*Гулевич, 2003*).

В качестве конкретных *примеров* преступлений российские респонденты упоминали (в порядке убывания количества упоминаний) преступления против жизни и здоровья одного или небольшого количества людей (убийство, нанесение телесных повреждений, хулиганство)¹⁰, преступления против собственности одного или нескольких человек (кража, ограбление, мошенничество, вымогательство), преступления против жизни и здоровья большого количества людей (терроризм, геноцид, развязывание войны, экологические преступления, распространение оружия и наркотиков), сексуальные преступления (изнасилование, развращение малолетних), «преступления против морали» (ложь, оскорбление, предательство)¹¹, должностные преступления (получение взятки, казнокрадство), оказание «психологического давления» (шантаж и др.), преступления против собственности большого количества людей (неуплата налогов, построение финансовых пирамид и др.), преступления против государства (шпионаж, разглашение государственной тайны) (*Гулевич, 2001*).

На *оценку прототипичности преступления* оказывают влияние такие факторы, как серьезность преступлений; тип (физический, психологический, материальный), размер и возможность возмещения ущерба, а также возможность для респондента стать участником преступления.

Основным фактором, связанным с оценкой типичности преступления, является оценка его серьезности. В целом, чем более серьезным признается преступление, тем более типичным оно считается (*Гулевич, 2001*).

Одно из первых исследований серьезности преступлений связано с именем Л.Терстоуна, создателя одного из методов измерения аттитудов. В своем исследовании (*Thurstone, 1927*) он просил людей оценить серьезность девятнадцати преступлений путем составления из них всех возможных пар и выделения в каждой паре наиболее серьезного преступления.

Чуть позже появились работы, в которых сравнивались результаты разных исследований, посвященных оценке серьезности преступлений (*Durea, 1933*). Результаты этого сравнения говорили о том, что члены разных социальных групп, таких, как американские студенты и полицейские (*Galvin, 1978; Sellin, Wolfgang, 1964*), американские прокуроры (*Roth, 1978*), американские заключенные (*Figlio, 1975*) и люди, не являющиеся коренными американцами (*Hsu, 1973, Valez - Diaz, Megagree, 1970*), оценивали серьезность преступлений примерно одинаково.

• Однако вслед за этим появились исследователи, которые предположили, что подобие оценок серьезности преступлений, данных членами разных социальных групп, — это следствие определенной процедуры обработки данных (*Lesieur, Lehman, 1975*). Они утверждали, что различия между ответами респондентов внутри одной выборки значительно превышают различия между выборками и, таким образом, межвыборочное подобие ответов не является показателем единства мнения. По их мнению, для того, чтобы оценить степень одно-

Критика

родности общественного мнения относительно серьезности преступлений, необходимо сравнивать не средние результаты разных выборок, а индивидуальные показатели внутри каждой выборки. Другие исследователи, последовав этому совету, установили, что подобие оценок серьезности преступлений внутри одной выборки достаточно велико для того, чтобы можно было говорить об однородности общественного мнения (Cullen, Link, Polanzi, 1982; Rossi et al., 1974).

- Второй аргумент критиков однородности общественного мнения о серьезности преступлений заключается в том, что подобие результатов различных исследований — это следствие определенной инструкции, например, использования в ней слова «преступление». Если в инструкции вместо слова «преступление» поставить «девиантное поведение», то различия между ответами мужчин и женщин станут больше (Miethe, 1984).

- Третий аргумент противников того, что оценка серьезности преступлений одинакова для всех людей, связан с зависимостью этой оценки от этнической принадлежности респондентов. Сторонники этой позиции утверждают, что этническая принадлежность респондентов, сказывающаяся на опыте их общения с работниками правоохранительных органов, а также на вероятности попадания в разные житейские ситуации, оказывает влияние на оценку серьезности преступлений.

Например, в одном исследовании (Vogel, 1998) афроамериканцы оценивали серьезность шести описанных экспериментатором преступлений. Эти преступления различались причиной возникновения и размером нанесенного ущерба. Первой причиной совершения преступлений (поджога и убийства полицейского) были несправедливые действия жертвы по отношению к преступнику. Второй причиной было оказание помощи преступником своей семье (ограбление и проституция). Третьей причиной было желание преступника получить финансовую выгоду для себя (просмотр конторской книги, в результате чего человек смог забрать себе определенное количество денег фирмы, и кража). С другой стороны, три преступления были связаны с нанесением жертве серьезного ущерба (поджог, ограбление, убийство полицейского), а три оставшиеся — с нанесением легкого.

Результаты показали, что наиболее серьезным преступлением афроамериканцы признавали похищение небольшого количества денег у компании и наименее серьезным — убийство полицейского офицера. Очевидно, эта оценка была связана с жизненным опытом чернокожих респондентов, вероятностью для них стать участником какого-либо преступления и оценкой его оправданности¹².

- Четвертый аргумент против однородности общественного мнения о серьезности преступлений основан на сравнении данных разных лет.

Например, исследование, проведенное в России в 1974 г. (Каминская и др., 1974), показало, что оценка людьми серьезности таких преступлений, как измена Родине, умышленное убийство и кража государственного имущества, совпадает с точкой зрения закона, т.е. измена Родине оценивается как серьезное преступление.

В этом исследовании (Каминская и др., 1974) респонденты должны были оценить серьезность десяти преступлений. На основе строгости предусмотренного законом наказания авторы этого исследования построили следующую иерархию серьезности преступлений: измена Родине — самое серьезное, далее (в порядке убывания серьезности) умышленное убийство, кража государственного имущества, вымогательство взятки, дача взятки, кража личного имущества, хулиганство, ложный донос, сопротивление работнику милиции, злостное уклонение от уплаты алиментов.

Результаты показали, что оценка респондентами серьезности трех преступлений действительно совпадала с иерархией, построенной исследователями. В число этих преступлений попали измена Родине, умышленное убийство и кража государственного имущества. С другой стороны, оценка серьезности некоторых преступлений сильно отличалась от заложенной в иерархии. К таким преступлениям относились вымогательство взятки (7-е место), злостное уклонение от уплаты алиментов (8-е место) и дача взятки (10-е место). Кроме того, хотя дача взятки и вызывала негативное отношение, менее половины опрошенных оценивали ее как преступление и подавляющее большинство было против применения уголовного наказания.

Вместе с тем, по данным современного исследования (Гулевич, 2001) преступления против государства оцениваются как относительно несерьезные. К наиболее серьезным пре-

ступлениям (в порядке убывания) относятся убийство одного или нескольких человек, геноцид, терроризм, развязывание войны, изнасилование, нанесение тяжких телесных повреждений, распространение наркотиков и оружия. Имущественные и должностные преступления (кража, ограбление, казнокрадство, создание финансовых пирамид, уклонение от уплаты налогов, получение взятки), преступления против государства (разглашение государственной тайны) и экологические преступления оцениваются как менее серьезные.

Таким образом, оценка серьезности ряда преступлений почти не изменилась на протяжении нескольких десятков лет. В частности, с 70 — 80-х годов (*Серебрякова, 1986*) практически не изменялась оценка серьезности преступлений против личности (умышленного убийства, причинения тяжких телесных повреждений, изнасилования), с одной стороны, и оценка серьезности оскорбления, клеветы, дачи и получения взятки — с другой. Терпимое отношение к посягательствам на государственную собственность переросло в оценку относительно несерьезности экономических преступлений.

Однако оценка серьезности ряда преступлений, таких как измена Родине, претерпела существенные изменения. На первый план вышли иные преступления — терроризм, геноцид, развязывание войны, распространение оружия и наркотиков.

Возможно, что резкое изменение оценки серьезности преступлений характерно только для тех стран, в которых происходят масштабные социальные изменения.

- Пятый аргумент против однородности общественного мнения о серьезности преступлений заключается в том, что разные люди по-разному интерпретируют термин «серьезность преступления» (*Hansel, 1987*). И поэтому, формально отвечая на один и тот же вопрос, имеют в виду различные явления.

Например, у российских респондентов оценка серьезности преступлений тесно связана с оценкой размера нанесенного физического и психологического ущерба: чем больше размер нанесенного ущерба, тем более серьезным считается пре-

ступление. Интересно, что размер материального ущерба слабо связан с оценкой серьезности преступления. Кроме того, эта оценка зависит от возможности возмещения ущерба: чем меньше вероятность возместить ущерб, тем более серьезным признается преступление.

И наконец, оценка респондентом вероятности того, что он станет участником каждого из преступлений негативно связана с оценкой серьезности этих преступлений. Это заключение соответствует результатам исследования атрибуции ответственности, которые свидетельствуют о нежелании людей поверить, что они могут пострадать случайно, не заслужив того. Возможно, что это позволяет респондентам верить в справедливый и безопасный мир, где катастрофы и преступления случаются относительно редко и невиновный человек может жить спокойно. Второе возможное объяснение этого феномена связано с тем, что преступление подразумевает совершение редко встречающегося уникального действия. А если какое-то действие совершается достаточно часто, оно становится неизбежным злом и одновременно перестает быть в сознании людей преступлением (*Гулевич, 2001*).

- И наконец, шестой аргумент против однородности общественного мнения о серьезности преступлений связан с зависимостью этой оценки от представления о мотивации преступника.

Для изучения представлений о мотивах преступника и их влиянии на оценку серьезности преступлений российскими исследователями (*Пристанская, Юцкова, 1990*) использовались проективные ситуации, например:

«Новоселу потребовались дополнительные радиаторы для того, чтобы как можно скорее утеплить квартиру. Он попросил строителей в частном порядке взять на стройке радиаторы и принести ему, пообещав им за это заплатить. Строители выполнили его просьбу. В результате чего государству был причинен ущерб на сумму свыше 50 рублей. Как Вы лично оцениваете действия новосела?

— Правильно поступил, а то бы семья замерзла;

— Правильно поступил — государство должно заботиться об интересах новосела;

- Ничего особенного — не один он так сделал;
- Ничего особенного — все равно имущество нередко хранится небрежно и государству причиняется ущерб;
- Ничего особенного — надо, чтобы такие вещи были в продаже;
- Поступил плохо — не добился установления радиаторов в законном порядке;
- Поступил плохо — причинил ущерб государству;
- Правонарушение, но не преступление;
- Совершил преступление.

Результаты подобных исследований показали, что российские респонденты спокойнее относятся к преступлениям в том случае, если они были совершены для восстановления ущемленных личных интересов, защиты личного достоинства (для насильственных преступлений) или при наличии острой необходимости в чем-то (для краж государственного имущества) (Серебрякова, 1986; Юцкова, 1986).

Долгое время «серьезность» рассматривалась как основной параметр оценки преступлений. В настоящее время к ней добавились и другие измерения (Hansel, 1975, 1987; Minstretta, 1976; Sherman, Dowdle, 1974) (размер нанесенного физического и материального ущерба и связанность преступления с сексом), которые вносят в оценку преступления самостоятельный вклад.

3.1.2. Когнитивный компонент установок к преступлениям: скрипты преступлений

Значительную часть когнитивного компонента установок к преступлениям составляют скрипты преступлений. Результаты ряда западноевропейских исследований показали, что представления о преступлениях существуют в виде скриптов (Howard, 1984) — описаний последовательности действий и характеристик персонажей. Зачастую люди не могут дать общего определения преступления, а используют короткие скрипты. Например, на вопрос, что такое хулиганство, они отвечают «Это когда стекло разбил, сумку на улице отобрал».

Это хорошо видно на примере убийств, которые описываются российскими респондентами с помощью ограниченного

количества скриптов: «Бытовое убийство», «Заказное убийство», «Убийство при ограблении на улице», «Убийство при ограблении помещения».

Так, например, жертва «Бытового убийства» (Гулевич, 2000, 2001) — это семейный, но плохо материально обеспеченный человек, а преступник — это самый обычный человек, который совершает преступление случайно: мужчина, имеющий семью и плохо материально обеспеченный; обидчивый и имеющий узкие интересы в жизни. Он эмоционален и совершает преступление под влиянием чувств, находясь в состоянии возбуждения и плохо понимая, что происходит, а потом раскаивается в том, что сделал, иногда даже сам сообщает о преступлении в милицию.

Основное место «Бытового убийства» — жилой дом. Жертва и преступник знакомы между собой. Во время совершения преступления и преступник, и жертва находятся в состоянии алкогольного опьянения. Преступлению предшествует ссора. Первым нападение совершает преступник. Орудием служит любой бытовой предмет. Наиболее ярко выраженным состоянием преступника во время совершения преступления является его возбуждение, которое в криминальных новостях описывается как состояние аффекта. В результате преступник, как правило, оказывается в тюрьме и демонстрирует «самообвиняющее» поведение: раскаивается или признается в содеянном.

Вероятность приписывания преступнику устойчивых личностных черт, вероятно, возрастает вместе с оценкой намеренности преступления: чем дольше преступник вынашивал планы преступления, тем больше устойчивых личностных черт ему приписывается. Это различие видно на примере скриптов «Бытовое убийство» и «Заказное убийство». Преступник в «Бытовом убийстве» обладает двумя устойчивыми личностными характеристиками (обидчивостью и узкими интересами), а исполнитель «Заказного убийства» — пятью (хладнокровием, организованностью, терпением, самоуверенностью, жестокостью) (Гулевич, 2001).

Немногочисленные исследования скриптов преступлений демонстрируют культурную универсальность их содержания. Например, в соответствии с английским и немецким скриптами, изнасилованием может считаться сексуальное насилие, со-

вершаемое ночью на улице незнакомым с жертвой преступником, в ходе которого жертва оказывает физическое сопротивление. В соответствии с этим скриптом, изнасилование заканчивается для жертвы тяжелым психологическим, но несерьезным физическим ущербом (Krahe, 1991). Аналогично, в соответствии с русским скриптом, изнасилование совершается внезапно появляющимся на темной улице незнакомым человеком, который старше своей 15—25-летней жертвы (Чернецкая, 2000).

Однако содержание скриптов преступлений зависит от профессиональной принадлежности их носителей. Так, например, адвокаты оценивают как изнасилование больший круг происшествий, чем это делают полицейские, больничный персонал и простые граждане (Blake, Heesacker, Marks, 1993).

Важность скриптов преступлений заключается в том, что люди оценивают подобие реального преступления скрипту и таким образом определяют для себя, было ли преступление на самом деле: чем больше подобие между реальными событиями и скриптом, тем больше вероятность, что люди оценят реальное событие как преступление. Например, изнасилование, соответствующее уже описанным английскому и немецкому скриптам, воспринимается как таковое окружающими. Однако если людям становится известно, что жертва изнасилования была пьяна, знакома с насильником, не оказала ему физического сопротивления, что изнасилование случилось в квартире жертвы или преступника, а насильник не угрожал ей, то они оценивают показания жертвы о совершении изнасилования как ложные (Krahe, 1991).

Следствием оценки происходящего как преступления является желание заявить о нем в правоохранительные органы. Человек скорее заявит о его совершении в том случае, если оно соответствует скрипту.

Например, авторы одного из канадских исследований (Beck, Oglhoff, 1995) спрашивали профессиональных психологов о том, какие действия по отношению к детям они расценивают как при-

Последствия

менение насилия, и при каких условиях готовы заявить о нем в полицию. В частности, психологи отвечали на вопросы, касающиеся знания ими соответствующего закона и обращений в полицию по поводу насилия над детьми в течение последнего года (было ли такое обращение, почему не обратились при наличии подозрений). В заключение они читали один из четырех вариантов описания насилия над ребенком. Все варианты начинались одинаково: «Опекуны 7-летнего ребенка сказали Вам, что их ребенок не спит по ночам. В ходе беседы с семьей, на основе информации, полученной от ее членов, выяснилось, что родители...». Они различались только типом выявленного насилия. Было выделено четыре типа насилия: физическое («...наказывают своего ребенка, шлепают его кожаным ремнем, оставляющим красные полосы на коже»), эмоциональное («постоянно кричат на ребенка, обзывают его, и ребенок не играет с другими детьми») и сексуальное («постоянно показывают ребенку порнографические картинки») насилие, а также пренебрежение («регулярно выгоняют ребенка из дома после наступления темноты, часто не возвращаются до полуночи»). После прочтения описания респонденты должны были ответить на вопросы о том, насколько вероятно, что насилие действительно имело место, и желают ли они сообщить об этом в полицию.

Результаты исследования показали, что канадские психологи хорошо знакомы с законом, а более четверти из них действительно заявляли в полицию о случаях насилия над детьми, желая защитить ребенка или считая себя обязанными сделать это. Причинами нежелания делать заявление являлись, в основном, отсутствие весомых доказательств и недоверие к службе, занимающейся защитой детей. Любопытно, что больше половины таких случаев было связано с эмоциональным насилием, а 42% — с сексуальным насилием и пренебрежением. Однако анализ ответов на проективные ситуации показал, что наибольшее желание заявить в полицию связано как раз со случаями пренебрежения, а меньшее — с эмоциональным насилием.

3.1.3. Когнитивный компонент установок к преступлениям: мифы об изнасиловании

Изучение установок к изнасилованию является популярной областью исследования в Северной Америке и западноевропейских странах. Интерес к этой теме определяется существованием вокруг этого преступления значительного ко-

личества мифов, касающихся его причин, особенностей насильника и поведения жертвы.

К числу мифов об изнасиловании относятся следующие (*Brownmiller, 1975; Olsen-Fulero, Fulero, 1997*):

- женщина не может быть изнасилована против собственного желания;
- женщина тайно желает быть изнасилованной;
- большинство обвинений в изнасиловании подделано.

Выделение основных мифов об изнасиловании подтолкнуло исследователей к созданию специальной шкалы для измерения установок к изнасилованию, которая бы позволила оценить степень распространенности этих мифов. Автором такой шкалы стал Г.Филд. Филд (*Field, 1979*) предположил, что установки к изнасилованию слишком сложны, чтобы их можно было измерить с помощью одной шкалы. Поэтому он создал методику, включающую в себя семь содержательных шкал:

- Ответственность женщины за предотвращение своего изнасилования: «Женщина ответственна за то, чтобы предотвратить свое собственное изнасилование». Принятие установок, согласно которым женщины-жертвы сами несут ответственность за изнасилование, дает потенциальным насильникам индульгенцию на совершение преступления еще тогда, когда эти люди не воспринимают себя как насильников. Присяжные, имеющие такие установки, с меньшей вероятностью обвинят насильника в совершении преступления.

- Сексуальное возбуждение как мотивация для изнасилования: «Причина совершения преступления большинством насильников — это их половая принадлежность», «Изнасилование — это выражение неконтролируемой сексуальной потребности». Высокий балл по этой шкале отражает традиционный взгляд, что мотив изнасилования — это сексуальная потребность, а не потребность во власти.

- Серьезность наказания за изнасилование: «Обвиненный насильник должен быть кастрирован», «Мужчина, который совершил изнасилование, должен быть осужден по крайней мере на 30 лет тюрьмы».

- Опрометчивость жертвы преступления: «Женщина провоцирует изнасилование своим внешним видом и поведением».

- Психическая нормальность насильника: «Насильник — психически нормальный мужчина».

- Восприятие женщины после изнасилования: «Женщина не должна чувствовать вины после изнасилования». Этот фактор касается восприятия привлекательности женщины после изнасилования.

Таблица 1.6. Примеры утверждений шкалы принятия мифов об изнасиловании

Высокомерная женщина, которая думает, что она слишком хороша для того, чтобы разговаривать с парнями на улице, заслуживает хорошего урока. Если женщина пьет на вечеринке и вступает в сексуальные отношения с мужчиной, с которым только что познакомилась, ее можно рассматривать как «ярмарочную игрушку» для других мужчин на вечеринке, которые тоже хотят вступить с ней в сексуальные отношения, вне зависимости от того, желает она этого или нет. Любая здоровая женщина может успешно сопротивляться насильнику, если она действительно хочет сделать это. В большинстве случаев жертва изнасилования неразборчива в связях или имеет плохую репутацию.
--

- Сопротивление как роль женщины во время изнасилования. Высокий балл по этой шкале говорит о том, что женщина должна оказывать сопротивление насильнику (табл. 1.6).

Принятие мифов об изнасиловании связано с рядом факторов, таких, как пол (*Krahe, 1991; Olsen-Fulero, Fulero, 1997*), некоторые личностные характеристики респондентов (раздражительность (*Spence, Losoff, Robbins, 1991*), уровень маскулинности у мужчин (*Quackenbush, 1989*), авторитаризм и сексуальный консерватизм (*Чернецкая, 2000; Walker, Rowe, Quinsey, 1993*)), вера в сексу-

Факторы, влияющие на выраженность феномена

альное соперничество, принятие межличностного насилия как способа взаимодействия, принятие полоролевых стереотипов (Burt, 1980), вера в справедливый мир (Tabone, Pardine, Salzano, 1992), а также оценка вероятности стать жертвой изнасилования для женщин (Tabone, Pardine, Salzano, 1992), опыт принуждения женщины к вступлению в половую связь для мужчин (Чернецкая, 2000).

В частности, некоторые исследования показали, что мужчины больше, чем женщины, принимают мифы об изнасиловании, однако сравнение результатов, полученных в рамках разных культур, не подтвердило это заключение (Krahe, 1991), что может объясняться культурной специфичностью мифов об изнасиловании (Howard, 1988).

Кроме того, исследования показали, что мифы об изнасиловании развиваются в определенной системе ценностей (Burt, 1980) (табл. 1.7.), включающей в себя:

- веру в сексуальное соперничество, при которой партнеры рассматриваются как эксплуатирующие друг друга;
- принятие межличностного насилия как способа взаимодействия;
- полоролевые стереотипы, особенно если они касаются женщины, приписывая ей пассивную роль;
- сексуальный консерватизм.

И наконец, принятие мифов об изнасиловании позитивно связано с верой респондента в справедливый мир (Tabone, Pardine, Salzano, 1992), наличием у него опыта принуждения женщины к вступлению в половую связь (для мужчин) (Чернецкая, 2000), и негативно — с высокой оценкой риска стать жертвой изнасилования и восприятием подобия между собой и типичной жертвой (Tabone, Pardine, Salzano, 1992).

Принятие мифов об изнасиловании *определяет самооценку* человека. С принятием или отвержением женщинами мифов об изнасиловании связана структура их образа Я: женщины, которые не принимают мифы об изнасиловании, одновременно рассматривают себя как возможную жертву. Это приводит к

Последствия

Таблица 1.7 Примеры утверждений шкалы идеологических компонентов Барта

<p><u>Сексуальный консерватизм</u>   Люди не должны заниматься оральным сексом.   Добропорядочная женщина смутится или почувствует себя оскорбленной, услышав непристойную шутку.   Женщина не должна вступать в сексуальные отношения с мужчиной сразу после знакомства, иначе он будет думать, что она распущена.   Весьма вероятно, что женщина, которая является инициатором вступления в сексуальный контакт, будет «спать» с первым встречным.</p> <p><u>Вера в сексуальное соперничество</u>   Женщина существует для того, чтобы приносить пользу мужчине.   Большинство женщин, когда хотят понравиться мужчине, хитры и склонны к манипуляциям.   Женщины обычно нежны до тех пор, пока не «поймают» мужчину, но потом проявляется их подлинная сущность.</p> <p><u>Принятие межличностного насилия</u>   Иногда единственный способ, с помощью которого мужчина может «завести» равнодушную женщину, — это использование насилия.   Грубость сексуально стимулирует многих женщин.   Женщина может много раз повторять, что она не желает вступать в сексуальные отношения, потому что она не хочет показаться распущенной, но в действительности она надеется, что мужчина принудит ее к этому.</p> <p><u>Полоролевые стереотипы</u>   Женщина должна выходить замуж девственницей.   Жена никогда не должна противоречить своему мужу на людях.   Пьющая женщина выглядит хуже, чем пьющий мужчина.   Мужчина должен драться, если его женщину оскорбил другой мужчина.</p>
--

тому, что после прочтения описания ситуации изнасилования их самооценка понижается (Bohner et al., 1993; Lerner, 1980), чего не происходит с теми женщинами, кто принимает мифы об изнасиловании, одновременно не рассматривая себя в качестве потенциальной жертвы (Bohner et al., 1993).

Кроме того, женщины, не принимающие мифы об изнасиловании, рассматривают сексуальное насилие как форму группового поведения. Т.е. они считают, что изнасилование определяется не индивидуальными особенностями жертвы, а

ее принадлежностью к женскому полу. С другой стороны, женщины, принимающие мифы об изнасиловании, рассматривают сексуальное насилие как результат поведения конкретной женщины, наделенной определенными личностными чертами (Bohner, Siebler, Raaijmakers, 1999). Это подтверждается данными о том, что у женщин, не принимающих мифы об изнасиловании, после прочтения описания изнасилования понижается групповая, а не индивидуальная самооценка (Bohner, Siebler, Raaijmakers, 1999).

Одна из причин интенсивного изучения мифов об изнасиловании заключается в том, что их принятие мужчинами *повышает вероятность* того, что они смогут совершить *это преступление*.

Например, в одном эксперименте (Bohner, et al., 1998) респонденты заполняли два опросника, один из которых содержал мифы об изнасиловании, а второй был рассчитан на выявление отношения к нескольким типам девиантного поведения, среди которых было и изнасилование. Один из вопросов во втором опроснике касался того, может ли респондент сам совершить изнасилование. Результаты показали, что существует связь между принятием мифов об изнасиловании и готовностью совершить это преступление: люди, которые принимали такие мифы, чаще были готовы совершить изнасилование.

И наконец, люди, принимающие мифы об изнасиловании, более позитивно оценивают преступника и менее позитивно — жертву, чем люди, не принимающие подобных мифов (Varelas, Foley, 1998).

3.1.4 Аффективный компонент установок к преступлениям: страх перед преступлениями

Установки к преступлениям имеют не только когнитивную, но и эмоциональную составляющую, в которую входят чувство незащищенности и страх перед преступлениями, которые играют важную роль в оценке людьми условий своей жизни (Conclin, 1971, 1975; Weidemann, Anderson, 1982). Страх перед преступлениями отличается от оценки риска стать жертвой преступления (Rountree, Land, 1996): оценка риска — это когнитивный компонент установок к преступлениям, а

страх перед преступлением — их аффективный компонент.

Исследователи выделяют два независимых и одинаково важных компонента страха перед преступлениями: эгоистический страх — страх за себя и альтруистический страх — страх за других (матерей за своих детей, мужчин за своих жен и т.д.) (Warr, 1992). Поскольку страх за себя и страх за других — это разные измерения страха перед преступлениями, они изменяются независимо друг от друга.

Например, в одном исследовании (Fishman, Mesch, 1996) было выделено несколько факторов, которые определяют страх перед преступлениями. Первый фактор был назван авторами «Тревога за семью» и включал в себя страх, что члены семьи могут стать жертвой случайного преступника, находясь на улице в одиночестве днем или ночью. Второй фактор был назван «Страх перед насилием» и включал в себя страх перед насильственными преступлениями (нападение, ограбление, изнасилование), жертвами которых могут стать как сам респондент, так и члены его семьи. Третий фактор был назван «Страх перед преступлениями против имущества» и включал в себя страх перед такими преступлениями, как кража со взломом, кража на улице. И наконец, четвертый фактор был назван «Страх перед мошенничеством», которое может быть совершено по отношению к самому респонденту или члену его семьи. Наибольший вклад в общую оценку страха перед преступлениями вносил первый фактор, меньше — второй и третий, и совсем мало — четвертый.

Страх перед преступлениями зависит от двух типов характеристик респондентов: социодемографических и психологических. К социодемографическим характеристикам относятся возраст, пол, уровень дохода, состояние здоровья, семейный статус, раса и место жительства. Некоторые исследования показали, что люди старше 60 лет боятся по-другому, чем молодые: у них меньше выражен страх относительно конкретных преступлений, зато более интенсивен страх общего характера, например, перед пребыванием в одиночестве на улице или в торговом центре (ATO, 1980). Некоторые данные показывают, что женщины больше боятся преступлений, чем мужчины (A.T.O., 1980; Braungart,

Факторы, влияющие на выраженность феномена
--

Braungart, Hoyer, 1980; Carter, Beaulieu, 1984; Ciricos, Hogan, Gertz, 1997; Lebowitz, 1975; Parer, 1988; Stafford, Galle, 1984), хотя иногда различий и не обнаруживается (*Lee, 1982*). Кроме того, страх перед преступлениями растет с падением дохода (*Carter, Beaulieu, 1984*) и уровня образования (*Parer, 1988*), с ухудшением здоровья (*Braungart, Braungart, Hoyer, 1980; Yin, 1985*), с отсутствием супруга в течение всей жизни у пожилых людей (*Braungart, Braungart, Hoyer, 1980; Parker, 1988*). Он изменяется в зависимости от расы человека (*Ortega, Myles, 1987; Parer, 1988; Parker, Ray, 1990; Parker et al., 1993; Stafford, Galle, 1984*) и его места жительства (*Belyea, Zingraff, 1988; Brankston et al., 1987; Ittelson, 1978; Lebowitz, 1975; Parker, 1988*); от расстояния до полицейского участка (*Salliel, Gilchrist, Harvie, 1992*), от присутствия рядом с человеком афроамериканца (для «белых») (*Anderson, 1995; Ciricos, Hogan, Gertz, 1997; Reiman, 1995; Szykowny, 1994*), от того, становился ли человек жертвой преступления в прошлом (*Ferraro, 1996*).

Кроме того, на страх перед преступлением влияют некоторые психологические факторы, которые более важны, чем социально-демографические (*Van Der Wurff, Stringer, 1988; Van Der Wurff, Van Staalduinen, Stringer, 1989*):

- оценка привлекательности себя как мишени для преступника;
- оценка собственной силы для противостояния преступнику;
- оценка силы потенциальных правонарушителей;
- оценка вероятности совершения преступления определенного типа;
- представление о том, что есть люди со злыми намерениями;
- оценка степени криминализации пространства, отсутствия социального контроля, наличия знаков присутствия потенциальных преступников, неготовности к быстрому оказанию помощи и т.д.¹³;
- оценка последствий преступлений.

Рис. 1.4. Факторы, влияющие на степень страха людей перед преступлениями (*Garofalo, 1981*)

Кроме характеристик респондентов на страх перед преступлениями влияют сообщения в средствах массовой информации: истории, произошедшие в ближайшем окружении, увеличивают страх перед преступлениями, а происходящие далеко — уменьшают его (*Heath, Petraitis, 1987*).

И наконец, существуют сезонные колебания страха перед преступлением (*Semmens, Dillane, Ditton, 2002*).

Некоторые авторы строят достаточно сложные схемы факторов, влияющих на страх перед преступлениями (рис.1.4).

Системность

Согласно подобным схемам, страх перед преступлениями не является самостоятельным феноменом, будучи лишь частью сложной сети причин и следствий. Наличие таких схем является способом демонстрации системности правосознания. Например, согласно приведенной схеме, образ преступника / жертвы, оценка преступлений, страх перед ними и предполагаемое поведение в ситуации преступления оказывают влияние друг на друга.

Страх перед преступлениями приводит к социальной и территориальной мобильности людей (Garofalo, 1981; Skogan, 1986).

Последствия

Люди, которые боятся преступлений, стараются действовать в областях, которые защищены от них, и избегают появляться в местах, которые оцениваются ими как незащищенные (Garofalo, 1979, Liska, Warner, 1991; Sampson, Wooldredge, 1986; Skogan, Maxfield, 1981). Кроме того, страх за своих близких заставляет мужчин покупать оружие (Warr, 1992). И наконец, когда люди боятся преступлений, они реже хотят совершить что-либо для их предотвращения, например, позвонить в полицию (Skogan, 1986), а также оценивают качество жизни как низкое (Reis, 1986).

3.1.5. Аттитюды к преступникам

Для изучения восприятия людьми причин преступности используются опросники, содержащие личностную (особенности преступника), обстоятельственную (особенности экономической ситуации в стране, стиль семейного воспитания, влияние сверстников и т.д.) и объектную (поведение потерпевшего) атрибуцию причин преступления.

Например, в одном из исследований (Grasmick, McGill, 1994) использовался опросник, включающий следующие утверждения:

«Молодые преступники, которые совершают преступления, обладают плохим характером»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления, потому что они рождены быть преступниками»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления, поскольку они эгоистичные люди, которых не интересуют чувства других людей»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления, потому что они слишком ленивы, чтобы работать и зарабатывать деньги»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления, потому что общество не дает им возможности достичь успеха с помощью законной деятельности»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления под давлением ровесников»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления, потому что дома их мало приучали к дисциплине»;

«Большинство молодых преступников совершают преступления, потому что это способ справиться с бедностью, в которой они живут».

Использование подобных опросников дает возможность изучить общественное мнение о причинах преступности. Например, результаты чешского исследования середины 80-х годов показали, что молодые люди связывают причины преступности скорее с недостатками общественного контроля, чем с особенностями преступника (Валкова, Кнотек, Штехова, 1986). В качестве основных причин преступности они выделяли неблагополучие в семье, неподходящий способ времяпрепровождения, негативное влияние трудового коллектива.

В качестве характеристик, приписываемых преступнику, могут выступать, например, психическая неполноценность, а также та или иная национальность.

Одно из таких исследований (Fishman, Rattner, Weimann, 1987) было проведено в Израиле, где авторы выделили три большие этнические группы: европейские евреи, занимающие наиболее высокое положение в обществе, азиатские евреи и арабы, занимающие наиболее низкое социальное положение. В этом исследовании респонденты должны были приписать человеку на фотографии, принадлежащему к одной из трех этнических групп, одно из пяти преступлений (убийство, изнасилование, вооруженное ограбление, кражу со взломом и мошенничество) или не приписывать ни одного.

Оказалось, что этническая принадлежность человека на фотографии была наиболее значимым фактором в приписывании пре-

ступлений. Арабов наиболее часто оценивали как преступников и приписывали им наиболее тяжкие преступления. Европейским евреям преступления приписывали реже всего, а если и приписывали, то только «интеллектуальные», такие, как мошенничество.

Зачастую аттитюды к преступникам имеют сложную структуру, где появление одного из компонентов вызывает появление другого. Так, например, преступникам, которые оцениваются как не уважающие суд или закон, приписывается большая ответственность за преступления, и они воспринимаются как более склонные к повторному его совершению (*Albonetti, 1991; Drass, Spencer, 1987; Emerson, 1969; Spencer, 1983*).

Один из примеров изучения многофакторного представления о преступнике заимствован из исследования Дж.Скима и С.Голдинга (*Skeem, Golding, 2001*), в котором респондентов просили описать типичного человека, который не может нести ответственность за совершение преступления, благодаря наличию у него психического заболевания. Анализируя описания, сделанные участниками, исследователи выделили около пятисот особенностей, которые были распределены экспертами на десять категорий, среди которых (в порядке убывания): неумение различать добро и зло; невозможность адаптироваться в обществе; наличие задержек в психическом развитии; иррациональность; неумение контролировать свои мысли, эмоции, поведение; искаженный взгляд на реальность; наличие в прошлом серьезной травмы; наличие галлюцинаций; наличие диагноза, поставленного профессионалами; нечувствительность к чужой боли, манипулятивность, желание извлечь выгоду из окружающих.

На следующем этапе исследования из перечисленных пятисот была выбрана шестьдесят одна особенность, наличие которой у психически больного преступника должны были указать респонденты. Факторный анализ полученных результатов позволил выявить три фактора, лежащие в основе оценки психически больного преступника. Каждый фактор авторы исследования уподобили одному из существующих представлений о нем. В основе всех трех представлений лежит идея наличия у такого преступника в момент совершения преступления необычного психического состояния, психоза. Однако, согласно первому представлению, психически больной преступник страдает не поддающимся контролю серьезным хро-

ническим психическим заболеванием, которое мешает его адаптации в обществе. Сторонники второго представления приписывают такому преступнику психопатию, а также иррациональность, недоброжелательность и непредсказуемость. И наконец, в соответствии с третьим представлением, психические нарушения возникают у такого преступника только во время совершения преступления.

Аффективное отношение к преступнику / подсудимому / заключенному может быть измерено с помощью семантического дифференциала. С его помощью возможно определение дифференцированности отношения к этим персонажам.

Так, в одном из отечественных исследований, проведенных с использованием методики семантического дифференциала, было показано, что для судей слово «подсудимый» имеет негативную эмоциональную окраску и находится в одной группе с заведомо негативными словами: «враг», «слякоть», «тяжелая болезнь», недалеко от «преступника» (*Панасюк, 1992*). Интересно, что такое негативное отношение к преступнику у юристов сопровождается увеличением примирительного отношения к преступлению и преступникам среди российских граждан, наличием у них стремления лично расправиться с преступником и восприятием преступности как неизбежного зла.

Аффективное отношение к преступнику оказывает влияние на поведение человека по отношению к нему. Этот феномен ярко проявляется на примере работников полиции.

Последствия

Например, в одном исследовании (*Vrij, Dingemans, 1996*) принимали участие полицейские, которые смотрели видеозапись момента преследования и задержания преступника. Члены первой экспериментальной группы перед просмотром видеозаписи занимались на велотренажере. По мнению авторов исследования, эти занятия вызывали у них физиологическое возбуждение, аналогичное тому, которое испытывает полицейский, участвующий в задержании преступника или наблюдающий за ним со стороны. Члены второй экспериментальной группы не занимались на тренажере и, следовательно, не испытывали подобного возбуждения. После просмотра видеозаписи члены обеих экспериментальных групп отвечали на ряд вопросов: оценивали агрессивность преступника и те чувства, которые они испытывают по отношению к нему, указывали вероятность применения ими оружия при его задержании.

Результаты исследования показали, что члены первой экспериментальной группы, которые занимались на велотренажере и, следовательно, могли объяснить возбуждение, возникшее у них при просмотре видеозаписи, выполнением физических упражнений, оценивали преступника и свои чувства по отношению к нему менее негативно, чем респонденты из второй экспериментальной группы. Кроме того, члены первой экспериментальной группы реже указывали на необходимость применения оружия, чем остальные респонденты.

Одним из параметров *поведенческого компонента* является социальная дистанция, устанавливаемая респондентом между собой и преступником (подсудимым / заключенным). Например, по данным российского исследования середины 80-х годов (Ефремова, 1986), от половины до трех четвертей опрошенных законопослушных граждан предпочли не иметь каких-либо контактов с людьми, ранее судимыми за совершение умышленных преступлений. Дистанцирование от ранее судимых проявилось и у преступников. Они были согласны иметь последних в роли соседей или сослуживцев, но не друзей.

На аттитуды к преступникам / подсудимым / заключенным оказывают влияние некоторые особенности респондентов, среди которых пол, профессия, национальность, вероисповедание, авторитарность, выраженность определенной социальной идентичности.

Факторы, влияющие на выраженность феномена

Первой переменной, влияющей на аттитуды к преступникам / подсудимым / заключенным, является *пол* респондентов. Североамериканские данные (Haghighi, Lopez, 1998) показывают, что женщины требуют для преступника большего, чем мужчины, наказания и негативно относятся к идее его сокращения. Кроме поддержки карательных мер, женщины больше, чем мужчины, поддерживают и реабилитационные программы, хотя поддержка обучения заключенных в тюрьмах характерна как для мужчин, так и для женщин.

Профессия также оказывает влияние на аттитуды к преступникам (подсудимым, заключенным). Например, к зак-

люченным наиболее позитивно относятся члены команды тюремной реабилитации и адвокаты, а наиболее негативно — полицейские и тюремная охрана (Ortet-Fabregat, Perez, Lewis, 1993).

Национальность респондента влияет на оценку вероятности совершения преступлений членом его этнической группы по сравнению с членами других подобных групп. Например, по мнению членов этнического большинства:

- вероятность совершения преступлений в будущем людьми, принадлежащими к группам этнического меньшинства, выше, чем вероятность совершения аналогичных поступков членами этнического большинства (Peterson, Hagan, 1984; Bridges, Steen, 1998);
- члены этнического меньшинства в меньшей степени уважают власть и суд, чем члены этнического большинства (Cicourel, 1968);
- члены этнического меньшинства более опасные, чем члены этнического большинства (Bridges, Crutchfield, Simpson, 1987; Bridges, Conley, 1995; Farrell, Swigert, 1978, Tonry, 1995);
- причина совершения преступлений членами этнического меньшинства связана с их индивидуальными особенностями (внутренняя атрибуция), тогда как причина совершения аналогичных поступков членами этнического большинства — с внешними факторами (Bridges, Steen, 1998).

Такая оценка является одним из способов проявления ин-группового фаворитизма — более позитивной оценки своей группы, по сравнению с аутгруппой.

Этническая принадлежность респондентов оказывает влияние не только на оценку вероятности совершения преступления, но и на атрибуцию его причин. В частности, англичане чаще, чем жители Нигерии, объясняют совершение преступления индивидуальными особенностями преступника (например, мотивацией, чертами личности). Вместе с тем, жители Нигерии чаще, чем англичане, объясняют происшедшее обстоятельствами (например, бедность, система воспитания и

отношений в семье) (Preffer, Cole, Dada, 1998).

Еще одна из заявленных особенностей людей, влияющих на их аттитуды к преступникам / подсудимым / заключенным, — это *вероисповедание*. По данным североамериканских исследований фундаменталисты приписывают совершение преступления особенностям самого преступника (внутренняя атрибуция), а поэтому ратуют за более жестокое наказание, чем неверующие люди (Grasmick, McGill, 1994; Leiber, Moodrick, Roudebush, 1995).

На аттитуды к преступникам оказывает влияние и степень авторитарности респондентов: люди с высокой степенью авторитаризма относятся к заключенным более негативно, чем их неавторитарные коллеги.

Так, в одном исследовании (Na, Loftus, 1998) участвовали американские и корейские студенты, изучающие и не изучающие право. Они заполняли опросники, посвященные аттитудам к закону и заключенным, «авторитаризму правого толка», локусу контроля и атрибуции причин преступлений (внешняя атрибуция — «Корни большинства преступлений лежат в ранних семейных проблемах», «Причиной многих преступлений является употребление наркотиков»; внутренняя атрибуция — «Преступления совершаются ленивыми людьми», ситуационная атрибуция — «Причиной многих преступлений является скорее то, что происходит в обществе, чем особенности преступника», «Обычно люди совершают преступления под воздействием ситуации, в которую они попали»).

Результаты исследования показали, что корейские студенты чаще, чем американцы, приписывали причины преступности ситуативным, а не личностным факторам. Корейские студенты, не изучающие право, имели более позитивные аттитуды к заключенным и менее позитивные — к закону. И, кроме того, внутренний локус контроля и высокая степень авторитаризма были связаны с более позитивными аттитудами к закону, а атрибуция преступлений особенностями преступника и большая степень авторитаризма — с более негативными аттитудами к заключенным.

И наконец, на аттитуды к преступникам оказывает влияние *выраженность* у респондентов *определенной социальной идентичности*. В частности, принятие позитивной социальной идентичности (осознание человеком своей принад-

лежности к социальной группе, сопровождающееся ее позитивной оценкой) ведет к переоценке молодыми любителями мотоциклов частоты попадания в дорожно-транспортные происшествия членов аутгруппы (молодых и взрослых водителей машин) и недооценке — членов ингруппы (Lilli, Rehm, 1986).

Особенности изучения правосознания в целом хорошо видны на примере исследования аттитудов к преступлениям и преступникам. К таким особенностям относится фрагментарность изучения, а также анализ правосознания как образования, встроенного в когнитивную систему человека и зависящего от особенностей социализации его носителя.

Особенности изучения

Фрагментарность исследования правосознания проявляется прежде всего в наличии «модных» тем, которые подвергаются наиболее интенсивному изучению по сравнению с другими аспектами правосознания. К числу таких тем относятся, например, мифы об изнасиловании, а также его скрипты, страх перед преступлениями, оценка серьезности преступлений. «Мода» на эти темы определяется либо повышенным интересом к феноменам, лежащим вне области правосознания, но связанным с ним (например, полоролевым стереотипам и их изменению) (мифы об изнасиловании и его скрипты), либо высокой прикладной значимостью полученных результатов (оценка серьезности преступлений и страха перед ними). Например, оценка серьезности преступлений может быть связана с размером предлагаемых за них наказаний, а страх перед преступлениями влияет на поведение человека, использование им тех или иных способов защиты от действий преступников.

Кроме того, фрагментарность изучения правосознания выражается в том, что исследование зависимости аттитудов к преступлению от характеристик респондентов и их ценностей, не связанных с областью правосознания, редко сопровождается анализом влияния друг на друга разных аспектов правосознания.

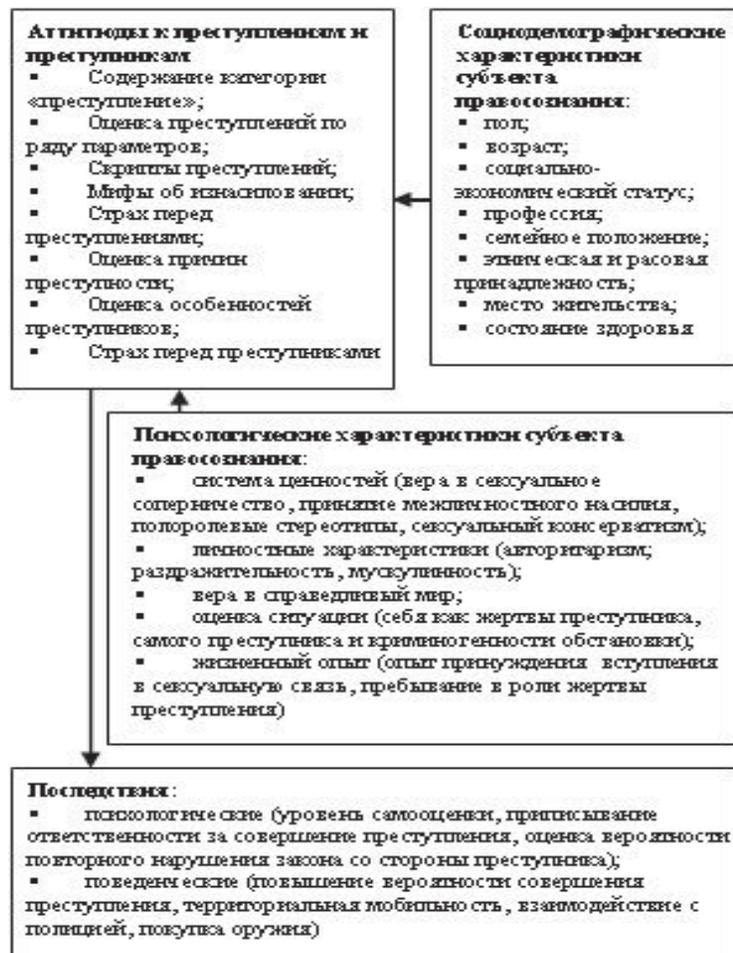

Рис. 1.5. Факторы, влияющие на аттитюды к преступлениям и преступникам, и следствия принятия этих аттитюдов

На рисунке 1.5 показаны основные выделенные в этом параграфе факторы, влияющие на аттитюды к преступлениям и преступникам, а также следствия принятия этих аттитюдов.

Из этого рисунка видно, что элементы правосознания действительно рассматриваются как включенные в когнитивную систему человека и зависимые от жизненного опыта респондентов. Эта включенность проявляется как на уровне факторов, оказывающих влияние на содержание аттитюдов к преступлению / преступникам, так и на уровне последствий принятия этих аттитюдов.

3.2 Аттитюды к закону

Наряду с аттитюдами к преступлениям и преступникам / подсудимым / заключенным в структуру правосознания входят аттитюды к закону.

Когнитивный компонент аттитюдов к закону включает в себя оценку закона в целом (функции закона, причины его исполнения, необходимость исполнения правовых норм, эффективность их реализации) и знание / оценку отдельных законодательных актов (прав человека, свободы слова, легализации порнографии, прав сексуальных меньшинств и т.д.). Аффективный компонент подобных аттитюдов связан с формированием некоторого эмоционального отношения к закону, а поведенческий — с желанием действовать в его рамках. Наиболее изученным в данном случае является когнитивный компонент.

3.2.1. Когнитивный компонент: аттитюды к закону в целом и к отдельным правовым нормам

Когнитивный компонент аттитюдов к закону в целом включает в себя прежде всего оценку *функций закона*, его *полезности*. Вопрос о функциях закона был поднят еще в теории правового развития Дж. Тапп и Ф. Левина, которые исходили из представления о трех уровнях правового развития и наличия специфики в понимании функции закона на каждом из них. Российские исследователи, напротив, шли по пути опи-

сания отдельных функций, не соотнося их с уровнями правового развития.

Например, в качестве функций закона ими выделялись (Ефремова, Ратинов, 1989): обеспечение порядка в обществе; охрана прав и законных интересов граждан; искоренение отношений, чуждых советскому народу и его интересам; обеспечение равенства всех граждан; развитие производственных и других общественных отношений; восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан; восстановление справедливости; предотвращение возможных правонарушений.

В качестве причин, по которым люди исполняют существующие законы, российские исследователи выделяли следующие: оценка законов как справедливых; исполнение закона просто потому, что он существует, при отсутствии подлинного согласия с его содержанием; из страха быть наказанным; из-за страха осуждения со стороны окружающих; из-за нежелания выделяться из законопослушного большинства; по привычке (Пристанская, Юцкова, 1990).

Оценка необходимости исполнения закона зависит от системы моральных норм, существующих в обществе. Эта особенность проявляется даже у школьников, которые признают приоритет закона в регуляции общественной жизни и даже намерены ориентироваться на закон в своем поведении, но при этом только одна треть из них считает, что закону надо следовать при любых обстоятельствах. Все остальные полагают, что это надо делать только в тех случаях, когда закон соответствует традициям общества или их собственным представлениям (Гайнер, 1998).

Еще один компонент аттитюдов к закону — это оценка реализации закона, представление о вероятности его исполнения. Оценка реализации закона связана с представлением об особенностях политической системы страны, в которой он существует.

Например, в одном исследовании (Staerke, Clemence, Doise, 1998) было создано четыре экспериментальных условия. Каждая

из четырех экспериментальных групп читала описание правительства (авторитарного или демократического) и населения (способного к дискуссии или пассивного) придуманной страны. Далее респондентов просили привести примеры трех стран, соответствующих этому описанию. После этого респонденты должны были оценить степень, в которой в этой стране реализуется свобода вероисповедания, свобода слова, а также некоторые другие права граждан.

Результаты показали, что респонденты оценивают реализацию прав человека в зависимости как от правительства, существующего в стране, так и от особенностей граждан. По мнению участников, страны с демократическим правительством и активным населением отличаются большим уважением к правам человека и менее частым и нарушением, чем страны с авторитарным правительством и пассивными гражданами. Однако политический контекст оказывался более важным, чем особенности населения, которые были важны только в странах с демократическим правительством.

Мнение людей относительно закона не является однородным. Например, результаты изучения аттитюдов к закону у граждан России демонстрируют несколько типов отношения к нему в соответствии с пониманием его целей и оценкой его эффективности (Трушков, 1995):

- рационалисты, которые считают, что подчинение закону необходимо, так как он является препятствием хаосу. Но его можно обойти, если он неразумен. Представление о законе соответствует нормативным ценностям, однако люди не верят в его справедливую реализацию;
- пессимисты, имеющие бескомпромиссное представление о законе, которое соответствует букве закона. Это сопровождается отрицательным отношением к закону и его институтам и неверием в возможность справедливого решения;
- нигилисты, отрицающие закон как ценность и не верящие в то, что, подчиняясь ему, можно достичь справедливости в обществе;
- идеалисты, имеющие позитивное представление о законе и его институтах и верящие в неподкупность блюстителей закона и возможность справедливых решений.

Исследование *аттитюдов* людей к отдельным видам закона связано с различием их отношения к разным правовым нормам.

Например, факторный анализ оценки людьми разных прав человека позволил выделить четыре фактора, определяющих эту оценку. Первый фактор включал в себя оценку прав, касающихся поддержания стандартного уровня жизни (пища, жилище, медицинское обслуживание), он был назван авторами исследования «Социальная защита». Второй фактор — «Гражданское принуждение» был связан с оценкой приемлемости ограничения гражданских свобод и политических прав. Третий фактор — «Равенство» касался оценки равного распределения прав вне зависимости от расы, пола или убеждений людей. Четвертый фактор — «Собственность» объединял права, связанные с собственностью (*Diaz-Veizades et al., 1995*).

В качестве конкретных норм, аттитюды к которым часто становятся объектом исследования, выделяются права человека.

Например, в одном из современных российских исследований (*Михайловская, Кузьминский, Мазаев, 1995*) были выделены права и свободы, оценивающиеся российскими респондентами как наиболее важные. Среди этих прав и свобод особенно выделялись право на судебную и социальную защиту (95,8%), право на неприкосновенность личности и имущества (95,4%), право на справедливое вознаграждение за труд (89,1%), гарантии от необоснованного увольнения с работы (69,6%), право на свободный выбор места жительства (63,3%), право на частную собственность (54%), право получать и распространять информацию (49,3%), право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (30,3%), право участвовать в деятельности любой политической партии, движения (22,5%). Среди основных факторов, оказывающих влияние на оценку важности того или иного права, выделялись место жительства, возраст, уровень дохода и профессия респондентов. По-видимому, эти факторы определяли задействованность каждого из выделенных прав в собственном опыте испытуемых. Например, большинство сторонников права на получение и распространение информации относилось к группам предпринимателей и военнослужащих, людей с высшим образованием, а меньшинство — к группам крестьян, рабочих промышленных предприятий, пен-

сионеров и домохозяек. Наибольшее значение праву собственности придавали предприниматели и учащиеся, люди с высоким уровнем дохода, а наименьшее — служащие вне зависимости от уровня образования.

Российские исследователи до недавнего времени делали акцент не только на отношении людей к тем или иным правовым нормам, как это происходило в США и Канаде, но и на их *знании закона*. В качестве материала для исследования использовались как общие правовые нормы («незнание закона не освобождает от ответственности», «необходимость передавать дело в суд, даже если на следствии собраны достаточные доказательства вины человека» «отсутствие у вышестоящего суда права уволить народного судью», презумпция невиновности), так и отдельные законы.

Исследования 70-х годов показали (*Каминская, Михайловская, 1974; Каминская и др., 1974; Носкова, 1974*), что, хотя люди хорошо знакомы с некоторыми нормами закона, например, о необходимости передачи уголовного дела в суд, они хуже осведомлены о других, таких, как «незнание закона не освобождает от ответственности», «отсутствие у вышестоящего суда права уволить народного судью», «возраст наступления уголовной ответственности», «состояние алкогольного опьянения является обстоятельством, отягчающим вину преступника», «дача взятки предусматривает уголовную ответственность». В ряде случаев предложения граждан были более жесткими, чем предусматривал закон: больше половины респондентов считали, что уголовная ответственность наступает за недонесение о любых преступлениях, а также положительно относились к массовому обыску в случае необходимости, принимали возражения против участия защитника в уголовном процессе, приветствовали идею ужесточения наказания и требовали наказывать психически больного преступника.

Вывод, сделанный авторами этих исследований, гласил, что солидарность российских граждан с законом выше, чем уровень их конкретных правовых знаний (*Каминская, 1974*).

В это же время была эмпирически подтверждена идея о том, что в обыденной жизни люди часто пользуются не нормами закона, а моральными нормами (Долгова, 1974), и требования правых норм выполняются прежде всего тогда, когда они соответствуют убеждениям и интересам человека (Никитин и др., 1974).

Факторы, влияющие на выраженность феномена
--

Так, было показано (Долгова, 1974), что подростки 14-17 лет мало задумываются над существом закона и плохо знакомы с его содержанием. Например, они удивляются, почему закон запрещает носить финские ножи, если это не причиняет никому вреда. Из требований закона им известны и понятны только те, которые не выходят за рамки требований морали. Например, среди девушек-школьниц было в два раза меньше тех, кто оценивал состояние алкогольного опьянения как смягчающее вину обстоятельство, чем среди школьников-мужчин, что, очевидно, можно объяснить различными полоролевыми стереотипами, предъявляющими разные требования к женщинам и мужчинам.

Это дало исследователям возможность говорить о пробельности, деформации правосознания и видах этой деформации: незнании закона; знании закона и положительном отношении к нему, которое сопровождается неумением приложить его требования к конкретным ситуациям; знании закона и негативном отношении к нему.

Особенный интерес представляет вторая форма деформации — знание закона, сопровождающееся неумением приложить его нормы к конкретным ситуациям. Неумение приложить общие принципы к конкретным ситуациям выражается, например, в том, что школьники, признающие, что без соблюдения прав человека не построить богатого и благополучного общества, и признающие в качестве наиболее важных прав человека свободу совести, слова и свободу от унижительного и оскорбительного обращения, одновременно считают, что при некоторых условиях (войне и стихийных бедствиях) допустима депортация населения, и негативно относятся к тому, что в Россию приедут жители бывших республик СССР (Гайнер, 1998).

Причина этого — негативное отношение людей к некоторым социальным группам, которые также являются субъектами закона. Следствием этого негативного отношения становится отсутствие признания необходимости применения закона по отношению к членам этих групп.

Этот эффект был продемонстрирован еще в начале 70-х годов, когда было показано, что поддержка людьми слова не означает согласия с реализацией этого принципа по отношению к членам таких негативно оцениваемых групп, как «сторонники прекращения войны во Вьетнаме», «коммунисты» и «нацисты» (Zellman, Sears, 1971).

Таким образом, респонденты как бы говорят: «Да, закон нужен, он должен реализовываться, но только не по отношению к гомосексуалистам (революционерам, распространителям порнографии и т.д.)». Этот фактор оказывает особенно важное влияние при признании членов той или иной социальной группы достойными быть субъектами прав человека.

Например, в одном из исследований (Davis, 1990) представители шести стран (Австрии, Западной Германии, Австралии, США, Великобритании и Италии) высказывали свое мнение о том, каким образом может быть реализована свобода слова для трех социальных групп: людей или организаций, которые составляют оппозицию правительству (политические оппозиционеры); людей, которые выступают за свержение правительства (революционеры); людей, которые верят, что «белые» — самая лучшая раса (расисты). Было предложено несколько способов для обеспечения свободы слова: публикация книг или статей, организация или поддержка митингов, организация маршей протеста или демонстраций, организация всеобщей забастовки.

Результаты исследования показали, что, по мнению респондентов, для разных групп людей, свобода слова может быть реализована с помощью разных способов. Респонденты во всех странах продемонстрировали наибольшую терпимость к политическим оппозиционерам, а наименьшую — к расистам. Это проявилось в том, что оппозиционерам, по мнению людей, может быть позволено проводить митинги, тогда как для революционеров и расистов лучший способ реализации свободы слова — это написание книг. Вообще, по используемым средствам самыми демократичными оказались ита-

льянцы: они были наиболее терпимы к организации маршей и забастовкам.

Наряду с расистами и революционерами, другой негативной оцениваемой группой являются гомосексуалисты, которым большинство населения Канады отказало в некоторых правах, не желая видеть их, например, в качестве учителя своего ребенка. Однако, если людям специально напомнить о правовых нормах и о том, что они защищают права всех людей, их отношение к реализации этих прав в отношении членов негативно оцениваемых групп становится более позитивным (*Ragside, Bowler, 1988*). Таким образом, апелляция к абстрактным принципам приводит к уменьшению влияния групповой принадлежности оцениваемого человека.

Помимо неумения приложить общие правовые нормы к конкретным ситуациям, их реализацию в поведении затрудняет противоречивое отношение к ним со стороны граждан. Такая противоречивость отношения хорошо видна на примере аттитудов к порнографии. Например, по мнению граждан США, распространение порнографии не относится к числу социальных проблем, требующих скорейшего разрешения, однако, преступник, совершивший это преступление, должен быть казнен или подвергнут кастрации (*McConahay, 1988*).

Аттитуды к отдельным видам закона, так же как и аттитуды к преступлениям и преступникам, встроены в систему других ценностей и аттитудов человека и зависят от них. В частности, сторонники социальных инноваций соглашались с участием государства в реализации прав человека в принципе, но отказывались допустить его вмешательство в конкретных ситуациях. Однако сторонники сохранения существующего социального порядка придерживаются противоположной точки зрения (*Spini, Doise, 1998*).

Другой аналогичный пример связан с референдумом по поводу суверенитета провинции Квебек. Так, во время канадского референдума, на который выносился вопрос об отделении провинции Квебек, поддержка людьми того или иного решения зависела от их ценностей. Те, для кого основными ценностями были безопасность и индивидуальное благососто-

яние, выбирали сохранение за провинцией существующего статуса. Однако те, для кого наиболее важным оказывалось поддержание гармонии в отношениях между людьми, говорили, что они будут голосовать за отделение Квебека от Канады (*Herrera, Lavallee, Doise, 2000*).

3.2.2. Профессиональная принадлежность как фактор, влияющий на аттитуды к закону

Значительную часть изучения аттитудов к закону составляет исследование так называемого профессионального правосознания. Изучение профессионального правосознания основано на предположении о том, что постоянное участие человека в какой-либо деятельности накладывает свой отпечаток на его отношение к закону. Понимание профессионального правосознания как самостоятельной области исследования характерно для российских специалистов, хотя интерес к особенностям правосознания людей разных профессий существует и в других странах.

Когда российские исследователи говорят о профессиональном правосознании, они прежде всего имеют в виду *правосознание работников правоохранительной, судебной и пенитенциарной систем*: его относительную сложность, с одной стороны, и наличие профессиональных деформаций — с другой.

С одной стороны, исследователи полагают, что люди, имеющие юридическое образование или принимающие участие в работе правовых институтов, пользуются иными познавательными категориями, чем граждане, не имеющие его, и лучше знают закон (*Соколов, 1988*). Это связано с тем, что люди без юридического образования формируют представление о законе нецеленаправленно, в ходе повседневного взаимодействия, поэтому их знание основано на личном опыте. В частности, по данным российских исследований 70-х годов, граждане, принимающие активное участие в работе правовых институтов, лучше знали закон: члены товарищеского суда были значительно лучше осведомлены о содержании уголовно-процессуального кодекса, чем простые граждане (*Бойков, Кригер, Носкова, 1974*).

В пользу предположения о зависимости правосознания от собственного опыта говорят данные исследования, в котором российские граждане оценивали реализацию разных прав человека в нашей стране (*Борисов, Козина, 1995*). Оно показало, например, что в условиях жестких визовых ограничений выезда из страны люди оценивали уровень реализации права выезда за границу выше, чем передвижения внутри страны, очевидно, потому, что с трудностями переезда из города в город внутри страны респонденты сталкивались чаще, чем с проблемами при выезде за границу.

Второй пример того же эффекта — признание учителями в качестве наиболее частых примеров нарушения прав человека в нашей стране неравенства жилищных условий, взимания платы с приезжих за проживание в городе, половых или возрастных ограничений при принятии на работу, необходимости получения виз для поездки в бывшие республики СССР, т.е. того, что доставляет неудобства им самим.

С другой стороны, сторонники изучения профессионального правосознания работников правовых институтов признают, что работа в таких организациях, как правоохранительные органы и суд, накладывает на правосознание определенный отпечаток.

Например, по их мнению, среди работников ОВД распространены подозрительность, предвзятость, обвинительный уклон, недостаточно высокий уровень знания законодательства, отсутствие чувства законности, примат служебной и личной целесообразности над требованиями закона и ориентация на мнение начальников, ориентированность на безнаказанное попираание прав граждан и вера в возможность уйти от ответственности, желание самоутвердиться, использование властных полномочий в эгоистических целях и слабая заинтересованность в торжестве закона (*Баранов, 1991, 1997; Грошев, 1994; Купленский, 1996; Сорокотягин, 1988*).

Аналогичные результаты были получены и американскими исследователями (*Miller, Snyder, 1971*). По их данным полицейских отличает подозрительность, циничность, консерватизм, чувство неполноценности и низкая самооценка, а также оценка судей как слишком снисходительных к преступникам.

Одним из показателей деформации правосознания работников милиции является частое использование ими насилия. По мнению российских исследователей, причинами частого использования работниками милиции насилия являются (*Купленский, 1996; Мезлов, 1996*):

- частое общение работников милиции с представителями криминальной субкультуры, приводящее к использованию ими способов действий, характерных для представителей этой субкультуры, при взаимодействии с другими людьми;
- оценка применения насилия как способа укрепления своего авторитета в глазах представителей преступного мира;
- выбор между законом и целесообразностью в пользу целесообразности для выполнения функции защиты людей;
- желание любой ценой завершить дело, повысив тем самым количество раскрытых преступлений — основной принятый показатель качества работы;
- правовая безграмотность граждан, по отношению к которым применяется насилие.
- согласие граждан с его использованием по отношению к правонарушителям.

Например, по данным российского исследования восьмилетней давности, 83% респондентов считали, что милиционеры должны применять силу по отношению к тем, кто задержан за совершение правонарушения, но отказался следовать в ОВД, 91% — по отношению к тем, кто на них нападает, и 54% — по отношению к тем, кто их просто оскорбляет (*Халтаева, 1995*).

Другая «профессиональная группа», чье правосознание интересует исследователей, — это *правонарушители*.

В российских исследованиях были выделены следующие закономерности правосознания правонарушителей:

- хорошее знание закона, по крайней мере той его части, которая имеет отношение лично к ним (*Долгова, 1974*);
- негативное отношение к требованиям закона и нежелание следовать им в своем поведении.

Например, в одном из исследований, посвященных этой проблематике (*Ефремова, 1974*), молодые правонарушители знако-

мились с четырьмя проективными ситуациями. Каждая ситуация состояла из нескольких частей. Одна из таких ситуаций начиналась следующим образом:

«Алексей, Петр, Владимир — лучшая тройка в хоккейной команде завода. Сегодня в соседнем городе у них ответственная игра — последняя встреча в республиканской спартакиаде. По дороге на вокзал (поезд отходит через 15 минут, и друзья спешили) они увидели, как на безлюдной улице двое пьяных стали бить третьего, повалили его, наносили удары ногами».

После прочтения этого текста испытуемые должны были выразить свою первую реакцию на описанное событие, оценить это событие и принять решение о том, как бы они сами поступили на месте одного из друзей. После этого они получали новый бланк с продолжением истории:

«Алексей предложил вмешаться и задержать пьяных. Петр возразил: «Ты с ума сошел! Опоздаем на поезд — сорвем игру. Весь год потели для финала — и попусту. Тогда беги с завода и из команды».

На следующем бланке испытуемые указывали, согласны ли они с доводами Петра, а если нет, то почему. Продолжение истории звучало следующим образом:

«Правильно, Петр! - поддержал его Владимир. — А ты что — милиционер? Тебе больше всех надо? Давайте заниматься своим делом. У нас — игра, у дружинников — драка. Вяжешься сейчас — потом хлопот не оберешься. Пошли, Алеха!»

Испытуемый снова указывал степень своего согласия с доводами говорящего или пояснял причины несогласия с ними. Описываемая ситуация заканчивалась следующим образом:

«Ребята, — возразил им Алексей, — это же подонки. Двое на одного! Лежачего! Искалечить могут! Какие уж тут соревнования!» «Брось, ты, Алексей! — заметил Петр. — Если успеем, позвоним в милицию с вокзала или скажем по дороге постовому». «Нет, хлопцы! — заявил Алексей. — Потом будет поздно! Вы как хотите, а я остаюсь. У меня клошка, может, управлюсь с ними».

После прочтения этого фрагмента каждый испытуемый должен был последний раз выразить свое отношение к доводам героев истории, указать, поступит ли он так же, как Алексей, и объяснить свое решение.

В некотором смысле эти проективные ситуации были похожи на моральные дилеммы Колберга. Однако они служили не для определения уровня правового развития, а для понимания того, в

какой степени испытуемые готовы участвовать в предотвращении преступления — поступка, наказуемого по закону. Таким образом, закон рассматривался как конечная инстанция, отделяющая «правильное» поведение от «неправильного».

Результаты исследования показали, что выраженность противозаконного отношения к преступлениям против личности в группе осужденных превосходила таковую в группе законопослушных граждан в четыре раза; к краже государственного имущества — в два раза; к нарушению общественного порядка — в два раза; к краже личного имущества — в три раза. Наименее осуждаемым в группе насильственных преступников оказалось нарушение общественного порядка, а в группах корыстных и корыстно-насильственных — кража государственного имущества.

Однако группа «правонарушителей» неоднородна. Ее членов можно разделить на судимых и несудимых. Несудимые правонарушители уступают законопослушным гражданам по широте и устойчивости позитивных аттитюдов к закону, а судимым правонарушителям — в распространенности и устойчивости негативных аттитюдов (Ефремова, 1974).

Характер отношения к закону зависит от возраста правонарушителей. По данным российских исследований (Пристанская, 1986) наиболее выраженные деформации правосознания наблюдаются у людей, совершивших преступления в 22—25 лет. Эти деформации заключаются в терпимом отношении к некоторым противозаконным действиям, в частом оправдании совершенных преступлений, в последовательном противопоставлении своего негативного отношения к закону самому закону. Вместе с тем, молодые люди, совершившие преступление в возрасте 18—21 года чувствительны к внешним воздействиям и отличаются неустойчивостью и противоречивостью аттитюдов к закону. Кроме того, подростки в большей степени солидарны с законом при оценке корыстных преступлений, а юноши — при оценке насильственных.

Некоторые исследователи полагают, что о профессиональном правосознании можно говорить не только по отношению к юристам и правонарушителям, но и по отношению к другим профессиональным группам, например врачам или учителям

(Крыжановский, 1984). Например, по данным российских исследований 70-х—80-х годов, учителей отличала сильно выраженная нетерпимость к преступникам и преступлениям (Ефремова, 1986; Каминская и др, 1974).

Таким образом, значительную часть исследований аттитюдов к закону составляет изучение знания отдельных правовых норм и отношения к ним, а также их зависимости от социальной группы, к которой принадлежит субъект правосознания.

Особенности
изучения

Проблема зависимости аттитюдов к закону от группового членства носителя правосознания может быть поставлена в рамках изучения межгрупповых отношений. Поддержка определенных аттитюдов к закону в этом контексте может рассматриваться как показатель социальной, например политической, идентичности. Однако для изучения этого аспекта проблемы недостаточно простой фиксации принадлежности респондента к определенной возрастной, половой, этнической и т.д. группе. Эта фиксация должна сопровождаться определением степени идентификации респондента с той группой, членом которой он является.

Отдельную проблему составляет изучение зависимости аттитюдов к закону от психологических характеристик респондентов: их личностных особенностей, ценностей, аттитюдов, не входящих в состав правосознания.

Еще одним направлением изучения аттитюдов к закону является анализ их временной динамики. Особенно актуальным в этом смысле является вопрос о возможности быстрого усвоения новых правовых норм при попадании в суд и необходимости вынести судебное решение.

3.3 Аттитюды к наказанию

Третий тип аттитюдов, входящих в состав правосознания, — это аттитюды к наказанию. Когнитивный компонент аттитюдов к наказанию включает в себя оценку различных целей наказания, необходимости наказания в принципе, необходимости наказаний за отдельные виды преступлений и действи-

ности отдельных видов наказаний, а также оценку риска быть наказанным. Аффективный компонент аттитюдов к наказанию включает в себя эмоциональную значимость наказания для носителя аттитюда и характер испытываемых им эмоций. В состав поведенческого компонента входит намерение людей подвергнуть преступника тому или иному наказанию.

3.3.1. Когнитивный компонент аттитюдов к наказанию

С начала XX в. было проведено большое количество опросов общественного мнения, участникам которых задавали вопросы о *целях наказания*. В качестве таких целей исследователи выделяли возмездие / мщение, устрашение отдельных людей или общества, предупреждение преступлений, восстановление социальной справедливости, коррекция поведения преступника и защита жертвы (*Материалы Общества защиты осужденных хозяйственников, 1993; Gottfredson, 1970*).

Результаты этих опросов показали, что, например, американцы приписывают наказанию такие цели, как мщение, предотвращение преступлений (предотвращение совершения преступлений другими людьми, уменьшение вероятности того, что преступник совершит преступление в дальнейшем) и минимизация затрат на содержание преступника (для смертной казни) (*Gallup, Newport, 1991*). Вместе с тем, фокус-группы продемонстрировали принятие российскими респондентами таких целей наказания, как устрашение (*Материалы Общества защиты осужденных хозяйственников, 1993*) и возмездие (*Отношение к смертной казни, 1993*), реже восстановление социальной справедливости или перевоспитание преступника (*Общество защиты осужденных хозяйственников, 1993*).

Особый интерес исследователей вызывают две цели наказания: месть преступнику, с одной стороны, и его реабилитация — с другой. Несмотря на то, что реабилитация преступника не является, по мнению большинства респондентов, основной целью наказания, исследователи надеются, что существуют условия, при которых реабилитационный подход при назначении наказания возьмет верх над карательным. Сто-

ронники реабилитационного подхода к наказанию полагают, что преступление — это результат воздействия среды и, следовательно, преступник может быть перевоспитан. Сторонники карательного подхода выступают за наказание как единственно возможную реакцию в ответ на совершение преступления (Reuterман, 1975) (табл.1.9).

Таблица 1.9. Примеры карательного и реабилитационного подхода к наказанию из опросника (Reuterман, 1975).

<p>«Ночью группа подростков-вандалов разрушает машину Вашего соседа. Позже, когда Вы обсуждаете с соседом происшедшее, он говорит Вам, что мальчики арестованы и все они раньше уже совершали акты вандализма. Ваш сосед говорит, что это напоминает ему прочитанную статью, в которой описывались усилия, прикладываемые исследователями, для определения причин делинквентного поведения. Он говорит, что произошедшее еще раз подтвердило для него, что единственный способ предотвращения подобных событий — надолго посадить преступников в тюрьму.</p> <p>а. Вы согласитесь с Вашим соседом, который уверен, что путь предотвращения вандализма — это изоляция преступников в тюрьме (карательный подход);</p> <p>б. не согласитесь с ним и будете утверждать, что усилия по поиску причин делинквентного поведения должны быть продолжены (реабилитационный подход)».</p>
--

Возможно, что именно принятие карательного или реабилитационного подхода к наказанию определяет тот факт, что серьезность наказаний, предлагаемых людьми за одни преступления, прямо связана с серьезностью наказаний за другие (Гайнер, 1998).

Помимо целей в когнитивный компонент установок к наказанию входит оценка полезности его разных видов.

Один из основных вопросов при изучении подобных установок касается оценки респондентами суровости наказания, заслуженного преступником. Результаты ряда эмпирических исследований говорят о том, что люди поддерживают более строгие наказания, чем те, которые реально выносятся судьями (Ефремова, 1986). Однако такая строгость наказаний

объясняется, прежде всего, отсутствием у респондентов той информации о подсудимом, которой располагают судьи.

Например, в одном из исследований (Zamble, Kalm, 1990) респонденты должны были прочитать ряд описаний уголовных преступлений и предложить наказание (испытательный срок или тюремное заключение), которое, по их мнению, необходимо для преступника. Описания отличались друг от друга обстоятельствами происшествия, а также возрастом и криминальным опытом обвиненного человека. Серьезность преступлений изменялась от кражи из магазина до насилия. Кроме этого, авторы задавали респондентам вопросы об их общих установках к системе уголовного правосудия.

Оказалось, что общие установки респондентов были идентичны тем, которые имели место в ранних исследованиях. Однако специфические установки были менее строгими. Когда людей просили оценить специфические ситуации, их решения были похожи на решения настоящих судей.

Общественное мнение о серьезности наказаний относительно однородно. Результаты ряда исследований, проведенных в разные годы, показали, что разные люди оценивают наказания, которых заслуживают преступники, совершившие определенные преступления, примерно одинаково (Boydell, Grindstaff, 1974; Jacoby, 1989; Thomas, Gage, Foster, 1976). Эта закономерность проявляется даже тогда, когда преступление описывается более или менее подробно. Например, 92% респондентов присуждали преступнику, нанесшему жертве материальный ущерб в \$1000, совершившему ограбление с применением оружия, закончившееся госпитализацией жертвы, тюремное заключение (Jacoby, 1989).

Однако, как и в случае оценки серьезности преступлений, утверждение об однородности общественного мнения относительно серьезности наказаний подвергается критике.

Критика

- Во-первых, результаты далеко не всех исследований демонстрируют однородность общественного мнения относительно этой проблемы (Blumstein, Cohen, 1980; Durham, 1988, 1993; Rossi, Simpson, Miller, 1985; Sinden, 1980).

- Во-вторых, за принятием респондентами одного и того же наказания могут стоять разные цели. Например, «белые» и афроамериканцы в США в одинаковой степени ратуют за серьезные наказания для преступников, но в основе этого лежат разные причины: «белые» американцы боятся преступников-негров, а афроамериканцы просто боятся стать жертвой преступления (*Cohn, Barkan, Halteman, 1991*).

- В-третьих, вероятность поддержки гражданами строгих наказаний по отношению к преступникам связана с интенсивностью страха перед преступлениями (*Wright, 1987*).

Аттитюды к наказанию, так же как и аттитюды к преступлениям и закону, встроены в когнитивную систему человека. Поэтому на оценку наказания оказывают влияние другие ценности носителя правосознания, такие, как, например, отношение к свободе воли. В частности, те люди, которые верят, что внешние силы, такие как Бог и судьба (религиозно-философский детерминизм) или социальные факторы (психологический детерминизм) контролируют нашу жизнь, и те, которые выступают за свободу воли, в большей степени поддерживают идею наказания, чем их оппоненты (*Stroessner, Green, 1990*). Кроме того, на поддержку того или иного вида наказания оказывают влияние события, происшедшие в жизни человека. Например, те, у кого убили родственника или друга, меньше поддерживают смертную казнь, чем те, в чьей жизни такого события не произошло (*Borg, 1998*).

Наряду с оценкой целей наказания и полезности разных его типов в состав когнитивного компонента аттитюдов к наказанию входит *оценка вероятности быть наказанным за совершение преступления*. Результаты эмпирических исследований показывают, что восприятие людьми риска понести наказание зависит от того образа жизни, который они ведут. Страх подвергнуться наказанию за вождение в пьяном виде больше присущ тем, кто склонен выпивать в ситуациях, когда надо вести машину, чем малопьющим и мужчинам, которые не знают никого, кто бы был арестован за это нарушение (*Wieczovek, Mirand, Callahan, 1994*). Однако оценка риска

ареста респондентом более стабильна при анализе им действий «обобщенного другого», чем при оценке своего собственного поведения (*Grasmick, Green, 1980*).

3.3.2. Аффективный компонент аттитюдов к наказанию

Аффективная составляющая аттитюдов к наказанию лучше всего прослеживается на примере аттитюдов к смертной казни, которые имеют сильную аффективную составляющую и слабую когнитивную (*Bohm, Maisto, Vogel, 1993*).

Смертная казнь — это наиболее спорная, с точки зрения морали, мера наказания. Существуют аргументы «за» и «против» ее применения. Возможно, что двойственность оценки смертной казни порождает не только оценка лишения человека жизни как аморального поступка, но и то влияние, которое эта мера наказания оказывает на людей, имеющих к ней непосредственное отношение. В качестве пострадавших здесь выступают семья преступника и жертвы, присяжные, судьи, работники и начальники тюрьмы, юристы, свидетели казни, врачи и палачи (*Smykla, 1987*).

Свидетельства этого влияния исходят от специалистов в области социальных наук (*Bedau, 1982; Bowers, Pierce, 1980; Espy, 1980; Johnson, 1981; Jurow, 1971; Mackey, 1974, 1976; Radelet, Vandiver, Berardo, 1983; Robin, 1964; Spierenburg, 1984*), врачей (*Bluestone, McGahee, 1962; West, 1975*), начальников тюрьмы, палачей (*Darrow, 1957; Elliott, 1940*) и журналистов (*Harris, 1961; Magee, 1983*). В качестве методов изучения этого влияния могут использоваться анализ автобиографических записок начальников тюрьмы и палачей, исторический анализ, проводимый журналистами и специалистами в области социальных наук, анализ показаний свидетелей, интервью с приговоренными, их семьями и семьями жертв, анализ историй, рассказанных юристами и врачами.

Согласно данным этих исследований, семья жертв оказываются в социальной изоляции, что приводит к семейным проблемам, разводам, чувству вины, несправедливости, гнева и к апатии (*Magee, 1983*). Для семьи преступника смертная казнь также создает барьеры, которые мешают ее членам взаимо-

действовать с окружающими. Это приводит к дезорганизации семейной жизни, а также долговременной реакции горя, которая заключается в самообвинении, чувстве беспомощности, социальной изоляции, что, в свою очередь, вызывает злость, фрустрацию, страх потерять голову и сопровождается экономическими потерями в результате судебного процесса. Однако иногда встречается измененная реакция, при которой наблюдается сверхактивность без чувства потери, приобретаются соматические заболевания, происходит самоизоляция, в результате которой теряются партнеры по социальному взаимодействию (*Radelet, Vandiver, Berardo, 1983*).

Врачей присутствие при смертной казни ставит в тяжелое положение, возникающее из-за того, что долг врача — сохранение жизни человека, а не его убийство (*West, 1975*).

Приводящих в исполнение смертный приговор людей — палачей — население никогда не любило (*Lofland, 1975; Robin, 1964; Spierenburg, 1984*). В средние века с ними предпочитали не общаться и применяли по отношению к ним насилие. Только в XVII в. в некоторых странах были приняты законы, призванные защитить палача от насилия граждан. В настоящее время люди также относятся к работе палача неоднозначно (*Отношение к смертной казни, 1994*). С одной стороны, они говорят, что «это работа как работа», но при этом протестуют против того, чтобы палачами стали их родственники. Чтобы облегчить участь палача, респонденты вносят свои предложения относительно того, что нужно сделать, чтобы палач не чувствовал себя убийцей: механизировать процесс наказания, или дать палачу ознакомиться с делом, чтобы он понял, какого страшного человека убивает.

Люди, ставшие однажды свидетелями смертной казни, в дальнейшем склонны к совершению насильственных преступлений (*Espy, 1980*).

Что касается общества в целом, то, по некоторым данным, использование смертной казни не только не приводит к сокращению количества совершаемых преступлений, но и вызывает обратный эффект (*Bowers, Pierce, 1980*).

И, наконец, у преступников, ожидающих смертной казни, возникают психопатии, иллюзии и мании (*Bluestone, VeCaher, 1962*), чувство беспомощности сменяется страхом, а потом — эмоциональной пустотой (*Johnson, 1981*). Для тех, кто ожидает смертной казни, характерны навязчивые мысли о ней, уменьшение желания встречаться с родными и знакомыми и, таким образом, потеря связи с внешним миром, глубокая депрессия, апатия, потеря чувства реальности, физическая и умственная деградация (*Johnson, 1981*).

Даже если после этого человек остается жив, например, смертную казнь ему заменяют пожизненным заключением, в нем происходят большие изменения, связанные с ценностно-потребностной сферой (*Мирогин, Залевский, 1999*).

Противоречивость в оценке смертной казни определяет эмоциональность отношения граждан к этой мере наказания. Эта эмоциональность проявляется пятью разными способами.

- Эмоциональность Attitudes к смертной казни проявляется прежде всего в том, что люди *не замечают противоречий между теми аргументами против смертной казни*, с которыми они соглашаются, и своей собственной поддержкой этой меры наказания. Например, позитивного отношения к ней не изменяет согласие респондентов с данными статистики, согласно которым в странах, где не используется смертная казнь, количество преступлений не больше, чем в тех, где она используется. А признание респондентами, что в момент совершения преступления преступник не думает о наказании, не изменяет их оценку смертной казни как меры устрашения (*Отношение к смертной казни, 1994*). Другой пример такого противоречия — поддержка учителями отмены смертной казни, с одной стороны, и выбор этого наказания как положенного за различные преступления — с другой (*Гайнер, 1998*).

- Кроме того, эмоциональность отношения к смертной казни проявляется в том, что людям *трудно приводить аргументы в защиту той позиции* по отношению к этой мере наказания, которая противоречит их собственной (*Отношение к смертной казни, 1994*).

• Для поддержки смертной казни *важной оказывается такая цель наказания как мщение (Отношение к смертной казни, 1994)*. Результаты исследований показывают, что при измерении аттитюдов людей к смертной казни проявляются два фактора, один из которых связан с утилитарной ценностью наказания, а другой — с мщением (*Bohm, 1992*). Кроме того, позиция по отношению к смертной казни связана с ответами людей относительно меры наказания за преступления, в которых есть персональная жертва (посягательство на жизнь и здоровье человека, кража личного имущества). Это говорит о том, что смертную казнь поддерживают те люди, которые наиболее эмоционально восприимчивы к преступлениям против личности (*Гайнер, 1998*).

• Кроме того, *отношение людей к смертной казни слабо изменяется под действием полученных знаний*. Мнение о том, что поддержка такой меры наказания как смертная казнь, является результатом недостатка у людей знаний о негативных сторонах ее применения, широко распространено. Предполагается, что получение людьми специальных знаний приведет их к выводу о том, что смертная казнь аморальна.

Результаты ряда американских исследований соответствуют этому предположению. Во-первых, американские граждане действительно мало информированы о последствиях смертной казни, и, во-вторых, увеличение знаний об этой мере наказания приводит к уменьшению поддержки идеи ее применения (*Bohm, Clark, Aveni, 1991*).

Однако эти результаты имеют и ограничения. Во-первых, если в исследовании требуется высказать свое отношение к смертной казни публично, люди менее склонны изменять свое мнение, из чего следует, что поддержка смертной казни — это социальная норма. Во-вторых, если люди изменяют свое мнение в результате получения знаний, это происходит не на основе признания аморальности смертной казни, а на основе «административных» причин (расовой дискриминации, возможности убийства невиновных) (*Bohm, Clark, Aveni, 1991*). И наконец, в-третьих, в некоторых исследованиях наблюдается

«эффект маятника»: в ходе эксперимента мнение людей действительно изменяется в сторону отрицания смертной казни, но потом все возвращается на свои места (*Lord, Ross, Lepper, 1979*).

Для оценки влияния информации на отношение к смертной казни в одном из исследований (*Bohm, Maisto, Vogel, 1993*) был создан специальный учебный класс, члены которого 2 часа 5 раз в неделю в течение 4 недель слушали лекции руководителей класса, речи приглашенных гостей, смотрели видеозаписи и вели дискуссии. Кроме того, в начале и в конце семестра они отвечали на вопросы о своем отношении к смертной казни. Результаты показали, что получение людьми знаний мало повлияло на их мнение об этой мере наказания.

• Эмоциональность аттитюдов к смертной казни подчеркивает и тот факт, что *на отношение к этой мере наказания оказывает влияние демонстрация того, как она происходит (Howells, Flanagan, Hagan, 1995)*.

Приведенные результаты демонстрируют, что направления изучения аттитюдов к наказанию отличаются от направлений исследования аттитюдов к закону. Во-первых, большое количество исследований аттитюдов к наказанию сосредоточено на изучении отношения людей к одному из его видов — смертной казни. Во-вторых, при изучении аттитюдов к наказанию исследователи делают акцент на однородности общественного мнения, а при изучении аттитюдов к закону — на существовании разных типов отношения к нему. И наконец, изучение аттитюдов к наказанию в большей мере, чем изучение всех остальных аттитюдов из области правосознания, ориентировано на судебное решение (сравнение решений о наказании профессиональных судей и «людей с улицы»).

Однако при изучении аттитюдов к наказанию по-прежнему важным остается вопрос о взаимовлиянии разных элементов правосознания друг на друга, а также о зависимости их содержания от особенностей респондентов и социального контекста. В частности, вероятно наличие зависимости между предлагаемым преступнику наказанием и его групповой (этнической, возрастной, политической) принадлежностью (особенности контекста), ценностями субъекта правосознания

Особенности
изучения

(особенности респондентов) и его пониманием целей наказания (взаимовлияние разных элементов правосознания).

3.4 Аттitudes к работникам правоохранительных органов и суда

Четвертый тип аттитюдов, входящих в состав правосознания, — это аттитюды к судебной, правоохранительной и пенитенциарной системам и их работникам. *Когнитивный компонент* такого рода аттитюдов составляет оценка эффективности работы судебной, правоохранительной и пенитенциарной систем, характеристики, приписываемые работникам этих организаций, а также скрипты их действий, которые входят в состав скриптов преступлений. *Аффективный компонент* подобных аттитюдов составляют чувства, испытываемые респондентами по отношению к перечисленным системам и их работникам, а *поведенческий* — намерение вести себя определенным образом при столкновении с ними. Наиболее изученными являются аттитюды к правоохранительным органам, а наименее изученными — к пенитенциарной системе.

Важность подобных аттитюдов определяется их влиянием на отношение человека к закону и правовой системе в целом. Например, характер отношения к работникам правоохранительных органов влияет на восприятие состояния законности и правопорядка: при положительном отношении к этим органам криминогенная обстановка оценивается в десятки раз лучше. Вместе с тем, оценка криминогенной ситуации ухудшается, если люди воспринимают судебную практику как несправедливую. Кроме того, те или иные аттитюды в отношении правоохранительных органов и суда, а не закона или преступлений подвигают их носителей на обращение в эти организации. Например, в России в половине случаев нарушения своих прав люди не предпринимают ничего, в том числе редко обращаются в суд или милицию (*Михайловская, Кузьминский, Мазаев, 1995*).

Последствия

Российские исследования показывают, что *оценка работников правоохранительных органов и суда* производится респондентами по следующим параметрам:

- *Враждебность / дружелюбие.* Важность этого параметра проявляется в различии оценки по нему идеального и реального работников милиции.

Так, например, люди по-разному представляют, каким должен быть идеальный инспектор ГАИ и каков он на самом деле (*Ничипоренко, Пацакула, 1998*): только пять личностных качеств из сорока, по мнению респондентов, одинаково присущи реальному и идеальному образам (шкалы деятельный—бездеятельный, здоровый—больной, уверенный—неуверенный, требовательный—попустительский, счастливый—несчастливый). Наибольшее расхождение образов «реального» и «идеального» работника милиции наблюдается по шкалам независимый—зависимый, участливый—безучастный, эрудированный—неэрудированный, сообразительный—тугодум, справедливый—несправедливый, самокритичный—несамокритичный, уважительный—неуважительный, тактичный—бестактный, сердечный—черствый, скромный—нескромный, рассудительный—безрассудный, разбирается в людях — не разбирается в людях и общительный—замкнутый. Большинство этих качеств связано с общением и, возможно, является наиболее значимыми для респондентов.

- *Компетентность / некомпетентность.*
- *Честность / нечестность.* Например, российские респонденты оценивают судей как взяточников. Беспристрастное, законное рассмотрение дел суд гарантирует только по мнению одной трети людей, а 60% респондентов не согласны с тем, что перед судом все равны. По мнению большинства людей, окружающие не обращаются в суд, поскольку не верят, что таким путем можно добиться справедливости (*Ефремова и др., 1998*).

- *Сложность работы.* Работа, исполняемая работниками милиции, оценивается российскими респондентами как опасная, трудная, но необходимая, требующая определенных моральных и интеллектуальных качеств, приносящая богатый жизненный опыт, имеющая благородные цели (*Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994*), физически тяжелая,

подразумевающая частые столкновения с опасностью, но при этом недостаточно оплачиваемая (Гулевич, 2000). Такая оценка, очевидно и приводит к тому, что при общем негативном отношении к правоохранительным органам российские граждане поддерживают идею повышения зарплаты их работникам, что позволит компенсировать риск и привлечь хороших специалистов (Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994). Однако негативное отношение к работникам милиции проявляется в том, что более половины респондентов не верят в то, что преступление, совершенное по отношению лично к ним, будет раскрыто (Халтаева, 1995).

Отдельным измерением аттитудов к работникам правоохранительных органов является оценка некоторых действий, предпринимаемых ими для достижения профессиональных целей, например погони (McDonald, Alpert, 1998) или применения насилия при задержании преступника (Халтаева, 1995).

- **Исполняемые функции.** Важным параметром оценки функций работников правоохранительных органов является их включенность в реализацию закона, с одной стороны, и в его создание, с другой. Например, по данным американских исследований (Torney, 1971), маленькие дети оценивают полицейского не только как исполнителя закона, но и как его создателя. Тенденция к приписыванию работнику правоохранительных органов функции создания закона характерна также для людей с низким коэффициентом интеллекта и низким социоэкономическим статусом.

Судей российские респонденты рассматривают как прислужников властей, бюрократов, реже — защитников граждан от произвола, служителей закона и независимых арбитров (Ефремова и др., 1998). Очевидно, с этим связан тот факт, что только треть российских респондентов выразили желание обратиться при нарушении их прав в суд и в три раза меньшее количество действительно обратилось туда (Михайловская, Кузьминский, Мазаев, 1995).

- **Профессиональная мотивация.** Работникам милиции могут приписываться как корыстные (получение власти, построе-

ние карьеры, приобретение социального статуса, материальное положение), так и альтруистические (желание оказать помощь, быть полезным, восстановить справедливость) мотивы.

- **Внешний вид.**

Обратная сторона аттитудов граждан к правоохранительным органам и суду — это *самооценка работников этих организаций*, которая, основываясь на тех же параметрах, что и оценка граждан, отличается от нее большей позитивностью и меньшей определенностью того, что представляет собой идеальный милиционер или работник суда (Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994). Например, 89% американских полицейских убеждены, что их работа важнее, чем любая другая (Miller, Snyder, 1971).

Особенно часто изучению подвергается оценка работниками правоохранительных органов своих функций, профессиональной мотивации, качества своей работы, атмосферы на рабочем месте.

В качестве основной мотивации своей работы они называют альтруистические и социальные мотивы (принесение пользы обществу, интерес к работе, желание бороться с преступностью и общаться с людьми, возможность испытать собственные силы) чаще, чем прагматические (гарантия постоянной работы и хорошая зарплата) (Кузьминский, Мазаев, Михайловская, 1994).

Оценка работниками правоохранительных органов своих функций и атмосферы на рабочем месте зависит от их профессиональной позиции, пола, национальности и уровня стресса.

- Например, оценка своих профессиональных функций зависит от *рода занятия работника полиции*. Те полицейские, работа которых реже связана с непосредственным вмешательством в жизнь граждан, в большей степени, чем патрульные офицеры, считают, что их работа — это обслуживание людей, а не контроль за преступлениями; более позитивно оценивают отдел, в котором работают,

Факторы, влияющие на выраженность феномена
--

качество его работы и членов полицейского сообщества вообще; более позитивно оценивают качество взаимодействия полиции с прокурорами и судами; считают, что граждане подерживают их действия. Вместе с тем, патрульные полицейские более ориентированы на раскрытие преступлений; испытывают большую солидарность со своими коллегами, не учитывая нарушения, допущенные ими; более склонны поддерживать использование полицейским насилия (*Brooks, Figuero, Cronin, 1994*). Подобным образом, патрульные офицеры в США испытывают меньшее удовлетворение от своей работы, чем их начальники (*Perrott, Taylor, 1995*).

- Выполнение разных функций в различной степени комфортно для работников правоохранительных органов, относящихся к разным *национальностям*. Например, по результатам американских исследований, афроамериканцы и испаноговорящие полицейские чувствуют себя более эффективными, работая с заключенными, чем «белые» полицейские, не относящиеся к этническому меньшинству (*Wright, Saylor, 1992*).

- На оценку функций и атмосферы на рабочем месте некоторое влияние оказывает и *пол* работника правоохранительных органов. Афроамериканские женщины-полицейские испытывают меньший экономический интерес к работе и лучше оценивают качество рабочих отношений в отделе, возможности продвижения и качество руководства, чем мужчины (*Worden, 1993*).

- Некоторые западные исследования продемонстрировали влияние состояния *стресса* на восприятие работниками правоохранительных органов целей своей деятельности.

Так, в одном исследовании (*Whitehead, 1992*) полицейские заполняли опросник, в котором они соглашались или не соглашались с утверждениями, касающимися разных ролей, которые вынуждены исполнять полицейские, а также отмечали степень своего удовлетворения работой и выраженность профессионального стресса.

Для определения реабилитационной ориентации были использованы следующие утверждения: «Психически больные преступники должны быть посланы в реабилитационные программы», «Те-

рапия — это работа для психотерапевтов, а не для полицейских», «Если полицейский хочет заниматься психотерапией, он должен сменить работу»;

а для определения карательной — «Если бы тюрьмы были менее комфортабельными, преступлений было бы меньше», «Улучшение условий, в которых заключенные содержатся в тюрьме, нанесет вред полиции», «Военный режим — это лучший способ организации жизни в тюрьме», «Программы реабилитации — это пустая трата времени и денег».

Результаты показали, что на наказание больше ориентированы те полицейские, которые испытывают больший профессиональный стресс.

Исследования показывают, что аттитюды работников правоохранительных органов к разным аспектам своей деятельности взаимосвязаны друг с другом (*Crank, Payn, Jacskon, 1993*). Например, так называемая полицейская идеология (тенденция использовать «уличную справедливость» во взаимодействии с гражданами, отрицательное отношение к процессуальным гарантиям, поддержка секретности, защищающей полицию от внешних наблюдателей) положительно связана с «ремесленничеством» (признанием того, что образование не дает навыков, необходимых для работы; уважением к полицейским офицерам; признанием важности церемониала в демонстрации этого уважения; признанием важности устных рассказов бывалых полицейских для обучения новичков).

Важность изучения восприятия работниками правоохранительных органов целей своей деятельности, атмосферы на рабочем месте, профессиональной мотивации и качества работы определяется влиянием этих факторов на их удовлетворенность своей деятельностью.

Например, в одном исследовании был использован опросник, включающий в себя четыре шкалы, отражающие основные измерения имиджа полицейских (*Lim, Teo, See, 2000*):

- престиж полиции («Работа полицейских уважается в обществе»);
- честность работников полиции («Полицейские офицеры надежные и компетентные люди», «Полицейские офицеры дружелюбны и готовы оказать помощь»);

- компетентность («Полицейские офицеры не настолько компетентны, как кажется»);
- наличие рутинной работы («Полицейские офицеры обычно проводят время, сидя в офисе»).

Респонденты заполняли этот опросник, а потом отмечали степень своей удовлетворенности выполняемой деятельностью («Я удовлетворен своей работой»), выраженность желаний активно участвовать в работе организации или, напротив, бросить работу («Я часто думаю о том, чтобы бросить эту работу», «Через год — два я, вероятно, уйду из полиции», «В следующем году я, вероятно, займусь поиском новой работы»).

Результаты исследования продемонстрировали, что показатели по шкалам «престиж полиции» и «честность работников полиции» были позитивно связаны с удовлетворенностью полицейских своей деятельностью, их желанием активно участвовать в работе организации, и негативно — с желанием бросить работу.

Анализ существующих направлений изучения правосознания приводит к постановке четырех основных вопросов: является ли правосознание системным образованием? Возможно ли быстрое изменение правосознания? Какова роль правосознания в контексте вынесения судебного решения? Является ли правосознание показателем социальной идентичности человека?

Особенности
изучения

Первый вопрос касается *системности* — *фрагментарности правосознания*. Вопрос о том, в какой степени отдельные элементы правосознания входят в состав единой структуры, непосредственно связан с вопросом о необходимости введения единого термина «правосознание». Отсутствие связи между аттитюдами к преступлению / преступникам, закону, наказанию и правовым институтам говорит о том, что их объединение в единый феномен не имеет смысла, и наиболее адекватным способом их изучения является исследование содержания каждого из них в отдельности.

Проблема системности правосознания распадается на ряд подпроблем, к числу которых относятся следующие.

- Наличие взаимосвязи между разными элементами правосознания (аттитюды к преступлениям, закону, наказанию

и правовым институтам). На протяжении этой главы мы встретились, по крайней мере, с пятью примерами существования взаимовлияния между разными элементами правосознания:

- страх перед преступлениями оказывает влияние на размер рекомендуемых наказаний;
- положительное отношение к органам защиты правопорядка приводит к оценке обстановки как менее криминогенной;
- оценка судебной практики как несправедливой связана с оценкой обстановки как криминогенной;
- вероятность обращения людей в полицию связана с интенсивностью их страха перед преступлением;
- оценка серьезности преступлений против личности связана с поддержкой смертной казни.

Этот список может быть продолжен.

- Существование взаимосвязи между разными компонентами правосознания (когнитивным, аффективным и поведенческим). Существование этой взаимосвязи подтверждается результатами эмпирических исследований. Так, оценка серьезности совершаемых преступлений (когнитивный компонент) и страх перед ними (аффективный компонент) оказывают влияние на выбор человеком способа спастись от преступника (поведенческий компонент); оценка эффективности работы правоохранительных органов определяет вероятность обращения в них людей; позитивная или негативная оценка закона связана с намерением совершить преступление.

- Наличие «центра» правосознания. Функцию основных элементов могут выполнять элементы одного (аттитюды к закону/ наказанию/ преступлению/ работникам правовых институтов) или разных компонентов правосознания.

- Возможность выделения разных типов правосознания. Показателем системности правосознания является возможность создания его типологий, в основе которых лежит отношение людей не только к закону, но одновременно к наказанию, преступлению, работникам правовых институтов.

- Возможность изменения правосознания в целом, а не отдельных его элементов. Показателем системности правосоз-

нения является изменение одного элемента правосознания в результате изменения другого.

Идея целостности правосознания и абсолютной зависимости всех его элементов друг от друга могла родиться только при понимании правосознания как непротиворечивой системы. Однако житейское сознание вряд ли может быть адекватно представлено в виде системы элементов, содержание которых не противоречит друг другу. Ситуативная обусловленность актуализации тех или иных элементов правосознания определяет тот факт, что человек не замечает существующих в нем противоречий. Характерными примерами таких противоречий являются, во-первых, согласие человека с аргументами против смертной казни и одновременная поддержка ее применения и, во-вторых, согласие с общими положениями закона, но отказ применять их при оценке конкретных ситуаций. Однако существуют и другие примеры того, что человек не замечает противоречий между существующими у него представлениями, отношениями и тем поведением, которое он в конце концов осуществляет.

Возможно, что равнодушие к подобным противоречиям связано с тем, что человек не видит связи между теми элементами, которые кажутся исследователю противоречащими друг другу. Иррелевантность разных элементов правосознания приводит к тому, что изменение одного из них не будет приводить к изменению другого. Таким образом, предположение о том, что правосознание — это целостный феномен, имеет свои ограничения. Возможно, что имеет смысл говорить об объединенности не всех элементов правосознания, а только некоторых из них.

Второй вопрос, связанный с изучением правосознания, касается *динамики его изменения*. Тот факт, что правосознание подвержено медленному изменению, является общим местом его изучения. Более спорной является возможность изменения правосознания в течение короткого периода времени, например, в ходе судебного процесса. В пользу возможности такого изменения говорят результаты исследова-

ния Дж. Тапп и Ф. Левина. Однако исследование, проведенное этими авторами, не дает ответа на вопрос о времени его сохранения.

Вопрос возможности быстрого изменения правосознания в суде непосредственно связан с третьей проблемой изучения правосознания — *его роли в принятии судебного решения*.

Результаты ряда исследований, речь о которых пойдет в следующем выпуске серии «Психология и право», позволяют сделать вывод о том, что особенности правосознания присяжных заседателей оказывают влияние на вынесенный ими вердикт.

Четвертый вопрос связан с анализом того, является ли характер правосознания *показателем* принятия его носителем *определенной социальной ценности*. Попытка защитить свою социальную идентичность и желание установить различие между ингруппой и аутгруппой приводит к приписыванию членам аутгруппы более серьезных преступлений, чем членам ингруппы, и, наоборот, к оценке преступлений, совершаемых членами аутгруппы, как более серьезных, чем совершаемых членами ингруппы. Принципиальная позиция по отношению к существующему закону и системе наказаний может служить показателем политической идентичности человека. То или иное отношение к преступности, правоохранительным органам, судебной системе и к закону может служить средством защиты позитивной социальной идентичности людей, нарушивших закон, и т.д. Таким образом, одним из направлений исследования правосознания может стать сопоставление его особенностей с характером социальной идентичности его носителя.

С областью правосознания опосредованно связаны еще две области исследований — представления о справедливости и атрибуция ответственности. Их изучение идет независимо от исследования правосознания, однако закономерности, получаемые в их рамках, связаны с некоторыми аспектами установок к преступлению.

Примечания

¹ В данном случае мы не принимаем во внимание когнитивные и бихевиоральные теории, возникшие в США и Западной Европе, поскольку, во-первых, их сторонники не пользуются термином «правосознание», а во-вторых, они рассматривают феномены из области правосознания в качестве иллюстрации адекватности своих подходов к пониманию человеческой природы вообще.

² Это утверждение было отвергнуто современными сторонниками концепции общественного сознания (*Грошев, 1994; Чефранов, 1983*).

³ Авторы многих западноевропейских исследований исходят из предположения о неравенстве мужчин и женщин и более низком социальном статусе последних.

⁴ Исследования, проведенные сторонниками Колберга несколько десятилетий спустя, показали, что люди, находящиеся на разных стадиях морального развития, различаются по степени принятия ряда ценностей. Например, люди, находящиеся на четвертой стадии морального развития, оценивают «терпимость», «великодушие», «мужество» и «спасение души» более позитивно, а «послушание», «достижение успеха» и «честолюбие» менее позитивно, чем люди на третьей стадии. Кроме того, люди, находящиеся на второй и пятой стадиях придают большее значение «свободе» и меньшее «послушанию», чем те, кто находится на первой и четвертой стадиях морального развития (*Diessner, Mayton, Dolen, 1993*).

⁵ Идея принятия роли привела к возникновению модели правовой социализации как процессу «передачи» ролей. Эта модель предполагает, что при взаимодействии в рамках правовой системы люди используют те роли, исполнению которых они научились в других контекстах (*Torney, 1971*).

⁶ Такие убеждения относятся к мифам об изнасиловании, речь о которых пойдет ниже.

⁷ Интенсивность подобного влияния связана с отсутствием сопротивления зрителей / читателей поступающей информации. Исследования убеждающей коммуникации показали, что

эффективность убеждающего воздействия возрастает, когда зрители не знают о желании коммуникатора убедить их в правильности своей точки зрения. Поскольку художественные произведения не рассматриваются аудиторией в качестве источника специально организованного воздействия, они вызывают большее доверие, чем, например, ежедневные новости.

⁸ Это объяснение особенностей правосознания российских граждан сформулировано на материале исследования, проведенного внутри России.

⁹ «Преступление» является категорией обыденного сознания. Сторонники изучения социальной категоризации исходят из представления о трех типах элементов, образующих структуру категории: прототипе, примерах и признаках.

Признаки – это свойства, приписываемые всем объектам, помещаемым в определенную категорию (например, нарушение закона, нарушение моральных норм, необходимость наказания и т.д.).

Кроме признаков, в структуру категории входят примеры некоторых объектов (убийство, изнасилование, кража и т.д.). Например, составляя список преступлений, российские респонденты использовали не только общие признаки, но и помещали туда разные поведенческие акты по разным основаниям. Например, упоминая «хулиганство», они апеллировали к нарушению закона, а выделяя «убийство», делали акцент на нанесении ущерба. Иногда респондентам было трудно объяснить, чем отличаются друг от друга разные преступления, помещенные ими в один список. Например, они включали в один список убийство и терроризм и поясняли, что «терроризм – это те же самые убийства».

И наконец, прототипом называется наиболее типичный пример определенной категории (убийство). Для того, чтобы быть отнесенным к категории, объект не обязательно должен обладать всеми чертами, свойственными прототипу, однако наиболее прототипичные объекты помещаются в соответствующую категорию быстрее и с большей вероятностью.

¹⁰ Любопытно, что преступления против одного или небольшого количества людей являются более типичными для понимания «преступления вообще».

¹¹ Примечательно также, что «преступления против морали» упоминаются чаще, чем преступления против государства и экономические преступления. Этот факт подчеркивает тесную связь правового сознания российских респондентов с сознанием моральным.

¹² Результаты этого эксперимента говорят о том, что оценка серьезности преступлений зависит от оценки намерений преступника, вероятности попадания человека в аналогичную ситуацию и т.д., т.е. от факторов, которые не учитываются в обычном исследовании, направленном на измерение оценки серьезности преступления, в котором респонденты оценивают преступления, представленные в виде названий, а не в виде развернутых описаний.

¹³ Это подтверждается тем фактом, что страх перед преступлением увеличивается с восприятием преступности как национальной проблемы (*Ciricos, Hogan, Gertz, 1997*).

Глава II. Направления изучения атрибуции ответственности и вины

I. Общее представление об атрибуции ответственности и вины

Атрибуция ответственности и вины является одним из механизмов социального познания. Под атрибуцией понимается присущая человеку тенденция объяснять те события, которые происходят вокруг него, участником или свидетелем которых он становится. Изучение атрибутивных процессов началось с исследования *каузальной атрибуции* — понимания того, каким образом люди *приписывают причины* этим событиям. Среди таких причин, например, характеристики деятеля (человека, который совершает действия) и объекта его действий (человека, предмета или явления, по отношению к которому эти действия совершаются), а также особенности ситуации, в которой эти действия были совершены.

Соотношение каузальной атрибуции и атрибуции ответственности
--

Под *атрибуцией ответственности и вины* понимается *приписывание ответственности и вины* за происшедшие события деятелю, объекту его действий или обстоятельствам. Атрибуция ответственности имеет отношение к широкому классу ситуаций, последствия которых могут быть, как негативны, так и позитивны, и в которых деятель может действовать по отношению как к другому человеку, так и к предмету. Приписывание вины, напротив, осуществляется только в том случае, если совершенный деятелем поступок привел к негативным последствиям. Приписывание ответственности и вины может производиться сторонним наблюдателем, деятелем или человеком, по отношению к которому действует последний (потерпевшей стороной). Чаще всего изучается, каким образом сторонний наблюдатель приписывает ответственность и

вину за событие, повлекшее негативные последствия и совершенное в конечном итоге по отношению к человеку: считает ли он ответственным и виновным за происшедшее деятеля, его жертву или сопутствующие обстоятельства. Типичным примером такого рода ситуаций является преступление.

Появление главы, посвященной атрибуции ответственности и вины, в этом аналитическом обзоре не случайно. Большинство исследований этого феномена было проведено на материале преступлений, участниками которых становились, соответственно, преступник и жертва. Поэтому атрибуцию ответственности и вины можно рассматривать как один из компонентов правосознания.

Систематическое изучение атрибуции ответственности и вины началось в середине 60-х годов XX в. с проведенных почти одновременно исследований Э.Уолстера и М.Лернера, а его расцвет пришелся на 70-е — начало 80-х годов. Долгое время психологи, заинтересованные скорее в изучении каузальной атрибуции, игнорировали специфику этого атрибутивного феномена, полагая, что если человек рассматривается как причина произошедших событий, ему автоматически приписывается ответственность за их совершение, что, в свою очередь, приводит к приписыванию вины (в случае событий с негативным исходом). Сегодня каузальная атрибуция, атрибуция ответственности и атрибуция вины рассматриваются как взаимосвязанные, но различные направления атрибутивного процесса.

В частности, предполагается, что приписывание причинности является необходимым, но недостаточным условием для приписывания ответственности и вины. Это означает, что для признания человека ответственным за, например, совершение убийства, необходимо, чтобы окружающие считали его основной причиной произошедшего. Однако выполнение этого условия еще не гарантирует, что он будет признан ответственным за совершение этого преступления (Alicke, 2000).

Одна из первых моделей атрибуции ответственности принадлежит родоначальнику изучения атрибутивных процессов Ф.Хайдеру (Alicke, 2000). По его мнению, в основе суждения об

ответственности лежит определение (а) одновременности поведения деятеля и события, приведшего к негативным последствиям, (б) наличия у деятеля возможности совершить соответствующие действия и (в) предвидеть их последствия, (г) намеренности его поведения и (д) наличия смягчающих обстоятельств.

Идея различия каузальной атрибуции и атрибуции ответственности заложена и в модели Б.Вайнера (Alicke, 2000), согласно которой оценка ответственности деятеля за произошедшее определяется (а) оценкой того, в какой степени его поведение и индивидуальные особенности являются причиной случившегося (решение о том, является ли деятель причиной произошедшего, выносится на основе анализа его намерений); (б) его способностью контролировать свое поведение; (в) наличием обстоятельств, оправдывающих его действия.

Определение связи между каузальной атрибуцией и атрибуцией ответственности осложняется тем, что на оценку последней оказывает влияние не только непосредственная причина произошедшего, но и предшествующая ей.

Изучением того, как связаны между собой приписывание ответственности и каузальная атрибуция, занимались П.Брикман и его коллеги (Brickman, Ryan & Wortman, 1975). В их эксперименте респонденты читали краткое описание автомобильной катастрофы и знакомились с сообщением страховой компании, в котором отражались непосредственная и предыдущая причины произошедшего. Непосредственной причиной являлось событие, непосредственным результатом которого стала катастрофа, а в качестве предыдущей причины рассматривалось событие, которое было причиной непосредственной причины. Причины могли быть внешними и внутренними и располагались в разной последовательности. Всего было создано шесть каузальных цепей (табл. 2.1).

Результаты этого исследования говорят о том, что при образовании цепей из однотипных причин ответственность, приписываемая водителю, растет, если обе причины внутренние, и падает, если они внешние. При образовании цепей из разнотипных причин степень приписываемой ответственности снижается, если непосредственная внутренняя причина связана с предыдущей внешней, и повышается, если непосредственная внешняя причина соединяется с предыдущей внутренней.

Таблица 2.1. Виды каузальных цепей в эксперименте П. Бризмана и его коллег.

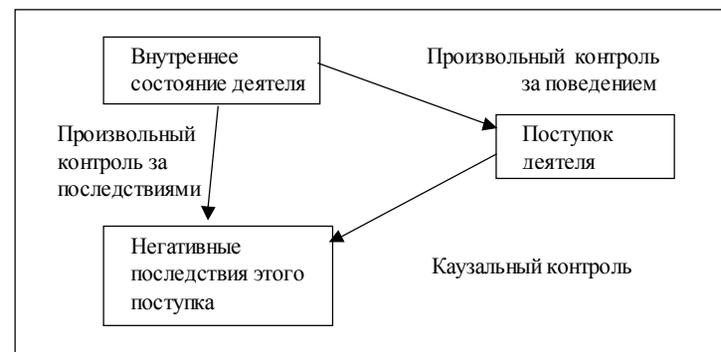
Непосредственная внутренняя причина	Водитель не смотрел на дорогу
Непосредственная внешняя причина	Руль был сломан
Непосредственная и предыдущая внутренние причины	Водитель не смотрел на дорогу, потому что строил планы своего участия в выборах
Непосредственная внутренняя и предыдущая внешняя причины	Водитель не смотрел на дорогу, потому что его окликнул человек на обочине
Непосредственная внешняя и предыдущая внутренние причины	Руль был неисправен, и эта неисправность волновала водителя и до того, как он отправился в путь
Непосредственная и предыдущая внешние причины	Руль был неисправен, потому что механик, ремонтировавший машину, некачественно выполнил свою работу

Таким образом, наличие у деятеля особенностей, которые явились косвенной причиной произошедшего, повышает степень приписываемой ему ответственности, даже если эти особенности не оказали на его поведение непосредственного влияния.

Точка зрения, согласно которой атрибуция ответственности отличается от каузальной атрибуции, в настоящее время сопровождается утверждением об отличии этих феноменов от атрибуции вины. В ее пользу говорит тот факт, что оценка ответственности количественно не соответствует оценке виновности. Например, оценка ответственности жертвы изнасилования выше, чем оценка ее виновности (Krulowitz, Nash, 1979). Логическим продолжением этой точки зрения является создание моделей, описывающих процесс приписывания вины.

Согласно одной из таких моделей (Alicke, 2000), оценка виновности человека в произошедшем предполагает когнитивную оценку субъектом атрибуции трех типов контроля (рис.2.1), а также формулирование им аффективного отношения к происшедшему.

Соотношение атрибуции ответственности и атрибуции вины

Рис. 2.1. Типы контроля, оценивающиеся наблюдателем в ходе атрибуции вины

В частности, субъект атрибуции оценивает степень:

- *произвольного контроля деятеля за своим поведением.* Оценка этого типа контроля зависит от оценки намеренности поведения деятеля и наличия у него представления о том, что он делает. Эти оценки, в свою очередь, определяются рядом индивидуальных и ситуационных переменных (рис.2.2). Оценка произвольного контроля за поведением уменьшается, если деятель оценивается, как человек, не имеющий представления о своих действиях и совершающий их ненамеренно;
- *каузального контроля.* Оценка этого типа контроля определяется размером вклада, который деятель вносит в возникновение негативных последствий совершенного действия. В данном случае наблюдатель оценивает, является ли деятель единственным активным участником события, а его действия достаточным условием для наступления негативных последствий, находился ли деятель в нужное время в нужном месте, могли ли негативные последствия возникнуть без его вмешательства. Оценка каузального контроля уменьшается, если деятель был не единственным человеком, который совершил поступок, вызвавший негативные последствия; если его дей-

Рис. 2.2. Особенности деятеля и факторы ситуации, оказывающие влияние на возможность произвольного контроля деятеля за своим поведением

ствия не являлись необходимым условием для их наступления или они могли наступить без его вмешательства; если он не находился в соответствующее время в нужном месте. В частности, человека не признают виновным за то, что его сослуживец, с которым он поссорился, оказался в больнице с сердечным приступом, если последний до этого стал объектом нападения еще пятерых коллег;

- *произвольного контроля деятеля за последствиями своих действий.* Этот тип контроля определяется тем, мог ли деятель предсказать наступившие последствия и желал ли он их наступления. Оценка этого типа контроля уменьшается одновременно с уменьшением оценки возможности деятеля предсказать последствия своих действий и его желания их наступления. Эти оценки, в свою очередь, также определяются на основе анализа индивидуальных особенностей деятеля и ситуационных переменных.

Таким образом, оценка виновности складывается из оценок всех трех типов контроля. Вынесение решения о виновности деятеля требует анализа роли его особенностей в совершении поступка и наступлении негативных последствий. В

частности, если наблюдатель признает, что деятель мог осуществить произвольный контроль за своим поведением, но при этом его поведение не являлось достаточным условием для наступления негативных последствий, оценка его виновности в происходящем уменьшается. Аналогично уменьшение оценки виновности происходит и в том случае, если наблюдатель признает, что именно поведение деятеля привело к наступлению негативных последствий, однако он был не в состоянии контролировать как само поведение, так и его результат.

Однако оценка одного типа контроля зачастую подвергается влиянию оценки других типов. Например, если наблюдатель считает, что именно поведение деятеля привело к негативным последствиям, он может приписать ему возможность контролировать их наступление.

Как было отмечено выше, оценка разных типов контроля — это только один из факторов, оказывающих влияние на оценку виновности. Другой фактор — *аффективная оценка* события, основанная на особенностях деятеля, как непосредственно связанных (мотивы, намерения, эмоциональное и физиологическое состояние и т.д.), так и не связанных (расовая принадлежность, внешность) с произошедшим. Например, антисемиты скорее признают виновным в случившемся еврея, чем представителя какой-либо другой национальности.

Аффективная оценка события может оказывать как прямое, так и опосредованное влияние на атрибуцию вины. В первом случае влияние оценки независимо от характеристик события. Например, люди могут вынести решение о более серьезном наказании преступника, укравшего машину, чем отказавшегося вернуть долг, основываясь на собственных оценках серьезности преступления. Во втором случае аффективная оценка оказывает влияние на восприятие некоторых особенностей преступления и, благодаря этому, на атрибуцию вины в целом. Например, человек, которому понравился деятель, будет игнорировать большинство обстоятельств, которые говорят о наличии у него возможности контролировать собственное поведение и его последствия.

Любопытно, что, согласно описываемой модели, атрибуция вины — это многоступенчатый процесс. Он начинается с первичной оценки виновности деятеля, которая впоследствии оказывает влияние на отбор информации о произошедшем событии и его последствиях. В частности, признание виновности негра-подсудимого на основе негативного эмоционального отношения к афроамериканцам вообще приведет к отбору доказательств, которые говорят о его возможности контролировать как осуществление поведения, так и его последствия.

2. Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности и вины

Существует четыре группы факторов, влияющих на атрибуцию ответственности и вины: особенности произошедшего, характеристики наблюдателя (респондента), жертвы и деятеля (преступника).

2.1 Особенности произошедшего

Среди особенностей произошедшего события, оказывающих влияние на атрибуцию ответственности и вины, особенно выделяются вероятность его происхождения, серьезность нанесенного ущерба и наличие у деятеля свободы выбора.

- *Размер нанесенного ущерба*

Чем больше ущерб, нанесенный деятелем, тем большая ответственность ему приписывается.

Например, в одном из первых экспериментов, посвященных атрибуции ответственности, И.Уолстер (*Walster, 1966*) предлагала своим респондентам ознакомиться с одной из четырех версий происшествия, а затем оценить степень ответственности главного героя. Смысл всех четырех описаний сводился к тому, что некто Ленни, поехав с товарищем кататься на подержанной машине, недавно купленной им, поставил ее на ручной тормоз, который, как

потом оказалось, был не в порядке, и оставил ее на вершине холма. Когда приятели ушли, машина скатилась вниз и причинила ущерб, размер которого различался от истории к истории:

- Машина не скатилась вниз до конца, а зацепилась за пень, торчащий на склоне холма. Автомобиль получил небольшую вмятину (незначительный ущерб);

- Машина скатилась вниз и наскочила на большое дерево, в результате чего погнулись рама и руль (большой ущерб);

- Происходит то же самое, что и в первом случае. Но известно, что если бы машина все-таки скатилась с холма, она снесла бы по пути ларек, в результате чего могли бы пострадать находившийся там торговец рыбой и ребенок (незначительный ущерб);

- Скатываясь вниз, машина разрушила ларек: мальчик получил легкую травму, а торговец серьезно пострадал (большой ущерб).

Результаты исследования показали, что увеличение размера ущерба приводило к увеличению приписываемой Ленни ответственности.

Для объяснения этих результатов Уолстер предположила, что осознание серьезности последствий катастрофы актуализирует у человека потребность в безопасности. Стремясь успокоить себя, он предполагает, что несчастные случаи контролируемы и могут быть предотвращены. Следовательно, если несчастный случай все-таки произошел, это означает, что деятель не позаботился о своей безопасности, и значит, сам несет ответственность за то, что с ним случилось.

Существуют межкультурные различия в проявлении этого феномена. Например, он более выражен у американцев мексиканского происхождения, чем у афроамериканцев и американцев европейского происхождения (*Lipton, Garza, 1977*).

- *Вероятность инцидента*

В ряде ситуаций, чем меньше вероятность происхождения какого-либо события, тем большая ответственность за него возлагается на потерпевшего.

Этот феномен был продемонстрирован в эксперименте, проведенном Т.Тайлером и В.Девиницем (*Tyler, Devinitz, 1981*). В их исследовании респондентам предлагалось прочесть сообщение о краже в студенческом общежитии. Авторы сформулировали два варианта этого сообщения. В одном из них речь шла о похищении

незначительной суммы денег (нанесение небольшого ущерба), а в другом — дорогой вещи (нанесение большого ущерба). Кража произошла в комнате, хозяин которой опаздывал на лекцию и потому не запер ее. Кроме того, половине респондентов говорили, что кражи происходят в общежитии достаточно часто, а всем остальным указывали на уникальность этого инцидента.

Результаты исследования показали, что на атрибуцию ответственности оказывал влияние не размер нанесенного ущерба, а вероятность совершения кражи: если инцидент заранее характеризовался как крайне редкий, на хозяина комнаты возлагали большую ответственность, чем в противном случае.

- *Наличие у деятеля свободы выбора*

Хотя значимость этого фактора и следует из модели атрибуции ответственности (Муздыбаев, 1983), он оказывает влияние только в том случае, если респондент выступает в роли наблюдателя, а не жертвы.

Польский исследователь Д. Долинский и его коллеги (Dolinski, Gromski, Szmajke, 1988) провели исследование, в котором инсценировали ограбление. Студенты университета, принимавшие в нем участие, исполняли одну из двух ролей: наблюдателя, следящего за происходящим со стороны, или жертвы, пострадавшей от действий преступника. Результаты исследования показали, что респонденты, игравшие роль жертвы, оценивали ответственность вора в зависимости от размера нанесенного им ущерба, тогда как наблюдатели принимали во внимание в основном наличие у преступника свободы выбора: чем большей свободой он обладал, тем большая ответственность ему приписывалась.

2.2 Характеристики наблюдателя

Среди характеристик наблюдателя особое внимание исследователей привлекают локус контроля, степень авторитаризма, вера в справедливый мир, степень сходства между наблюдателем и деятелем / жертвой, стереотипы.

- *Локус контроля*

Под локусом контроля понимается существующая у человека тенденция объяснять происходящие с ним события своими особенностями и усилиями (внутренний локус контроля)

или внешними обстоятельствами (внешний локус контроля). Люди с внутренним локусом контроля по сравнению с обладателями внешнего локуса приписывают себе большую ответственность за то, что с ними происходит (Davis, Davis, 1974). Аналогично, оказываясь в роли сторонних наблюдателей, они приписывают большую ответственность деятелю в случае как позитивных, так и негативных последствий его поведения (Hyland, Cooper, 1976; Olsen-Fulero, Fulero, 1997; Stebbins, Stone, 1977).

Например, автор одного из американских исследований (Sosis, 1974) измерил локус контроля 70 школьников, а потом попросили их оценить степень ответственности водителя, ставшего участником дорожно-транспортного происшествия, приведшего к ранению (но не смерти) жертвы. Результаты этого исследования показали, что участники с внутренним локусом контроля приписывали водителю большую степень ответственности, чем обладатели внешнего локуса.

Аналогичное влияние локус контроля оказывает и на атрибуцию вины. В частности, результаты китайского исследования (Wang, Anderson, 1994) показали, что респонденты с внешним локусом контроля приписывают меньшую степень вины и более склонны оправдывать как себя, так и других людей, по сравнению с обладателями внутреннего локуса контроля.

- *Авторитаризм*

Представление об авторитарной личности было введено Т. Адорно и через несколько десятилетий модифицировано Б. Альтмейером, который связал его с такими особенностями человека, как полное и безоговорочное подчинение власти и авторитету, приверженность традиционным социальным нормам (конвенционализм) и агрессивность по отношению к тем группам, неприятие которых поощряется властями. Суждения об ответственности, сделанные авторитарными людьми, в большей степени зависят от информации о статусе деятеля / жертвы по сравнению с неавторитарными.

Например, в одном из австралийских исследований (Feather, Bockmann, McKee, 2001) респонденты читали описание происшествия, связанного с коммерческой компанией, поставившей на

рынок некачественное мясо, которое явилось причиной массового отравления. Было создано несколько описаний, различавшихся знанием руководителей компании о риске отравления (знали / не знали) и наличием у них свободы действий (действовали свободно / под давлением вышестоящего руководителя). Суть дела заключалась в том, что отравленное мясо проходило новую процедуру оценки качества продукции. В одном случае руководство компании должно было самостоятельно решить, хотят ли они использовать эту процедуру, а в другом они были вынуждены принять ее под давлением членов специальной комиссии.

Прочитав описание, респонденты должны были оценить степень небрежности руководства компании и членов этой комиссии, а также серьезность произошедшего. Кроме того, они указывали степень ответственности каждой из упомянутых организаций и степень компенсации, которую они должны выплатить пострадавшим, заслуженность ими этого наказания, а также степень испытываемой к ним злости.

Результаты исследования показали, что люди с высокой степенью авторитаризма были меньше, чем их неавторитарные коллеги, подвержены влиянию знания о риске, но больше — знанию о давлении, оказываемом членами комиссии. Это выражалось в том, что авторитарные респонденты более негативно относились к членам комиссии в том случае, когда они ограничивали свободу предпринимателей, и менее негативно, когда они не делали этого, по сравнению со своими неавторитарными коллегами. Почтение к власти в данном случае проявлялось неожиданным образом: путем «обеления» людей, ей подчинившихся.

- *Вера в справедливый мир*

Автором гипотезы веры в справедливый мир является М.Лернер (*Lerner, 1980*). По его мнению, одной из наиболее распространенных среди людей потребностей является желание видеть мир, в котором они живут, справедливым. Справедливость мира заключается в том, что живущие в нем люди всегда получают то, что заслуживают¹. Поэтому «хорошие» люди избавлены от неприятностей, которые достаются, в основном, на долю «плохих». Если же человек попадает в неприятную ситуацию, это означает, что он вел себя плохо и заслужил все произошедшее с ним. Таким образом, вера наблюдателя в справедливый мир приводит к умалению им достоинств

жертвы преступления или несчастного случая, что выражается в увеличении приписываемой ей ответственности (*Lerner, 1980; Lerner, Lerner, 1981; Lerner, Miller, 1978*).

Особенно ярко связь между верой в справедливый мир и приписыванием ответственности жертве преступления проявляется в случае мужчин, оценивающих изнасилование: худшее отношение к женщине, ставшей жертвой изнасилования, присуще мужчинам с выраженной верой в справедливый мир, однако это неверно для женщин, возможно, из-за идентификации последних с жертвой преступления (*Kleinke, Meyer, 1990*).

Возникновение гипотезы «веры в справедливый мир» тесно связано с исследованием, проведенным Лернером в 60-х годах XX в. (*Lerner, Simmons, 1966*), участникам которого говорили, что эксперимент проводится по заказу военных и бизнесменов, которых интересует влияние эмоционального стресса на работоспособность. Респонденты узнавали, что они будут выступать в качестве «учителя», задающего вопросы «ученику», такому же, как они студенту. Ученик будет сидеть в кресле с подведенными к нему проводами, по которым течет электрический ток. «Учитель» будет зачитывать условия задачи, а «ученик» должен будет дать правильный ответ. Если он ошибется, «учитель» должен будет относительно безопасным разрядом электрического тока. В ходе эксперимента «учителя» действительно думали, что наказывают «ученика», бывшего помощником экспериментатора, за неправильные ответы. Они нажимали кнопку, и на экране монитора видели, как их «ученик» страдает от полученного удара. Эта процедура продолжалась в течение 10 минут. После этого объявлялся перерыв, но половине респондентов сообщали, что продолжение процедуры зависит от них. Именно они должны были выбрать, что делать с «учеником» во второй экспериментальной сессии: наказывать электрическим током за неправильные ответы, вознаграждать — за правильные или не делать ничего. Подавляющее большинство этих респондентов предпочло вознаграждение за правильные ответы. Другой половине участников говорили, что вторая часть процедуры будет идентична первой.

Необходимо заметить, что перед просмотром видеозаписи все респонденты заполняли опросники, в которых оценивали свою социальную привлекательность. После завершения эксперимента их

просили оценить социальную привлекательность «ученика» — жертвы, а также отметить, хотели бы они видеть его своим другом.

Результаты исследования показали, что те респонденты, которые думали, что экзекуция «ученика» будет продолжена, оценивали его значительно ниже, чем себя или чем это делали остальные участники. Они как бы говорили этим: «Ученик сам виноват в том, что с ним происходит».

Однако гипотеза «веры в справедливый мир» имеет ряд ограничений.

В частности, предположение о том, что вера в справедливый мир приводит к повышению ответственности жертвы, наиболее ярко проявляется в том случае, если наблюдатель является причиной причинения страданий и хочет снять с себя ответственность за происходящее (*Cialdini, Kenrick, Hoering, 1976*).

Другое ограничение проявляется при атрибуции ответственности за несчастные случаи. В частности, гипотеза «веры в справедливый мир» подтверждается только тогда, когда причина несчастья не является однозначно личностной или ситуационной, а подобные события происходят редко (*Lowe, Medway, 1976*).

И наконец, в контексте правосознания и суда присяжных предположение о том, что вера в справедливый мир приводит к повышению ответственности жертвы, кажется неполным. Оно верно, в основном, тогда, когда речь идет не о судебном процессе над преступником, а непосредственно о моменте совершения преступления. Действительно, в этой ситуации наблюдатель сталкивается только с одним пострадавшим — жертвой преступления, поэтому феномен «веры в справедливый мир» проявляется только по отношению к нему. Однако в рамках судебного процесса мы сталкиваемся сразу с двумя «пострадавшими» персонажами: жертвой преступления и оказавшимся за решеткой подсудимым. В этой ситуации «вера в справедливый мир» оказывает влияние не только на оценку жертвы и степени ее ответственности, но и на атрибуцию ответственности подсудимого: «Хорошего человека не посадят за решетку». Это обстоятельство затрудняет предсказание вер-

дикта присяжных в зависимости от наличия у них «веры в справедливый мир».

• *Степень сходства между наблюдателем и деятелем / жертвой*

На приписывание ответственности оказывает влияние осознание наблюдателем своего сходства с деятелем или жертвой. К.Шейвер выделяет два типа такого сходства: личностное и ситуационное. Под личностным сходством понимается признание наблюдателем наличия у себя таких же индивидуальных особенностей (пола, национальности, личностных черт и т.д.), какими обладают деятель или жертва. При ситуационном сходстве наблюдатель считает, что может попасть в такую же ситуацию, как жертва или деятель (например, стать жертвой преступления или совершить его), не будучи при этом похожим на них.

Наличие ситуационного сходства мотивирует наблюдателя на отрицание своего личностного сходства с виновником произошедшего или его жертвой. Это служит ему основанием для вывода о том, что сам он не может оказаться в подобной ситуации. Например, женщина, возвращающаяся с работы поздно вечером темными переулками, разбирая случай изнасилования, может сказать: «Да, я действительно возвращаюсь по вечерам, и поэтому со мной может случиться то же, что и с этой женщиной. Однако я очень осторожна и одеваюсь достаточно скромно. Поэтому со мной такого никогда не произойдет. А эта женщина сама виновата в случившемся. Надо было одеваться скромнее».

Однако отсутствие у наблюдателя возможности игнорировать свое личностное сходство с деятелем или жертвой приведет к уменьшению оценки ответственности соответствующего персонажа. Если в описанном выше примере женщина будет знать, что жертва изнасилования одевалась достаточно скромно, была того же возраста, что и она сама и т.д., ее речь, скорее всего, закончится следующим образом: «На улице творится такой беспредел. Приличному человеку стало страшно выходить из дома. Бедная женщина...».

Результаты исследований показали, что описанная закономерность проявляется тем ярче, чем реальнее описываемые респондентам ситуации (*Lerner, Miller, 1978; McKillip, Posavac, 1975; Shaver, 1970; Shaw, McMartin, 1977*).

Характерно, что связь ситуационного сходства с высокой степенью ответственности, приписываемой жертве, характерна только для людей, которые считают, что могут стать участником описанной ситуации, но еще не попадали в нее. Вместе с тем, те люди, которые однажды уже побывали в роли пострадавшего, наоборот, приписывают жертве меньшую ответственность за произошедшее.

Так, например, в одном исследовании (*Vinson, 1986*) принимали участие около 1000 респондентов, которые отвечали на ряд вопросов, связанных с ситуацией дорожно-транспортного происшествия, приведшего к тяжелым последствиям для водителя. Среди них были, например, следующие: «Какова степень ответственности Джима (водителя) за произошедшее с ним? Насколько был осторожен Джим, когда вел машину? Все ли Джим сделал для того, чтобы избежать аварии? Можно ли сказать, что авария произошла по воле случая? Какова вероятность того, что Вы станете участником такой аварии? На основании того немногого, что Вы знаете о Джиме, как Вы думаете, похож ли он на Вас? Есть ли у вас родственники или близкие друзья, похожие на Джима? Хотели бы Вы видеть Джима своим другом? Доверяете ли Вы Джиму?» Результаты показали, что люди, которые думали, что могут стать жертвой подобного происшествия, приписывали Джиму высокую степень ответственности, тогда как люди, которые уже попадали в такие аварии, симпатизировали Джиму и приписывали ему меньшую ответственность.

Причиной влияния восприятия наблюдателем своего личностного сходства с жертвой или деятелем на атрибуцию ответственности является, по-видимому, возникновение у субъекта восприятия идентификации с одним из них. Если наблюдатель полагает, что он похож на жертву, он будет идентифицироваться с ней и приписывать ей меньшую ответственность за происходящее. Вместе с тем, осознание им своего подобия деятелю приведет к идентификации и преуменьшению ответственности этого персонажа.

Так, в одном исследовании (*Stillwell, Baumeister, 1997*) респонденты читали описание ситуации, в которой деятель обещал жертве помощь, но не оказывал ее и даже совершал правонарушение. После прочтения ситуации респонденты должны были пересказать ее от первого или от третьего лица. При описании от первого лица часть респондентов становилась на место деятеля, а другая — на место жертвы. Результаты исследования показали, что участники, которые становились на место деятеля, т.е. идентифицировались с ним, по сравнению с теми, кто исполнял роль жертвы, при пересказе пропускали больше фактов, указывающих на их ответственность за произошедшее, или оценивали ущерб, понесенный жертвой, как менее серьезный.

- *Стереотипы*

На оценку ответственности жертвы и преступника могут оказывать влияние стереотипы — представления об особенностях и стиле поведения членов той группы, к которой они принадлежат. В частности, большую ответственность жертве изнасилования (и меньшую — насильнику) приписывают люди, придерживающиеся стереотипного взгляда на роль женщины в обществе (*Acock, Ireland, 1983; Brems, Wagner, 1994; Check, Malamuth, 1983; Shotland, Goldstein, 1983*), отвергающие идею о равенстве представителей разных полов при воспитании детей и в супружеских отношениях (*Caron, Carter, 1997*). Особенно это свойственно тем, кто принимает аттитюды к изнасилованию (*Krahe, 1991*).

Существуют некоторые межкультурные различия в атрибуции ответственности и вины. Например, жители ЮАР приписывают большую ответственность жертве изнасилования, чем австралийцы (*Heaven, Connors, Pretorius, 1998*).

2.3 Характеристики жертвы

Среди характеристик жертвы наибольший интерес исследователей вызывают ее физическая привлекательность и поведение во время совершения преступления.

- *Физическая привлекательность*

Проблема влияния физической привлекательности жертвы на оценку ее ответственности включает в себя два аспекта.

Первый аспект касается атрибуции ответственности жертвы преступления, прямо связанного с ее физической привлекательностью, например, изнасилования. Результаты некоторых исследований говорят о том, что менее привлекательной жертве изнасилования приписывается большая ответственность за то, что с ней произошло, поскольку, по мнению респондентов, некрасивая женщина должна приложить больше усилий, чтобы на нее напали, чем красивая (*Seligman, Paschal, Takata, 1974; Thornton, Ryckman, 1983; Tieger, 1981*), однако в других случаях такая связь отсутствует (*Best, Demmin, 1982; Ferguson, Dulhie, Graf, 1987; Jacobson, 1981; Kanekar, Kolsawalla, 1980*). Влияние привлекательности жертвы проявляется и при атрибуции вины: большая вина приписывается преступнику, изнасиловавшему красивую женщину, чем некрасивую (*Ferguson, Duthie, Graf, 1987*).

Второй аспект влияния физической привлекательности жертвы проявляется при атрибуции ответственности за преступления или события, прямо не связанные с внешностью жертвы: деятелю, жертвой действий которого стал непривлекательный человек, приписывается меньшая ответственность, чем если бы от его действий пострадал привлекательный персонаж. Так, например, при неказании помощи привлекательной жертве ответственность, которая приписывается ее братьям / сестрам, коллегам или воспитателю, большая, чем если жертва была непривлекательна. Однако непривлекательность ребенка никак не отражается на приписывании ответственности в ситуации родительно-детских отношений (*Miller, Bersoff, 1992*).

- *Поведение во время совершения преступления*

На оценку ответственности жертвы оказывает влияние степень, в которой ее поведение нарушает сложившиеся стереотипы или вступает в противоречие с некоторыми элементами представлений о преступлениях. Например, скрипт изнасилования подразумевает, что жертва должна оказывать сопротивление. Если же, по мнению наблюдателей, она ведет себя пассивно, это является свидетельством ее согласия на

вступление в половую связь. Например, мужчины предлагали наказать насильника менее строго, а жертве приписывали большую ответственность за изнасилование, когда она не оказывала должного сопротивления (*Krulowitz, 1981*).

2.4 Характеристики деятеля (преступника)

В качестве характеристик деятеля, оказывающих влияние на атрибуцию ответственности, стоит особо упомянуть социальный статус, физическую привлекательность и активность в достижении результата.

- *Социальный статус*

По результатам некоторых американских исследований степень ответственности и вины, приписываемой деятелю за совершение преступлений, уменьшается с увеличением его социального статуса (*Deitz, Byrnes, 1981*). Однако по данным других экспериментов этот фактор не имеет большого значения (*Krahe, 1991*).

- *Физическая привлекательность*

Физическая привлекательность деятеля способствует приписыванию ему меньшей ответственности за, например, совершение изнасилования (*Jacobson, 1981*) и увеличивает степень ответственности, приписываемой его жертве (*Yarmey, 1985*).

- *Активность в достижении результата*

Степень активности деятеля часто оказывается значимым фактором при оценке его ответственности за полученный результат, заслуженности им этого результата.

Например, человеку, активно ищущему работу, приписывается большая ответственность за ее получение по сравнению с менее активным. Он же оценивается как более заслуживающий ее и вызывает у наблюдателей более позитивные чувства (*Feather, Dawson, 1998*).

3. Проблемы изучения атрибуции ответственности

Несмотря на результаты, достигнутые за последние 40 лет, сторонники изучения атрибуции ответственности и вины до сих пор сталкиваются с рядом неразрешенных проблем теоретического и методического характера.

Наиболее важными из них являются проблемы, связанные с определением атрибуции ответственности и вины.

Определение атрибуции ответственности и вины

В первую очередь к ним стоит отнести проблему различения атрибуции ответственности и атрибуции вины. Как было показано выше, эта проблема имеет два аспекта. Первый из них связан с различием факторов, оказывающих влияние на оценку ответственности, с одной стороны, и вины — с другой. Именно этот аспект привлек внимание большинства исследователей и привел к созданию ими независимых моделей атрибуции ответственности и вины.

Второй аспект указанной проблемы касается взаимосвязи этих двух феноменов. Например, по мнению К.Шавера (*Alicke, 2000*), каузальная атрибуция, атрибуция ответственности и атрибуция вины являются тремя стадиями единого процесса. В основе второй стадии — атрибуции моральной ответственности — лежат суждения наблюдателя о сознательности нарушения деятелем моральных норм и о наличии у него свободы выбора. Атрибуция вины является третьей стадией описанного процесса и подразумевает учет обстоятельств, смягчающих ответственность деятеля. Однако в настоящее время утверждение о взаимосвязи атрибуции ответственности и вины практически не подвергается ни теоретическому, ни эмпирическому изучению, результатом чего является его относительная неразработанность.

На характер отношений между этими феноменами может пролить свет их одновременная фиксация в рамках одного исследования. Выше мы уже отмечали, что по результатам

некоторых исследований оценка виновности немного ниже оценки ответственности. Эта закономерность проявляется, например, при атрибуции ответственности и вины преступникам, совершившим убийство из мести или корысти (*Гулевич, 2003*). Однако в редких случаях мы встречаемся и с обратной закономерностью. Например, оценка вины психически больного преступника превышает оценку его ответственности (*Гулевич, 2003*). Таким образом, одновременная фиксация в исследованиях степени ответственности и вины дает возможность выделить условия их приписывания, а также продемонстрировать связь между этими феноменами.

Вторая проблема определения атрибуции ответственности и вины связана с наличием нескольких видов последней. В частности, некоторые авторы выделяют поведенческую и характерологическую вину (*Janoff-Bulman, 1979*). Под характерологической виной понимается атрибуция вины за содеянное личностным особенностям человека: он виноват, поскольку обладает такими неизменными особенностями, как неосторожность, лень и т.д. Приписывая характерологическую вину, наблюдатель как бы говорит: «Он все время будет попадать в такие ситуации, поскольку он такой человек». Этим он закрывает возможность изменения своего отношения к объекту атрибуции (деятелю или жертве). Атрибуция поведенческой вины подразумевает, что наблюдатель считает неправильным поведение, но не личностные особенности деятеля или жертвы: «Он виноват, поскольку повел себя неправильно. В следующий раз он исправится». Таким образом, этот тип атрибуции является показателем того, что наблюдатель рассматривает случившееся с человеком как временное явление, которое не повторится при условии приложения им некоторых усилий. Атрибуция одного из типов вины не предусматривает приписывание другого: люди приписывают жертве изнасилования скорее поведенческую вину, чем характерологическую (*Janoff-Bulman, 1979*).

Наличие разных типов атрибуции вины ставит вопрос о типах ответственности, приписываемой людьми деятелю или

жертве в ходе повседневной коммуникации. Различается ли в сознании людей правовая и моральная ответственность? Каково их определение? Какие еще типы ответственности используются людьми в обыденной жизни?

Наряду с проблемами определения атрибуции ответственности и вины существует несколько вопросов, связанных с содержанием этих феноменов: кто является объектом атрибуции? ее субъектом? как зависит атрибуция ответственности и вины от характера произошедшего события?

Объект
атрибуции

Таким образом, третья проблема, связанная с изучением атрибуции ответственности и вины, касается ее объекта. **Кто является объектом подобной атрибуции: деятель (преступник), жертва или обстоятельства?** Существующие модели атрибуции ответственности и вины описывают процесс их приписывания деятелю (преступнику). Вместе с тем, в целом ряде эмпирических исследований, связанных с атрибуцией в ситуации изнасилования, объектом является жертва, пострадавшая от действий преступника. И наконец, теоретически ответственность и вина могут приписываться не только деятелю или жертве, но и обстоятельствам. Попеременный интерес исследователей только к одному из возможных объектов атрибуции ответственности и вины приводит к ограничению полученных в исследованиях результатов и постановке новых вопросов.

• Каким образом связаны между собой приписывание ответственности и вины деятелю, с одной стороны, и жертве с другой? Некоторые исследователи исходят из предположения о взаимоисключающем характере этих феноменов: приписывание высокой степени ответственности жертве приводит к понижению ответственности деятеля, и наоборот. Например, если респонденты, верящие в справедливый мир, приписывают высокую ответственность жертве изнасилования, это означает, что они таким образом снимают ответственность с преступника. Однако в ряде случаев атрибуция ответственности и вины преступнику и жертве являются не взаимоисключающими, а параллельно развивающимися феноменами.

Так, результаты российского исследования показывают, что возрастание оценки ответственности и вины преступника, совершившего убийство, сопровождается возрастанием подобных оценок относительно его жертвы (Гулевич, 2003).

• Лежат ли в основе атрибуции ответственности и вины жертве, с одной стороны, и деятелю — с другой, одни и те же процессы? Например, если на оценку ответственности деятеля оказывает влияние наличие у него намерений и свободы выбора, то являются ли эти факторы определяющими при атрибуции ответственности жертвы? А если нет, то чем отличается атрибуция ответственности каждому из указанных персонажей? Рассматривая влияние разных факторов на атрибуцию ответственности и вины, мы видели, что большинство из них значимы только для одного из персонажей: они определяют оценку ответственности и вины либо жертвы, либо деятеля. Однако такой результат — это, скорее, артефакт процедуры исследования, при котором авторов интересует атрибуция ответственности и вины только одной из сторон. Таким образом, следующим является вопрос о степени влияния описанных выше факторов на атрибуцию ответственности и вины как деятелю, так и жертве его действий.

• Считают ли люди возможным приписывание ответственности и вины обстоятельствам, при которых произошло событие (ситуации в стране, погоде, неудобному расположению рабочего места деятеля и т.д.), и если да, то как оно соотносится с атрибуцией ответственности и вины деятелю и жертве?

С проблемой объекта атрибуции ответственности и вины тесно связана проблема ее субъекта, в качестве которого могут выступать независимый наблюдатель, деятель, жертва или связанные с ними люди. В большинстве исследований, посвященных атрибуции ответственности и вины, в качестве субъекта выступает незнакомый с деятелем и жертвой независимый наблюдатель. Однако немногочисленные данные показывают, что характер атрибуции ответственности и вины различается в зависимости от той роли, которую субъект атрибу-

Субъект
атрибуции

ции играет в рассматриваемом событии. Например, независимый наблюдатель с большей вероятностью обратит внимание на наличие у вора свободы выбора, чем пострадавший человек. Таким образом, еще одним направлением изучения атрибуции ответственности и вины является определение их специфики в зависимости от роли субъекта оценки.

Пятая проблема, возникающая при изучении атрибуции ответственности и вины, связана с **типом рассматриваемых** исследователями **событий**. В начале главы мы отмечали, что атрибуция ответственности связана с широким классом ситуаций, как с позитивным, так и негативным исходом. Однако большинство исследований проведено на материале преступлений — событий с негативным исходом. Среди преступлений, вызывающих наибольший интерес исследователей — изнасилование, кража, дорожно-транспортные происшествия, реже убийства. Такая ограниченность анализируемых ситуаций приводит к возникновению ряда вопросов.

- Различается ли атрибуция ответственности в ситуациях с позитивным и негативным исходом? Например, Ж.Макмартин и Ж.Шоу обнаружили, что деятель считается ответственным лишь за незначительные полученные им позитивные результаты, тогда как крупный успех приписывается случайности (*Shaw, McMartin, 1977*). Однако при приписывании ответственности за нанесение ущерба наблюдается обратная закономерность.

- Различается ли атрибуция ответственности и вины в зависимости от типа преступления? Результаты ряда исследований позволяют ответить на этот вопрос положительно. Например, в случае воровства жертвам приписывают большую ответственность, чем преступникам, тогда как в случае изнасилования закономерность обратная (*Brems, Wagner, 1994*). Поэтому остро встает вопрос о выделении разных типов преступлений, связанных с разной оценкой ответственности преступника и жертвы. В качестве параметров классификации преступлений могут быть рассмотрены, например, «катастрофичность преступления» и тип нанесенного ущерба.

Тип событий

Первый параметр — это «катастрофичность преступления». В соответствии с ним преступления можно разделить на две группы. К первой группе относятся преступления, направленные против какого-либо человека персонально, например, заказное убийство или кража. Во вторую группу входят те преступления, которые направлены против людей вообще: преступнику все равно, кто именно станет жертвой такого преступления (террористический акт). Преступления, относящиеся ко второму типу, подобны катастрофе, и поэтому ответственность, которая приписывается жертвам таких преступлений, ниже, чем ответственность, приписываемая жертвам преступлений первого типа (*Гулевич, 2001*).

Второй параметр классификации преступлений — тип нанесенного ущерба. В частности, преступления могут быть связаны с нанесением физического, материального и психологического ущерба. В главе, посвященной правосознанию, мы говорили о том, что физический ущерб оценивается респондентами как наиболее, а материальный — как наименее серьезный. Таким образом, атрибуция ответственности и вины преступнику и жертве может различаться в зависимости от нанесенного ущерба (*Brems, Wagner, 1994*).

Шестая проблема изучения атрибуции ответственности и вины касается **факторов, оказывающих влияние на ее направление**. Анализ проведенных исследований позволяет выявить четыре аспекта этой проблемы.

- Во-первых, неизвестно, какие факторы оказывают наибольшее влияние на атрибуцию ответственности, что учитывается субъектом восприятия прежде всего: размер нанесенного ущерба, особенности жертв, мотивация преступника и т.д.?

- Кроме того, среди характеристик жертвы и преступника, влияние которых на атрибуцию ответственности и вины интересует исследователей, преобладают особенности внешнего вида (респектабельность, физическая привлекательность, социальный статус) и поведения во время совершения

Факторы

преступления. При этом из виду упускаются такие психологические особенности, как мотивация преступника, наличие близких отношений между ним и его жертвой или способность жертвы оказать преступнику сопротивление. Однако именно такие характеристики, относящиеся к намерениям и способностям преступника и жертвы, могут оказывать серьезное влияние на суждения об ответственности и вине каждого из них.

- Третий аспект проблемы факторов связан с неоднозначностью полученных в исследованиях результатов. Например, изучение влияния пола респондентов на атрибуцию ответственности показало, что в некоторых случаях мужчины оценивают жертву изнасилования как более ответственную за совершение преступления, чем женщины (*Calhoun et al., 1978; Jenkins, Dambrot, 1987; Thornton, Robbins, Johnson, 1981; Thornton, Ryckman, 1983*), и чаще соглашаются с тем, что жертва сама спровоцировала насильника, особенно если она была непривлекательна, а он привлекателен. Однако в некоторых исследованиях (*Acock, Ireland, 1983; L'Armand, Pepitone, 1982*), в том числе неамериканских (немецких и английских) (*Krahe, 1991*), такой связи не было выявлено или была найдена обратная связь (*Howard, 1984*).

- Причиной неоднозначности результатов в некоторых случаях является отсутствие точного определения фактора. В частности, анализ проведенных исследований не позволяет точно определить влияние «респектабельности» жертвы на атрибуцию ей ответственности и вины: в некоторых из них большая респектабельность жертвы связана с приписыванием ей меньшей ответственности за произошедшее, в других случаях она приводит к возрастанию ответственности, а в третьих связь вообще отсутствует. По-видимому, противоречивость полученных результатов связана с неоднозначностью определения самого понятия «респектабельность». В качестве ее показателей выступают семейный статус, профессия, наличие в прошлом случайных сексуальных контактов и т.д. (*Alexander, 1980; Feldman-Summers, Linder, 1976; Krahe, 1991; Luginbuhl, Mullin, 1981*).

Последняя проблема изучения атрибуции ответственности и вины связана с лабораторным характером большинства исследований, что приводит к понижению их внешней валидности, ограниченности применения полученных закономерностей при работе в «поле», например в суде присяжных. Это делает необходимым проведение полевого изучения атрибутивных процессов.

Контекст изучения

Попытка преодолеть указанное ограничение была предпринята в исследовании (*Гольничик, 2002*), автор которого проводила интервью с присяжными, принявшими участие в рассмотрении четырех уголовных дел в Московском областном суде. Полученные результаты показали, что наиболее значимыми факторами, учитываемыми присяжными при оценке ответственности за совершение преступления, являются (в порядке убывания значимости):

- обстоятельства совершения преступления. К ним относятся умышленность содеянного и мотив преступления, а также состояние алкогольного опьянения; молодость подсудимого, зависимость молодого подсудимого от старшего сообщника, наличие неизвестного сообщника; предшествующие неприязненные отношения между подсудимым и потерпевшим; социальная опасность преступления, хранение подсудимым оружия;
- события, произошедшие после совершения преступления: во время проведения расследования и в ходе судебного процесса. К ним относятся признание подсудимым своей вины, его попытка уйти от правосудия; сокрытие подсудимым имени истинного преступника или причин преступления; «сваливание» подсудимым вины на другого человека; изменение подсудимым собственных показаний, данных ранее;
- информация о личности подсудимого, его образе жизни, прошлых судимостях².
- представления о состоянии подсудимого, потерпевшего и свидетелей в зале суда;
- индивидуальные и коммуникативные особенности адвоката, прокурора и судьи;

- чувства к участникам процесса, например жалость по отношению к молодому подсудимому, потерпевшему или свидетелю;

- жизненный опыт и интуиция, со слов присяжных, оказались важными только для некоторых из них, так же, как и наказание, которое ждет подсудимого в случае вынесения обвинительного вердикта.

Наличие всех перечисленных проблем позволяет надеяться, что изучение атрибуции ответственности и вины будет продолжено.

Примечания

¹ Для измерения веры человека в справедливый мир существует несколько опросников. Один из них состоит из трех шкал, среди которых «контроль за окружающей средой» («если мне что-то удалось — значит я заслужил это»), «контроль за другими людьми» («общительные люди заслуживают счастья»), «контроль за социально-политической средой» («невиновные редко оказываются в тюрьме») (*Crozier, Joseph, 1997*).

Эти опросники рассчитаны на выявление индивидуальных различий по вере в справедливый мир. Результаты исследований, проведенных с их использованием, показали, например, что более молодые респонденты видят мир как менее справедливый и менее благосклонный к ним, чем пожилые люди, которые, в свою очередь, рассматривают мир как счастливый и контролируемый (*Calhoun et al., 1998*).

² Предоставление подобной информации запрещено законом, однако присяжные были заинтересованы в ее получении.

Глава III. Направления изучения представлений о справедливости¹

Интерес исследователей, занимающихся проблемами из области психологии и права, к представлениям о справедливости связан прежде всего с особенностями мотивации присяжных заседателей, которые считают, что основной целью их участия в судебном процессе является восстановление справедливости.

Кроме того, феномен справедливости занимает важное место в обыденном сознании. В частности, «справедливость» входит в состав правового сознания жителей России и Франции, являясь одним из элементов социальных представлений о законе (*Курильски-Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, 1998*). Понятие справедливости является одним из центральных для модели правового развития Дж.Тапп и Ф.Левина (*Николаева, 1993*). Кроме того, некоторые авторы (Л.Колберг, Ж.Пиаже) считают справедливость основным элементом морального сознания (*Воловикова, Соснина, 2001; Николаева, 1995*).

1. Виды и функции представлений о справедливости

Большинство психологических исследований, посвященных изучению представлений о том, что является справедливым, основано на разделении двух типов справедливости: дистрибутивной и процедурной. Под дистрибутивной справедливостью понимается справедливость распределения вознаграждения / наказания участникам какого-либо события. Под процедурной справедливостью понимается справедливость той процедуры, которая используется при вынесении реше-

ния. В некоторых исследованиях выделяют третий тип — межличностную справедливость, которая связана с оценкой того, насколько вежливо обошлись с участником события и как его информировали о принятом решении. Однако чаще всего межличностная справедливость рассматривается как один из аспектов процедурной справедливости.

Кроме того, некоторые исследователи указывают на существование нескольких уровней анализа представлений о справедливости: внутрииндивидуального, межличностного и межгруппового (Austin, 1979). В этой главе мы будем рассматривать представления о справедливости, регулирующие межличностное общение между людьми.

Представления о дистрибутивной и процедурной справедливости являются важным регулятором человеческого поведения в правовой сфере, а также в сфере межличностных и деловых отношений.

В частности, важность представлений о дистрибутивной справедливости проявляется в том, что постоянное столкновение человека с несправедливостью приводит к доминированию в его эмоциональной сфере негативных чувств, например злости. Возникшая злость оказывает влияние на когнитивные процессы, делая из человека «интуитивного обвинителя», желающего жестоко наказать виновника несправедливости, не желающего смотреть на смягчающие обстоятельства, воспринимающего амбивалентное поведение деятеля как однозначно угрожающее и преуменьшающее роль неконтролируемых факторов в его поведении (Keltner, Ellsworth, Edwards, 1993; Lerner, Dodge, 1993; Lerner et al., 1998; Quigley, Tedeschi, 1996). «Интуитивные обвинители» склонны наказывать деятеля вне зависимости от намеренности его поведения. Данная тенденция в большей степени характерна для тех, кто постоянно сталкивается с несправедливостью, чем для тех, кто редко попадает в подобные ситуации (Golberg, Lerner, Tetlock, 1999).

Однако даже единичный акт несправедливости приводит к ухудшению самочувствия человека. Степень этого ухудшения

зависит от той роли, которую он играет в происходящем. Наиболее серьезные переживания свойственны жертве.

Эффект возникновения интенсивных негативных переживаний у жертвы был продемонстрирован в исследовании, проведенном с участием китайских студентов (Chiu, 1991). В этом эксперименте респонденты читали рассказ о двух помощниках менеджера: женщине, успешно работающей в коммерческой компании на протяжении 10 лет, и мужчине, посредственно работающем в этой организации в течение 2 лет. После прочтения рассказа респонденты из первой экспериментальной группы узнавали, что для повышения по службе руководством компании была выбрана женщина. Респондентам из второй и третьей экспериментальных групп говорили, что, поскольку руководство компании было предубеждено против женщин, именно мужчина продвинулся по служебной лестнице. После этого респондентов из первой и второй экспериментальных групп просили представить себя на месте мужчины, либо потерпевшего неудачу в построении карьеры (для первой группы), либо ставшего причиной совершенной несправедливости (для второй группы). Респонденты из третьей группы должны были представить себя на месте женщины, ставшей жертвой несправедливости. Результаты показали, что респонденты из второй группы, представившие себя на месте мужчины, получившего несправедливое повышение, испытывали двойственные чувства: радость и чувство вины. Те же, кто выступал от имени отвергнутой женщины, чувствовали злость и оценивали мужчину как менее компетентного по сравнению с респондентами из первой экспериментальной группы².

Несмотря на негативные эмоциональные последствия актов несправедливости, их разрушительность зависит от индивидуальных особенностей респондентов: их чувствительности к несправедливости и выраженности потребности в восстановлении справедливости (Dalbert, Montada, Schmitt, 1987; Maes, 1994; Rubin, Peplau, 1973; Schwartz, 1992). Несколько лет назад был создан опросник для измерения чувствительности к несправедливости включающий в себя четыре шкалы: «частота восприятия несправедливых событий», «интенсивность злости при несправедливости», «навязчивость мыслей о несправедливости» и «желание наказать нарушителя» (Schmitt et al., 1995). Важность индивидуальных различий заключается в том, что люди с высокой чувствительностью к неспра-

ведливости более сензитивны к относительной депривации (*Schmitt, Mohiyeddini, 1996*), различию между реальным и идеальным положением дел, что влияет на их удовлетворенность своей жизнью, работой и психосоматическим состоянием (*Schmitt, Dorfel, 1999*).

Чувства, возникающие как результат нарушения справедливости, заставляют человека стремиться к ее восстановлению. Однако эта тенденция характерна, в основном, для тех людей, которые объясняют возникшее у них напряжение несправедливым событием, а не какими-либо иными обстоятельствами.

Например, в одном исследовании (*Hassebrauck, 1987*) каждый респондент, совместно со своим партнером, в роли которого выступал подставной испытуемый, в течение 5 минут выполнял экспериментальное задание, собирал мозаику. После этого оба участника заполняли опросники, в которых оценивали, какую работу выполнил каждый из них и как должно быть распределено положенное им денежное вознаграждение. Респонденту говорили, что распределение денег будет осуществляться либо на основе его собственных ответов, либо на основе ответов его партнера. На самом деле деньги распределялись одним из двух способов, якобы на основе ответов подставного испытуемого. В первом экспериментальном условии — условия слабо выраженной несправедливости — подставной испытуемый забирал себе 8 немецких марок из 15, а в условии сильно выраженной несправедливости — 13 из 20. Таким образом, настоящий испытуемый всегда получал 7 марок. Кроме того, половине респондентов говорили, что они находятся под воздействием инфракрасного излучения, которое вызывает кратковременное возбуждение, спадающее сразу после выполнения задания и распределения денег. Оставшимся респондентам также сообщали про облучение, подчеркивая при этом, что оно не оказывает никакого влияния на их состояние. После выполнения первого задания и распределения вознаграждения респондентам предлагалось принять участие во втором этапе эксперимента, на котором они могли восстановить справедливость.

Результаты исследования показали, что интенсивность восстановления справедливости во второй фазе эксперимента зависела от выраженности несправедливости в его первой фазе: респонденты из условия «сильно выраженной несправедливости» чаще пытались

восстановить справедливость, чем их коллеги из другой экспериментальной группы. Кроме того, большую склонность к восстановлению справедливости проявили те люди, которые, становясь жертвой серьезной несправедливости, не приписывали возникающее возбуждение источнику инфракрасного излучения.

Представления о процедурной справедливости также оказывают влияние на аттитюды и поведение человека. Оценка процедуры распределения вознаграждения как справедливой ведет к возникновению у ее участников и наблюдателей некоторых убеждений, которые впоследствии могут оказать влияние на их поведение.

Среди таких убеждений аттитюды людей:

- *к опыту своего взаимодействия в рамках правовой системы.* Восприятие процедуры как справедливой ведет к удовлетворению человека своим взаимодействием в правовой системе и к более позитивному отношению к ней (*Tyler, 1987*);

- *к работникам правовых институтов.* Оценка справедливости процедуры приводит к более позитивному восприятию тех, кто должен стоять на страже закона (работникам правоохранительных органов, суду и судье): при использовании справедливой процедуры чувства людей по отношению к ним позитивны, вне зависимости от результата, а при нежелательности результата и несправедливости процедуры — негативны (*Tyler, 1984, 1987*). Негативная оценка собственного опыта взаимодействия в рамках правоохранительных органов и суда и чувство процедурной несправедливости приводит к негативной оценке представителей власти (*Tyler, 1989*);

- *к правовым решениям.* Восприятие справедливости судебного решения подвержено влиянию оценки справедливости судебной процедуры (*Walker, et al., 1974; LaTour, 1978; Lind, et al., 1980*): изменение процедуры влияет на оценку ее справедливости, а это, в свою очередь, на оценку справедливости приговора, вне зависимости от его качества. Однако влияние оценки справедливости процедуры на оценку справедливости судебного приговора уменьшается одновременно с уменьшением интенсивности участия человека в принятии

решения (от активного участия, через простую заинтересованность в исходе дела до отсутствия и того, и другого) (Walker, Lind, Thibaut, 1979);

• к легитимности правовой системы. Процедурная справедливость приводит к повышению оценки гражданами легитимности действий властей (Tyler, 1987).

Кроме того, чувство процедурной несправедливости приводит к девиантному поведению, негативным эмоциям, в т.ч. постоянной враждебности, соматическим заболеваниям, депрессии (Tyler, 1989). Однако проявление этой симптоматики зависит от того, с кем именно общается человек. Например, у преступников все симптомы наблюдаются только при оценке несправедливости взаимодействия с работниками коррекционных структур, депрессия связана с оценкой взаимодействия с полицией, и никаких симптомов не возникает при несправедливом общении с судьями (Blaauw, Winkel, Vermunt, 2000).

В целом показано, что люди более позитивно реагируют на решения, принятые с использованием процедуры, которую они рассматривают как справедливую, по сравнению с решениями, достигнутыми при помощи несправедливой процедуры (Brockner et al., 2001)³.

Таким образом, изучение представлений о справедливости является одной из ключевых проблем в сфере психологии и права. Исследование этой проблемы имеет почти полувековую историю, хотя расцвет изучения представлений о справедливости пришелся на конец 60-х — начало 80-х годов XX в. В настоящее время интерес исследователей сосредоточен, в основном, на изучении представлений о дистрибутивной справедливости и справедливости в целом.

2. Направления изучения представлений о дистрибутивной справедливости

За почти полувековую историю изучения представлений о дистрибутивной справедливости в понимании того, что именно входит в структуру таких представлений, произошли **качественные изменения**.

Особенности изучения

Первое направление изменения связано с пониманием того, что именно включают в себя представления о справедливости. С середины 60-х годов основным объектом исследования были нормы дистрибутивной справедливости, т.е. нормы, на основании которых респонденты оценивали справедливость распределения вознаграждения. Когда стало ясно, что нельзя выделить одну-единственную норму дистрибутивной справедливости, исследователи заинтересовались факторами, определяющими выбор одной из возможных норм в данной ситуации. Все это время сторонники подобных исследований оперировали термином «справедливость». Однако в последнее десятилетие аспект изучения представлений о дистрибутивной справедливости сильно изменился. Это изменение проявляется прежде всего в том, что в качестве основной составляющей структуры житейских представлений о справедливости стали рассматриваться типы событий, оцениваемых людьми как несправедливые, а также стратегии поведения в ситуации несправедливости. Ключевым термином в данном случае является «несправедливость» события, а не его «справедливость». Недавно была предпринята попытка формулировки житейского определения несправедливого события.

Второй аспект изменения исследований, посвященных представлениям о справедливости, касается модификации используемых методов. В первых исследованиях дистрибутивной справедливости вывод о нормах справедливости распределения вознаграждения, использующихся респондентами, делался на основании наблюдения за их поведением (см. введение). Однако в последнее десятилетие в качестве основно-

го метода стали выступать проективные ситуации, а также свободные описания людей и событий, их классификация.

В основе этих изменений лежит смена теоретических подходов к пониманию феномена справедливости: бихевиоризм постепенно уступил место когнитивизму. В таблице 3.1 представлены различия между этими направлениями.

В российской психологии представления о справедливости изучаются, как правило, в рамках общей психологии, в русле психосемантического подхода, который является одним из направлений, существующих внутри когнитивной традиции.

Таким образом, в настоящее время можно выделить следующие элементы структуры представлений о справедливости в целом и ее дистрибутивном аспекте:

- определение справедливости/несправедливости события;
- виды событий со справедливым / несправедливым исходом⁴;
- нормы оценки справедливости / несправедливости события и факторы, влияющие на выбор этих норм⁵;
- стратегии восстановления справедливости.

Построение **определений справедливого и несправедливого события** происходит с использованием трех методов: ассоциаций, свободного описания людей и событий, их оценки по ряду критериев.

В первом случае исследователь получает набор понятий, ассоциативно связанных для респондента со словом «справедливость», и таким образом, пытается воссоздать соответствующую часть семантической структуры сознания.

Например, в исследовании, проведенном с участием молдаван и молдавских цыган (*Воловикова, Соснина, 2001*), респонденты придумывали по три ассоциации на слово «справедливость». Результаты показали, что ассоциации с этим словом у цыган и молдаван различны. В частности, некоторые ассоциации, такие как «клятва», встречались только у цыган и связаны с их образом жизни. Вместе с тем, ассоциации справедливости с ответственностью, принципиальностью, строгостью и равенством встречались только у молдаван. По мнению авторов исследования, эти понятия (особенно «равенство») свойственны западному типу мышления, и их

Таблица 3.1. Бихевиоральный и когнитивный подходы к изучению представлений о справедливости

Критерий различия	Бихевиоризм	Когнитивизм
Основной предмет изучения	Нормы справедливости Преимущественный интерес к феномену справедливости	Житейское определение справедливости / несправедливости, место этого понятия в семантической структуре сознания; классификация справедливых/ несправедливых событий; стратегии восстановления справедливости. Интерес к феноменам справедливости и несправедливости.
Целостность/дробность представлений о справедливости	Априорное выделение трех видов справедливости (дистрибутивной, процедурной, межличностной)	Изучение справедливости как целостного феномена, исследование оснований обывденной классификации справедливых и несправедливых событий
Статичность/динамичность представлений о справедливости	Изучение феномена справедливости как статического феномена	Интерес к развитию представлений о справедливости в онтогенезе (Ж.Пиаже, Л.Колберг) ⁶
Основной метод изучения	Одна группа испытуемых помещается в условия нарушения выделенной исследователями нормы справедливости, а другая — в условия ее соблюдения. В конце исследования психологи фиксируют поведение респондентов, которое, по их мнению, является способом восстановления справедливости (распределение вознаграждения, вынесение решения, изменение качества работы).	Методы опроса с использованием проективных ситуаций; открытых вопросов, ответы на которые подвергаются контент-анализу; ассоциативных методик, семантического дифференциала, классификаций. Эти методики используются в рамках как экспериментальных процедур, так и описательного подхода.

появление может быть связано не только с более высоким уровнем образованности молдаван, но и с высокой субъективной ценностью образования. Кроме того, было выявлено, что у молдаван чаще встречаются ассоциации со словами «честность» и «искренность», а у цыган самая употребляемая ассоциация справедливости с добротой, что, возможно, объясняется особенностями воспитания: у цыган детей не дергают, не наказывают и часто ласкают.

Исследование, недавно проведенное авторами этой книги при участии студентов МГУ и МГПУ, показало, что шестью наиболее часто встречающимися у российских студентов ассоциациями со словом «справедливость» были (в порядке убывания) «честность», «правда (истина)», «закон (уголовный кодекс)», «суд», «равенство» и «доброта». Кроме того, анализ сформулированных респондентами ассоциаций позволил выделить группы понятий, семантически связанных со «справедливостью». Среди них:

- честность и порядочность (честность, объективность, принципиальность, искренность, прямота, порядочность, благородство, нравственность, совесть) (20% ассоциаций);
- закон и правосудие (закон, УК, конституция, право, правосудие, весы, суд, судья, присяжные) (16,6%);
- хорошее отношение к другому человеку и оказание помощи (дружба, любовь, уважение, понимание, доверие, взаимопомощь, помощь, доброта, терпимость, верность, гуманность, гуманизм) (14,5%);
- равноправие, равенство (5%);
- счастье и мечта (счастье, радость, вера, мечта, надежда) (4%).

Во втором случае респонденты описывают примеры справедливых / несправедливых событий, справедливого / несправедливого человека и его действия. Анализ этих описаний позволяет сделать вывод об обыденном определении справедливости.

Пример такого описания также заимствован нами из исследования М.И.Воловиковой и Л.М. Сосниной. Так, для молдаван справедливым человеком является тот, кто может дать совет, научить правильно себя вести, научить осознавать свои несправедливые дела

(«покаяться»), спасает других, рискуя жизнью, «он вначале думает о других, а потом о себе». Такой человек не всегда действует «по букве» закона. Примерами справедливых событий для молдаван являются восстановление попранной справедливости, соблюдение равных прав, помощь пострадавшим, исполнение Закона Божьего.

И наконец, в третьем случае авторы отталкиваются от уже имеющегося у них определения справедливости / несправедливости. Например, Г.Микула (*Mikula, 1993*), проанализировав литературу, посвященную явлению справедливости, выделил пять элементов определения несправедливого события:

- нарушение неприкосновенности: степень, в которой неприкосновенность человека воспринимается как нарушенная;
- личностная атрибуция: степень, в которой причина нарушения неприкосновенности человека объясняется действием (бездействием) других лиц (людей, групп, институтов) скорее, чем совершенным пострадавшим;
- контролируемость: степень, в которой эти лица воспринимаются как контролирующие свои действия (бездействие);
- намерения: степень, в которой эти действия (бездействие) выглядят как намеренно совершенные упомянутыми лицами;
- недостаток оправдания: степень, в которой действия (бездействие) этих лиц воспринимаются, как недостаточно оправданные.

Для того, чтобы проверить важность каждого элемента для определения несправедливости в целом, Микула провел два исследования. Участниками первого из них были супружеские пары. Он просил их вспомнить несправедливое событие, произошедшее за время их совместной жизни, и оценить его по ряду шкал: степени несправедливости, личностной атрибуции и намерениям, приписываемым нарушителю, а также наличию оправданий его поведения (2, 4 и 5-й элементы определения). Результаты этого исследования показали, что оценка несправедливости события действительно зависит от трех перечисленных обстоятельств.

Во втором исследовании принимали участие пары друживших девочек-подростков. Они выполняли аналогичное задание, оценивая события по вышеприведенным критериям. Однако в данном случае исследователь использовал еще два параметра оценки: кон-

тролируемость и степень, в которой жертва заслужила произошедшее с ней. Результаты этого этапа продемонстрировали, что оценка несправедливости события зависит от оценки намерений нарушителя и наличия оправдания его поведению.

Таким образом, по данным Миккулы, житейское определение несправедливого события выглядит следующим образом: это событие, связанное с нарушением неприкосновенности жертвы человеком или людьми, контролирующими свои действия и не имеющими оправдания собственному поведению.

Несмотря на интересные результаты, к которым может привести попытка построить житейское определение несправедливого события, изучение представлений о несправедливости началось не с создания подобного определения, а с выделения двух условий, которые провоцируют восприятие исхода события как несправедливого. К таким условиям относят эффект относительной депривации и близость к достижению результата, который не был получен.

Теория относительной депривации была сформулирована в результате экспериментов, проведенных во время Второй мировой войны в американской армии (Stouffer, et al., 1949). Результаты этих экспериментов показали, что солдаты разных подразделений американской армии в разной степени недовольны своим положением, и это недовольство связано с темпами продвижения по службе. Причем у летчиков, которые имели большую возможность получить повышение по службе, чем служащие военной полиции, степень неудовлетворенности была более высокой, чем у последних. Авторы исследования объясняли эту парадоксальную ситуацию тем, что летчики сравнивали свое положение с положением людей, которые служили с ними в одной части, успешно получая повышения, и приходили к неутешительным выводам. А солдаты военной полиции сравнивали свое положение с положением своих сослуживцев, которые, так же как и они сами, не получали особых наград. То есть, согласно теории относительной депривации, человек чувствует себя обделенным не тогда, когда ему на самом деле чего-то не хватает, а тогда, когда

Факторы, влияющие на выраженность феномена

люди, с которыми он себя сравнивает, получают большее вознаграждение, чем он сам.

Однако негодование и неудовлетворенность своим положением — не обязательное следствие сравнения, проведенного не в свою пользу. Некоторые авторы выделяют ряд условий, при которых относительная депривация действительно вызывает раздражение. Ф.Кросби (Crosby, 1976), например, утверждал, что это происходит, когда люди:

- видят, что те, кто похож на них, имеют то, что они сами хотят получить;
- чувствуют, что заслужили исполнение своего желания;
- думают, что малореально достичь желаемого;
- не обвиняют в неудаче себя.

Он проверил эти предположения в эксперименте (Berstein, Crosby, 1980), в котором респонденты, прочитав о человеке, который не может достичь желаемого, должны были определить, насколько сильное негодование должен был чувствовать герой этого рассказа. Рассказы различались между собой по тем параметрам, которые были описаны выше. Результаты этого исследования показали, что три из четырех предположений Кросби были верны. Действительно, респонденты приписывали большее негодование человеку, который видел, что другие люди получают желаемое вознаграждение; считал, что заслужил исполнение своего желания, и полагал, что вероятность получить желаемое в будущем низка. Однако, вопреки ожиданиям, большее негодование вызывало не отсутствие ответственности за неудачу, а ее наличие.

Однако связь между теорией относительной депривации и представлениями о справедливости / несправедливости события скорее косвенная, чем прямая. В теории относительной депривации речь идет прежде всего о неудовлетворенности человека своим положением, а не об оценке его справедливости или несправедливости. Рассмотрение относительной депривации в качестве одного из условий, провоцирующих восприятие несправедливости события, основано на убеждении в том, что неудовлетворенность человека своим положением — результат его оценки как несправедливого. Данное предположение требует специальной проверки.

В качестве второго условия, определяющего оценку справедливости / несправедливости исхода события, некоторые авторы выделяют *близость к достижению результата*, который не был получен. По их мнению, недовольство сложившейся ситуацией — это результат уверенности человека в том, что «почти все получилось» (*Kahneman, Tversky, 1982; Kahneman, Varey, 1990; Macrae, 1992*).

Например, в одном исследовании (*Folger, Rosenfield, Robinson, 1983; Folger, Martin, 1986; Cropanzano, Folger, 1989*) респондентам говорили, что у них есть шанс получить награду за участие в эксперименте. Но когда эксперимент заканчивался, им рассказывали, что они не заслужили ее. При этом половине респондентов говорили, что была и другая экспериментальная группа, и если бы они были в ней, то получили бы вознаграждение при таком качестве работы, которое продемонстрировали. Другой половине ничего не говорили об альтернативной группе. Результаты показали, что члены первой группы демонстрировали недовольство сложившейся ситуацией. Вместе с тем, недовольство не наблюдалось, если респонденты не знали о возможности получения вознаграждения.

Рассмотрение близости к достижению результата как условия восприятия несправедливости события наталкивается на те же трудности, что и выделение эффекта относительной депривации. В данном случае речь идет о негативных эмоциях, которые испытывает человек, упустивший свой шанс. Однако раздражение и сожаление может быть вызвано не только восприятием несправедливости события, но и другими факторами, например понижением самооценки.

Выделение **типов событий, оцениваемых респондентами как несправедливые**, — это еще одно направление изучения житейских представлений о справедливости. Для выделения таких событий респондентов просят описать несколько конкретных ситуаций, которые они бы могли назвать несправедливыми. Среди таких событий выделяются те, которые имеют отношение как к дистрибутивной, так и к процедурной справедливости. На основании полученных результатов исследователи составляют максимально полный перечень таких событий и просят респондентов произвести их класси-

фикацию. Обработка результатов классификации дает возможность выделить типы несправедливых событий, существующие в обыденном сознании.

Результаты проведенных исследований указывают на культурную специфичность обыденных представлений о несправедливости. Например, по мнению респондентов из западно-европейских стран, несправедливые события могут быть разделены на следующие группы (*Mikula, 1993*):

- унижение кого-либо (нарушение соглашения, неуважение чувств, нужд и желаний других, использование преимуществ партнера для собственного обогащения);
- невежливость (неискренность, насмешка над человеком, оскорбление);
- эгоистическое поведение (эгоистическое поведение, затрагивающее чьи-то интересы);
- необоснованное применение власти (нарушение или ограничение автономии человека и его независимости, наказание);
- кража;
- недружелюбное или агрессивное поведение;
- произвол властных фигур (произвол властных фигур, непризнание ошибок, занижение оценки чьих-то усилий);
- неправильное распределение благ или наказаний (распределение позитивных ресурсов, распределение негативных ресурсов).

Вместе с тем, китайцы оценивают как несправедливые следующие типы событий (*Chiu, 1991*):

- неправильная система оценок деятеля;
- насилие и безответственность;
- несправедливая оценка из-за личных предубеждений оценивающего;
- несправедливость, произошедшая из-за невнимательности деятеля;
- личные нападки или ложные обвинения;

- недовольство распределением ресурсов;
- недовольство неравными вкладами участников⁷.

Третье направление изучения представлений о справедливости результата связано с исследованием **норм оценки исхода события как справедливого или несправедливого**, а также с выделением **факторов, влияющих на выбор одной из норм**.

Изучение представлений о дистрибутивной справедливости началось с выделения норм справедливого распределения вознаграждения. Исторически первая норма, существованию которой было найдено эмпирическое подтверждение, — это **норма беспристрастности**, которая может быть сформулирована как «каждому по заслугам» (*Adams, 1965*). Применительно к оценке справедливости судебного решения эта норма звучит следующим образом: «человек, совершивший более серьезное преступление, заслуживает большего наказания, чем совершивший менее серьезное».

На протяжении десятилетий психологи пытались описать этот принцип с помощью математической формулы. Разные авторы предлагали разные формулы для описания нормы беспристрастности. Одна из них была создана еще Дж.Адамсом, основоположником эмпирического изучения представлений о дистрибутивной справедливости (*Wagstaff, Perfect, 1992*). Она выглядела следующим образом:

$O_a \setminus I_a = O_b \setminus I_b$, где O_a и O_b — вознаграждения, полученные А и В, а I_a и I_b — их вклады в решение задачи⁸.

Однако в этой формуле не учитывались «негативные вознаграждения», т.е. наказания. В соответствии с ней, ситуация, при которой $O_a = 5$, $I_a = -5$, $O_b = -5$, $I_b = 5$, является справедливой. Другая формула была предложена И. Уолстер и коллегами (*Wagstaff, Perfect, 1992*). Она выглядела следующим образом:

$(O_a - I_a) \setminus |I_a|$ в степени $K_a = (O_b - I_b) \setminus |I_b|$ в степени K_b , где $K = 1$ или -1 .

Но эта формула не описывала ситуацию, когда $O_a = 5$, $O_b = -5$, $I_a = I_b = 0$. Следующая формула беспристрастности

(*Wagstaff, Perfect, 1992*) учитывала недостатки предшественниц и выглядела следующим образом:

$O_a - kI_a = O_b - kI_b = 0$, где $k > 0$ и является константой для всех участников, так что $O_i = kI_i$.

Из этой формулы следует, что результаты возрастают в зависимости от увеличения вкладов участников и, кроме того, вознаграждения разных участников находятся в той же пропорции, что и их вклады.

Утверждение о том, что беспристрастность является основной нормой дистрибутивной справедливости, принадлежит Дж.Адамсу. Он утверждал, что люди, которые работают вместе и получают за это определенное вознаграждение, склонны руководствоваться при его распределении принципом беспристрастности.

Для проверки предположения о важности принципа беспристрастности при распределении вознаграждения за выполнение задания Адамс провел эксперимент, в котором респонденты вычитывали гранки. Перед началом исследования три разные группы участников получили три разные инструкции. Первой группе говорили, что они смогут выполнить поставленную задачу достаточно квалифицированно, и поэтому им будут платить такие же деньги за страницу, как и профессионалам в этом деле. Другим говорили, что они не слишком квалифицированные работники, но им все равно будут платить за страницу столько же, сколько платят профессионалам. И наконец, третьей группе было сказано, что, поскольку они не специалисты в деле вычитывания гранок, им будут платить меньше, чем платят профессионалам.

Адамс предположил, что инструкция, данная второй группе, будет создавать у ее членов впечатление небеспристрастности и, следовательно, будет мотивировать их восстановить справедливость. Для этого они будут работать более аккуратно и делать меньше ошибок, чем члены двух других групп. Результаты эксперимента подтвердили предположение Адамса.

К основным проблемам этого исследования относится, во-первых, предположение, лежащее в основе используемой методики, согласно которому люди распределяют вознаграждение так, чтобы оно было справедливым. Это предположение согласуется с двумя теоретическими утверждениями, сделан-

ными Адамсом при введении нормы беспристрастности. Первое — мотивационное — заключается в том, что основным мотивом людей, по крайней мере, студентов американских колледжей, при распределении вознаграждения является восстановление справедливости / беспристрастности. Второе, когнитивное, гласит, что формула беспристрастности — это основной принцип оценки людьми справедливости результата. Оба этих утверждения требуют отдельных доказательств.

Вторая проблема также носит методический характер и уже была отмечена во введении. Методика, предложенная Адамсом, предполагала, что на основании поведения респондента можно судить о норме дистрибутивной справедливости, которую он использует, что вызывает серьезные сомнения.

И наконец, третья проблема касается интерпретации результатов исследования как демонстрирующих важность принципа беспристрастности. Последующие эмпирические исследования показали наличие ряда других норм справедливости распределения вознаграждения и наказания, использование которых происходит при определенных условиях.

К таким нормам, в первую очередь, относится **норма равенства**. Результаты исследований показали, что использование нормы равенства определяется *полом* и *ценностями* людей, среди которых распределяется вознаграждение, *целями* этого распределения, степенью их *ответственности* за полученный результат, *типом вознаграждения* и *экспериментальной задачи*.

Факторы, влияющие на выраженность феномена

В частности, результаты эксперимента Г.Левенталя (*Leventhal, Lane, 1970*), в котором респондента просили совместно с партнером одного с ним пола решить задачу и распределить вознаграждение себе и ему, замечая при этом, что его вклад в решение задачи превышает вклад партнера (первое экспериментальное условие) или что партнер сделал для решения задачи больше, чем сам респондент (второе экспериментальное условие), продемонстрировали существование половых различий в использовании норм справедливости. Мужчины действовали в соответствии с принципом беспристрастности, забирая больше, чем половину вознагражде-

ния, в первом экспериментальном условии и меньше половины во втором. В соответствии с этим же принципом вели себя и женщины из второго экспериментального условия. Однако те женщины, которым говорили, что они сделали больше партнера (первое экспериментальное условие), использовали норму равенства: они забирали половину вознаграждения себе, а половину отдавали коллеге.

Однако принцип, который люди используют при распределении вознаграждения, зависит не только от их собственного пола, но и от пола партнера. Мужчины выделяют женщине-партнеру большее денежное вознаграждение, чем представителю одного с ними пола.

Полученные результаты исследователи объясняют воздействием на поведение респондентов полоролевых стереотипов, следование которым одобряется окружающими. Показателем «навязанности» использования нормы равенства для женщин и беспристрастности для мужчин является тот факт, что, когда респонденты уверены, что сведения о том, каким образом они распределили вознаграждение, не станут достоянием окружающих, мужчины начинают действовать в соответствии с нормой равенства, а женщины — беспристрастности (*Kidder, Belletrie, Cohn, 1977; Major, Adams, 1983*).

Объяснение половых различий в использовании норм дистрибутивной справедливости воздействием полоролевых стереотипов привело к изучению зависимости этих норм от *целей общения*. В данном случае предполагается, что одним из измерений полоролевого стереотипа является представление о цели межличностного взаимодействия и, соответственно, распределения вознаграждения. Основная цель общения, заложенная в женском полоролевом стереотипе, — сохранение хороших отношений между участниками взаимодействия. Для ее достижения используется норма равенства. Согласно мужскому стереотипу, целью общения является распределение вознаграждения в соответствии с заслугами каждого участника. Лучшим средством ее достижения является использование нормы беспристрастности⁹.

Зависимость нормы справедливости от целей взаимодействия была продемонстрирована в эксперименте Дж.Стейка (*Stake,*

1983), где респондентам обоего пола говорилось, что они должны будут принять участие в деловой игре, выступить в роли менеджеров. Их просили распределить вознаграждение между сотрудниками их «фирмы», как если бы они преследовали три различные цели: воздать каждому по заслугам, увеличить продуктивность деятельности работников и сделать отношения между ними максимально позитивными. Результаты исследования показали, что респонденты обоих полов при распределении вознаграждения ориентировались на вклад каждого работника, когда их целью было воздать по заслугам. Желая улучшить отношения между сотрудниками, они использовали норму равенства. А для увеличения продуктивности они распределяли вознаграждение в соответствии со способностями каждого работника.

Кроме половой принадлежности и целей взаимодействия на предпочтение нормы равенства оказывают влияние *ценности* людей, распределяющих вознаграждение. В частности, носители индивидуалистских ценностей всегда распределяют вознаграждение в соответствии с принципом беспристрастности. Носители коллективистских используют этот принцип только в том случае, когда они не знакомы со своим партнером или когда вклад партнера в решение задачи превысил их собственный. В противном случае они используют норму равенства (Tower, Kelly, Richards, 1997). Таким образом, носители коллективистских ценностей демонстрируют результаты, аналогичные полученным на американских женщинах, тогда как носители индивидуалистских — на американских мужчинах. Это дает основание предположить, что полоролевые стереотипы женщин и мужчин различаются не только представлением о целях взаимодействия, но и степенью принятия коллективистских или индивидуалистских ценностей.

Вероятность использования норм беспристрастности и равенства зависит от степени, в которой участники взаимодействия несут ответственность за свое поведение.

Например, в одном эксперименте (Skitka, Mullen, 2002) респонденты читали рассказ о двух близнецах, один из которых был ленивый и агрессивный, а другой — добрый и спокойный. В зависимости от экспериментального условия в описании фигурировали

близнецы, которым было по 7, 16 и 40 лет. Из рассказа респонденты узнавали, что родители сделали близнецам подарок: 7-летним братьям подарили одежду, 16-летним — аудиозаписи, а 40-летним — большую сумму денег. После ознакомления с рассказом респонденты должны были произвести справедливое распределение вознаграждения между братьями.

Результаты исследования показали, что вероятность использования респондентами норм беспристрастности и равенства зависела от возраста братьев. Так, по мнению большинства респондентов, при распределении вознаграждения между 7-летними и 16-летними мальчиками должна быть использована норма равенства (98% и 84% соответственно). С другой стороны, при распределении вознаграждения между взрослыми мужчинами респонденты предпочитали использовать норму беспристрастности (норму равенства использовали только 30% респондентов). По мнению авторов исследования, эти результаты связаны с восприятием того, в какой степени люди разного возраста несут ответственность за свои действия. Большинство людей приписывает детям меньшую ответственность, чем взрослым. Соответственно, вознаграждение взрослых в большей степени зависит от их вклада в деятельность, чем вознаграждение детей.

И наконец, последними факторами, оказывающими влияние на выбор нормы дистрибутивной справедливости, являются *тип экспериментальных задач и вид вознаграждения*, распределяемого в ходе эксперимента. Некоторые американские исследователи полагают, что денежное вознаграждение, используемое в большинстве экспериментов, ориентировано, в основном, на мужчин, а не на женщин. Кроме того, по их мнению, многие исследования норм справедливости проводились на материале производственных или математических задач, в решении которых большим опытом обладают мужчины. Люди склонны использовать норму беспристрастности в тех задачах, опытом решения которых они обладают, и относительно того вознаграждения, которое является для них важным. Таким образом, изменение типа экспериментальных задач с «мужских» на «женские» приведет к использованию женщинами-респондентами нормы беспристрастности. Это предположение получило эмпирическое подтвер-

ждение в исследовании Г. Рейса и Л. Джексона (*Reis, Jackson, 1981*), где мужчинам и женщинам давали для решения одну из задач — «мужскую» или «женскую». Его результаты показали, что мужчины использовали норму беспристрастности при распределении вознаграждения в обеих задачах, однако женщины применяли эту норму только при решении «женских» задач.

Кроме норм беспристрастности и равенства, другими нормами дистрибутивной справедливости являются распределение вознаграждения **в соответствии со способностями, усилиями, потребностями, личностными качествами и ответственностью** участников взаимодействия. В данном случае мы имеем дело с пятью нормами, условия использования которых не совсем понятны.

В частности, как было сказано выше, норма распределения вознаграждения в соответствии *со способностями* участников используется тогда, когда основной целью делового взаимодействия является повышение продуктивности каждого работника. Вместе с тем, применение этой нормы ограничено позицией того, кто распределяет вознаграждение. Например, рядовые сотрудники предприятия считают несправедливой выплату более высокой зарплаты более мобильным подчиненным, которые в любой момент могут поменять место работы (*Rusbult, Campbell, Price, 1990; Rusbult et. al, 1990*). Кроме того, между распределением вознаграждения по способностям, с одной стороны, и по *приложенным усилиям* — с другой, люди могут выбрать вторую норму.

В одном из своих экспериментов Г. Левенталь и его коллеги (*Leventhal, Michaels, 1971*) предлагали респондентам принять участие в исследовании, которое проводили факультеты психологии и физического воспитания и где необходимо было разделить вознаграждение между атлетами, которые принимали участие в соревновании по прыжкам. Атлеты различались по трем параметрам: росту, способности прыгать и тому, прошли ли они краткий курс обучения прыжкам. Предполагалось, что люди, которые имеют более высокий рост, выше прыгают и прошли тренинг, должны приложить меньше усилий для достижения определенного результата,

чем те, кто обладает противоположными характеристиками. Исследователей интересовал вопрос о том, как каждый из этих параметров будет влиять на распределение награды между атлетами. Для того, чтобы ответить на него, исследователи предъявили респондентам шесть комбинаций трех вышеперечисленных характеристик спортсменов и попросили их разделить вознаграждение между участниками соревнований. Оказалось, что люди распределяют награду в зависимости от усилий, приложенных спортсменом, а не от его способностей. Так, из двух людей, которые прыгали одинаково высоко, предпочтение отдавалось тому, который был ниже ростом и не проходил кратких курсов по умению прыгать, т.е. прикладывал больше усилий.

Роль усилий в определении справедливости результата является и при распределении наказания в событиях с негативным исходом. Оценка справедливости наказания зависит от восприятия причины поведения деятеля: справедливым считается меньшее наказание, если у человека не хватило способностей, чем если он не приложил достаточных усилий для достижения цели (*Farwell, Weiner, 1996*).

Кроме того, результаты ряда исследований говорят о том, что при распределении вознаграждения респонденты учитывают *индивидуальные потребности* каждого участника (*Bar-Hillel, Yaari, 1993; Elliot, Meeker, 1986*).

Эта норма приобретает особое значение, когда распределение вознаграждения происходит между неимущими людьми, не имеющими возможности удовлетворить самые насущные потребности. В этом случае люди склонны забирать у человека, внесшего наибольший вклад в достижение общего результата, часть вознаграждения, чтобы удовлетворить минимальные потребности нуждающегося, но ленивого участника.

Например, в одном исследовании (*Wagstaff, Worthington, 1997*) респонденты читали рассказ о трех женщинах — Эмме, Джейн и Клэр. Респондентам из первой экспериментальной группы говорили, что все женщины хорошо обеспечены. Респонденты из второй экспериментальной группы узнавали, что все эти женщины бездомные, одинокие и нуждаются в 50\$ на человека для того, чтобы заплатить за еду и гостиницу. Кроме того, всем респондентам сообщали, что у женщин появилась возможность заработать 300\$, рас-

красив 60 ваз. Они взялись за выполнение заказа. Клэр раскрасила 40 ваз, Эмма — 20, а Джейн не сделала ничего, поскольку весь день смотрела телевизор. Респонденты должны были разделить заработанные 300\$ между тремя женщинами.

Результаты исследования показали, что при распределении вознаграждения респонденты принимали во внимание потребности женщин. Это выразилось в том, что респонденты из первой экспериментальной группы отдавали Джейн, не раскрасившей ни одной вазы, меньше денег, чем респонденты из второй. Вместе с тем, Клэр, раскрасившая наибольшее количество ваз, получала от членов первой группы большее вознаграждение, чем от членов второй. Это означает, что при определении размера вознаграждения люди используют не только принцип беспристрастности, но и норму распределения по потребностям. Они отбирают часть заслуженного вознаграждения у наиболее активного участника и отдают его наименее активному.

И наконец, как справедливый оценивается тот результат, который соответствует *«позитивности» человека*. Например, справедливым считается тот факт, что социальный работник с 20-летним стажем выиграл в лотерею 200 000 долларов или что коттедж наркодилера разрушен ураганом (*Pepitone, Armand, 1996*). Однако позитивный результат оказывает большее влияние на оценку справедливости, чем негативный: получение вознаграждения «хорошим» человеком оценивается как более справедливое, чем наказание «плохого». С другой стороны, вознаграждение «плохого» рассматривается как более серьезная несправедливость, чем наказание «хорошего».

Вариантом нормы распределения вознаграждения в зависимости от личностных характеристик человека является принцип, согласно которому наказание должно отражать степень *ответственности деятеля*. Другими словами, в событиях с негативным исходом люди считают справедливым получение более ответственным за произошедшее человеком более серьезного наказания (*Farwell, Weiner, 1996*).

Однако оценка ответственности деятеля и, соответственно, серьезности его наказания зависит от роли субъекта восприятия (деятель или жертва), а также от его отношения к партнеру.

Так, в одном исследовании (*Mikula et al., 1998*) респонденты должны были описать и оценить ситуацию, в которой они поступили несправедливо по отношению к своему партнеру, и партнер поступил несправедливо по отношению к ним. Затем эти описания передавались партнеру, который должен был оценить произошедшее со своей точки зрения. Участники оценивали степень несправедливости происходящего, то, в какой мере деятель был его причиной, наличие оправданий его поведению и намеренность его действий.

Оказалось, что жертвы несправедливости оценивали ситуацию как более несправедливую, деятеля как являющегося причиной и намеренно совершающего эти действия, а также менее достойного снисхождения, чем это делали те, кто находился в роли деятеля. Однако приписывание ответственности деятелю и оценка серьезности несправедливости была ниже, когда отношения между партнерами были близкими, чем когда они были дистантными. При наличии близких отношений наблюдался противоположный эффект, при котором жертва оценивала деятеля как менее ответственного за произошедшее, чем деятель сам себя.

В последние годы, благодаря популярности изучения межгрупповых отношений, была выделена и еще одна норма дистрибутивной справедливости, в которой учитывается групповое членство претендентов на вознаграждение. Согласно этой норме, член своей социальной группы должен получить большее вознаграждение, чем член аутгруппы. Эта норма является одним из проявлений **ингруппового фаворитизма**. Ингрупповой фаворитизм не проявляется в ситуации межличностного общения, когда групповая принадлежность претендентов на вознаграждение и тех, кто его распределяет, неизвестна респондентам.

Ингрупповой фаворитизм при оценке справедливости распределения вознаграждения проявляется несколькими способами.

- Человек считает справедливым отдать большую часть вознаграждения члену ингруппы по сравнению с членом аутгруппы.
- Человек считает справедливым использовать норму равенства при распределении вознаграждения между собой и членом ингруппы и забрать большую часть вознаграждения

себе при сравнении с членом аутгруппы (*Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002*).

- Человек более позитивно оценивает действия членов ингруппы по сравнению с аутгруппой вне зависимости от того, какую норму распределения вознаграждения они используют (*Platow et al., 1995*).

- Человек рассматривает членов ингруппы как более справедливых (тщательно анализирующих ситуацию, учитывающих информацию об ответственности деятеля), по сравнению с членами аутгруппы (*Farwell, Weiner, 1996*).

Причиной ингруппового фаворитизма является, по-видимому, тот факт, что нормы справедливости представляют собой социальные нормы, за невыполнение которых к нарушителю применяются санкции. Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что следование ингрупповым нормам признается человеком справедливым в том случае, когда его собственное вознаграждение зависит от мнения других членов ингруппы.

Например, в одном исследовании (*Hertel, Aarts, Zeelenberg, 2002*) респондентам говорили, что все участники распределены на две группы в зависимости от того, переоценили они или недооценили количество точек на картинке в ходе предыдущего этапа. На самом деле распределение респондентов по группам носило случайный характер. После этого каждый участник узнавал, что другие члены его группы используют конкурентную (первое экспериментальное условие) или кооперативную (второе экспериментальное условие) стратегию взаимодействия при распределении вознаграждения. Респонденты из контрольного условия не получали информации о стратегии, используемой другими членами их группы. Респондентам сообщалось, что они должны оценить справедливость двух стратегий распределения вознаграждения между собой и ингрупповым партнером: равенства и присвоения большей части вознаграждения себе. Некоторые респонденты узнавали, что то вознаграждение, которое они получают, определяется как их собственным выбором, так и выбором их партнера, тогда как другие респонденты думали, что размер их вознаграждения зависит только от их собственного выбора. Результаты исследования показали, что нормы распределения вознаграждения, признающиеся справедливыми другими членами ингруппы, оказывают влияние на сужде-

ния респондента только в том случае, если его вознаграждение зависит от мнения его партнера.

Четвертым измерением представлений о дистрибутивной справедливости являются **стратегии ее восстановления**. Результаты исследования, проведенного авторами этой книги в 2002 г. с участием студентов шести московских вузов, позволили выделить два типа таких стратегий — активные и пассивные¹⁰.

К первому типу «Активность жертвы» относятся те стратегии, которые предполагают, что жертва прикладывает усилия для того, чтобы восстановить нарушенную справедливость. Активные стратегии восстановления справедливости различаются:

- по способу восстановления справедливости («самостоятельное восстановление» и «восстановление с участием посредников»);
- по характеру восстановления справедливости: наказать виновника («наказание»); установить истину, возместить нанесенный ущерб («восстановление»); предотвратить совершение несправедливости в будущем («предотвращение»).

Ко второму типу «Пассивность жертвы» относятся те стратегии, которые не предполагают активности жертвы в восстановлении справедливости. Эти стратегии различаются:

- по субъекту восстановления справедливости (виновник; судьба, случай; некто неопределенный);
- по характеру восстановления справедливости («наказание», «восстановление», «предотвращение»).

В качестве отдельной была выделена категория «Смирение с несправедливостью», предполагающая полный отказ жертвы от борьбы и нежелание восстанавливать справедливость.

Полученные в исследовании результаты показали, что пассивные стратегии восстановления справедливости предлагаются респондентами чаще, чем активные. При использовании активных стратегий респонденты предпочитают обходиться своими силами (или силами жертвы), а не силами посредника. Вместе с тем, наличие посредника, очевидно, подразумевается при использовании пассивных стратегий, осуществляемых неизвестным деятелем.

Кроме того, согласно полученным результатам, наиболее предпочитаемой респондентами стратегией восстановления справедливости является «Восстановление» (50,9%); наименее предпочитаемой — «Предотвращение» (18,2%). Стратегия «Наказание» используется немного чаще, чем «Предотвращение», но намного реже,

чем «Восстановление» (21,1%), что говорит о восстановительной, а не карательной ориентации российских студентов при столкновении с несправедливостью.

И наконец, использование определенных стратегий зависит от типа несправедливого события: для восстановления справедливости в событиях, виновником которых является государство или правоохранительные органы, респонденты чаще использовали стратегию «наказание», но значительно реже «восстановление» и «предотвращение». Кроме того, для подобных событий было характерно уменьшение частоты упоминания активных стратегий, особенно предполагающих самостоятельное восстановление справедливости.

Результаты некоторых исследований демонстрируют наличие культурной специфики в стратегиях восстановления справедливости.

В частности, китайцы предпочитают использовать пассивные стратегии среди которых:

- воздаяние посредством судьбы, при котором любые исходы ситуации, даже несправедливые, рассматриваются как судьба, т.е. как должное;
- переоценка, при которой человек рассматривает неудачу в одной сфере как причину удачи в другой;
- воздаяние в загробном мире, согласно которому хороший человек получит вознаграждение после смерти, вне зависимости от того, что получает на Земле;
- восстановление справедливости через потомков нарушителя, при котором несправедливость, совершенная человеком, отразится на его потомках;
- вмешательство других, при котором не жертва, а другие люди наказывают нарушителя (Chiu, 1991).

Активные стратегии поведения в ситуациях с несправедливым исходом — конфронтация, при которой справедливость восстанавливается если не самой жертвой, то свидетелями происшедшего, и обращение к закону неприемлемы для большинства китайских респондентов, поскольку, по их мнению, приводят к негативным последствиям.

Несмотря на качественные изменения в изучении представлений о дистрибутивной справедливости, произошедшие за последние

Особенности
изучения

решенных проблем как содержательного, так и методического характера.

Первая проблема такого рода исследований связана с тем, что чаще всего в них *изучаются представления о справедливости, а не о несправедливости*. Интерес исследователей к изучению представлений о несправедливости появился недавно, а полученные результаты не дают пока возможности четко ответить на вопрос о различии или подобии норм, используемых людьми для оценки справедливости исхода события, с одной стороны, и его несправедливости — с другой. В частности, уверенность в том, что в большинстве ситуаций люди используют для оценки справедливости события норму «каждому по труду», т.е. оценивают в качестве справедливого то распределение вознаграждения, которое учитывает вклад каждого участника в конечный результат, не дает нам возможности заключить, что несправедливым будет считаться то событие, в котором этот принцип нарушен. Возможно, что гораздо более несправедливым будет считаться то распределение вознаграждения, при котором во внимание не были приняты потребности каждого из участников.

Вторая проблема большинства исследований, посвященных изучению представлений о дистрибутивной справедливости, заключается в том, что в них *оценке подвергаются результаты распределения вознаграждения, а не наказания*. Так, в большинстве лабораторных экспериментов, проведенных американскими психологами, респонденты распределяли между собой и своим партнером по исследованию оплату за проделанную работу. Вместе с тем, в ряде ситуаций, например в суде присяжных, речь идет о справедливости распределения наказания, а не вознаграждения. Результаты проведенных исследований не дают возможности ответить на вопрос о различии или подобии норм, используемых людьми для оценки справедливости распределения вознаграждения, с одной стороны, и наказания — с другой.

Третья проблема изучения представлений о дистрибутивной справедливости определяется *типом событий, исход*

которых оценивается респондентами как справедливый или несправедливый. В большинстве экспериментов, проведенных американскими исследователями, задействованы ситуации делового общения — совместного выполнения какой-либо работы. В современных европейских исследованиях речь часто идет о ситуациях, возникающих в ходе межличностного взаимодействия. Однако оценка справедливости событий, относящихся к экономической и политической жизни страны, а также судебных приговоров, редко становится предметом исследования, тогда как тип оцениваемых событий может оказывать значимое влияние на использование тех или иных норм дистрибутивной справедливости.

Четвертая проблема изучения представлений о дистрибутивной справедливости связана с тем, что в большинстве американских исследований *речь шла о сравнении двух норм: беспристрастности и равенства*. Это привело к недостатку информации об условиях использования других норм дистрибутивной справедливости.

Пятая проблема исследований представлений о дистрибутивной справедливости заключается в том, что в них *фиксируются представления о справедливости «здесь и сейчас»*, тогда как вероятно, что эти представления изменяются со временем, в частности, по мере погружения их носителей в определенный контекст. Например, представления о дистрибутивной справедливости могут меняться по мере вступления человека в политическую жизнь или в ходе вынесения им судебного решения в составе коллегии присяжных заседателей.

К методологическим ограничениям относится *лабораторный характер большинства исследований*, а также участие в них в качестве респондентов студентов-психологов, что приводит к ограниченной внешней валидности полученных результатов. Кроме того, многообразие методик, использующихся для изучения норм дистрибутивной справедливости, затрудняет сравнение результатов, полученных в разных исследованиях.

3. Направления изучения представлений о процедурной справедливости

Под процедурной справедливостью понимается оценка справедливости процедуры принятия решения, в том числе распределения вознаграждения и назначения наказания. Тема процедурной справедливости приобретает особую важность в судебном контексте. В соответствии с одной из классификаций, судебные процедуры подразделяются на инквизиционную и состязательную.

При *состязательной процедуре* функции предоставления доказательств и вынесения решения закреплены за разными участниками. Доказательства предъявляются сторонами (адвокатом и прокурором), а решение выносится судьей или присяжными. Таким образом, состязательная процедура подразумевает высокий уровень контроля третьей стороны за решением, но низкий — за предоставлением доказательств.

В рамках *инквизиционной процедуры* основная роль отводится судье и его помощникам, которые не только принимают решение, но и самостоятельно изучают доказательства по делу. В ней высокий уровень контроля третьей стороны за решением сочетается с высоким уровнем контроля за предоставлением доказательств.

Согласно другой классификации, в основе которой лежат два критерия (*Thibaut, Walker, 1975*), обязательность решения третьей стороны (судьи, арбитра) и степень, в которой она ориентируется на позиции сторон, существуют четыре основные процедуры:

- *посредничество*, при котором судья может только предлагать свои варианты решения сторонам;
- *обсуждение*, в котором обе стороны и судья обязательно должны согласиться с решением;
- *арбитраж*, при котором судья выносит решение, обязательное для сторон, но делает это после того, как они объяснят свои позиции (состязательная судебная процедура);

- *авторитарное принятие решения*, при котором судья выносит решение, обязательное к исполнению сторонами, не выслушав предварительно их точек зрения (инквизиционная судебная процедура).

Несмотря на простоту определения процедурной справедливости, данного в начале главы, необходимо заметить, что в эмпирических исследованиях термин «процедурная справедливость» толкуется двояко.

3.1 Объективная процедурная справедливость

Первое понимание процедурной справедливости связано с особенностями процедуры, ее способностью приводить к «правильным» решениям, а не с тем, как ее оценивают люди. Этот аспект получил название объективной процедурной справедливости. Наиболее известная серия исследований объективной процедурной справедливости принадлежит Дж. Тибо и Л. Уолкеру (*Thibaut, Walker, 1975*). По их мнению, справедливая процедура принятия решения должна обладать следующими особенностями: предотвращать влияние предубеждений участников и стратегий изложения информации (например, порядка предъявления доказательств) на окончательное решение, определять предоставление точной и полной информации участниками взаимодействия. Свои исследования Тибо и Уолкер проводили на материале судебных процессов.

Результаты их исследований показали, что с точки зрения *предотвращения влияния предубеждений участников* на окончательное решение состязательная процедура более справедлива, чем инквизиционная.

Факторы, влияющие на выраженность феномена

В одном из экспериментов Тибо и Уолкера (*Thibaut, Walker, 1975*) половина респондентов имела предубеждения, источником которых было их предварительное знакомство с особенностями шести ситуаций, главные герои которых действовали явно незаконно. При этом их поведение на суде было таким же, как и поведение подсудимого в том судебном деле, решение по которому дол-

жны были принять респонденты. Результаты показали, что влияние предубеждений оказалось слабее при состязательной процедуре, чем при инквизиционной.

С другой стороны, *точность и полнота предоставления информации* в рамках разных процедур зависит от благоприятности исхода дела для каждой из сторон. В частности, при большой вероятности неблагоприятного исхода представители соответствующей стороны в рамках состязательной процедуры собирают большее количество доказательств, чем это делает «следователь» в рамках инквизиционного процесса. Однако при благоприятном исходе дела большее количество доказательств собирает именно «следователь», работающий в рамках инквизиционной процедуры. Кроме того, представители сторон в рамках состязательного процесса отличаются большей предубежденностью в подборе доказательств, чем «следователь» в инквизиционной процедуре.

Так, в следующей части исследования Тибо и Уолкера (*Thibaut, Walker, 1975*) респонденты должны были сыграть роли юристов либо в состязательной, либо в инквизиционной процедуре. Задачей состязательного юриста была защита интересов своего клиента. При этом он знал, что оплата его труда зависит от качества этой защиты. Задачей инквизиционного юриста было предъявление доказательств для вынесения наилучшего решения из всех возможных, а его оплата зависела от качества выполнения им своих обязанностей.

В разных экспериментальных условиях респонденты сталкивались с разными доказательствами. Состязательные юристы могли оказаться в ситуации, когда 25%, 50% или 75% доказательств были благоприятны для их клиента. Юристы должны были покупать доказательства, платя за них те деньги, которые им должны были заплатить в качестве гонорара. После покупки доказательств каждый из них должен был решить, какие именно доказательства он будет предъявлять судье. В качестве показателей точности передачи информации рассматривалось количество купленных доказательств и предубежденность в их предоставлении.

Оказалось, что в том случае, когда дело было неблагоприятно для его клиента, состязательный юрист собирал большее количество доказательств, а когда благоприятно — меньше, чем инквизиционный юрист.

При этом состязательные юристы действовали непредубежденно только в том случае, когда доказательства обеих сторон были сбалансированы (50% — за, 50% — против). В противном случае каждый из них предъявлял доказательства в пользу своего клиента. Инквизиционные юристы предоставляли доказательства менее предубежденно. Стоит, однако, заметить, что предубежденность состязательных юристов имеет и свои плюсы: вместе они предъявляют практически все возможные доказательства.

Понижение точности предъявления доказательств в рамках состязательной процедуры можно продемонстрировать и на примере свидетелей. В частности, состязательная процедура подразумевает, что каждая из сторон подбирает свидетелей самостоятельно, тогда как в рамках инквизиционной процедуры свидетели вызываются судом и, в принципе, должны быть опрошены человеком, не заинтересованным в исходе дела. Допрос, который ведет юрист в рамках состязательной процедуры, провоцирует большую предубежденность свидетеля в пользу одной из сторон, чем допрос, проведенный незаинтересованным лицом (*Sheppard, Vidmar, 1980; Vidmar, Laird, 1983*).

И наконец, решение в минимальной степени зависит от *порядка изложения доказательств*, когда сначала выступает прокурор, а потом — адвокат, при этом в каждом случае сначала предъявляются слабые доказательства, а потом сильные.

Например, Тибо и Волкер (*Thibaut, Walker, 1975*) заинтересовались тем, каким образом процедура способна нивелировать различия в стратегиях предоставления информации. В этой части их исследования они использовали только состязательную процедуру, а судебное дело было подобрано таким образом, чтобы доказательства, исходящие от обеих сторон, были примерно одинаковыми по силе. Респонденты слушали дело, в котором первыми выступали прокурор или адвокат, начинавшие с сильных или слабых доказательств. Оказалось, что наиболее нейтральное, т.е. точное, с точки зрения авторов, решение было вынесено в том случае, если сначала выступал прокурор, а потом — адвокат, при этом в каждом случае сначала предъявлялись слабые доказательства, а потом сильные.

Изучение объективной процедурной справедливости предполагает, что исследователи знают верное, и соответственно,

справедливое решение. Зная «верное» решение, они выбирают ту процедуру, которая дает возможность принять его. В таких исследованиях вопрос об оценке справедливости процедуры, исходящий от ее участников, не ставится.

3.2 Субъективная процедурная справедливость

Второе понимание процедурной справедливости связано со степенью, в которой люди оценивают данную процедуру принятия решения как справедливую. Этот аспект получил название субъективной процедурной справедливости.

Сторонники ее изучения отмечают, что оценка процедуры как справедливой оказывает достаточно большое влияние на самочувствие участников взаимодействия и их решение.

Изучение субъективной процедурной справедливости идет по следующим направлениям:

- поиск объяснений важности этого феномена для участников взаимодействия;
- выделение факторов, влияющих на оценку процедуры как справедливой или несправедливой.

Для объяснения **важности субъективной процедурной справедливости для участников взаимодействия** было сформулировано две модели (*Lind, Taylor, 1988*): модель личного интереса и модель групповых ценностей.

В основе **модели личного интереса** лежит утверждение, что, вступая во взаимодействие, люди пытаются максимизировать свой выигрыш от него и минимизировать возможные издержки. Не обладая возможностью полностью контролировать результат и удовлетворять свои потребности немедленно, они довольствуются контролем за процессом принятия решения, рассчитывая на получение желаемого результата в будущем. Гарантией его получения является справедливость процедуры.

В рамках этой модели на суждения о процедурной справедливости наиболее сильно должны влиять:

- благоприятность исхода процедуры для субъекта оценки;

- степень контроля субъекта оценки за результатом;
- справедливость результата, обеспеченного процедурой;
- подобие последствий использования процедуры при решении проблем разных людей.

Таким образом, рассматриваемая модель предсказывает, что (*Lind, Taylor, 1988*):

- люди обращают внимание на процедурную справедливость только в том случае, когда не могут удовлетворить свои интересы немедленно;
- наличие благоприятного результата — один из элементов справедливой процедуры;
- наиболее справедливыми считаются процедуры, уменьшающие выраженность конфликта между участниками;
- важность справедливости процедуры возрастает с увеличением важности решения.

Второй вариант ответа на вопрос о важности процедурной справедливости — это **модель групповых ценностей**. Согласно ей, членство в социальной группе — важный аспект существования человека. Согласие членов группы относительно процедуры принятия решения позволяет предотвратить конфликты внутри нее (*Reis, 1986; Thibaut, Faucheux, 1965; Thibaut, Walker, 1975; 1978*). Таким образом, справедливой признается та процедура, которая соответствует основным ценностям членов группы.

Это означает, что члены разных групп по-разному оценивают справедливость одной и той же процедуры. Исключение составляют процедуры, соответствующие универсальным ценностям. К их числу относится возможность принять участие в деятельности группы. Процедура, дающая возможность реализовать эту ценность, оценивается как справедливая членами любых групп.

Суждение о процедурной справедливости оказывает сильное влияние на аттитюды людей по отношению к своей группе. Восприятие несправедливости процедуры приводит к ее негативной оценке. Существует и обратное влияние: люди, которые высоко оценивают группу, полагают, что процедура принятия решения, которая используется в ней, справедлива.

Суждения о процедурной справедливости связаны с целями, которые человек преследует во взаимодействии. Важность установления гармоничных отношений увеличивает важность наличия процедуры, которую все считают справедливой. Вместе с тем, стремление к увеличению продуктивности не связано с субъективной процедурной справедливостью (*Barrett-Howard, Tyler, 1986; Tyler, 1986*).

Таким образом, модель групповых ценностей предсказывает, что (*Lind, Taylor, 1988*)

- представление о справедливости процедуры зависит не только от индивидуальных ценностей человека;
- процедуры, традиционные для группы, считаются более справедливыми, поскольку встроены в ценностную систему этой группы;
- существуют факторы, которые влияют на оценку справедливости процедуры, вне зависимости от ценностей группы. К подобным факторам относятся свобода выражения своей точки зрения и вежливость;
- оценка важности процедурной справедливости зависит от степени ингрупповой идентификации ее носителя. Чем выше степень идентификации, тем важнее для него соблюдение справедливой процедуры, тем сильнее оценка справедливости процедуры связана с оценкой справедливости результата (*Orpen, 1994*).
- нарушение процедурной справедливости порождает у членов группы ненависть к нарушителю.

Современные исследования показывают, что в основе оценки справедливости процедуры лежат два мотива: желание удовлетворить собственные потребности и сохранить хорошие отношения в группе (*Heuer et al., 2002*).

Второе направление исследований субъективной процедурной справедливости связано с определением **факторов, которые влияют на оценку справедливости процедуры**. Одним из основоположников изучения этих факторов является Г.Левенталь (*Leventhal, 1980; Leventhal,*

Факторы, влияющие на выраженность феномена
--

Karuzo, Fry, 1980), выделивший несколько аспектов оценки справедливости процедуры, среди которых:

- единообразие: процедура справедлива, если она может быть одинаково использована в разных ситуациях для разных людей;
- нейтрализация предубеждений: процедура справедлива, когда принятие решения не зависит от имеющихся у судьи предубеждений;
- точность передачи информации: процедура справедлива, если решение основано на точной информации;
- корректность: процедура справедлива в той степени, в которой содержит возможности коррекции неправильных решений;
- представительность: процедура должна учитывать основные ценности социальных групп;
- этичность: процедура соответствует этическим и моральным стандартам.

По его мнению, ценность перечисленных критериев зависит от цели взаимодействия. В состав процедуры входит несколько компонентов, в частности, отбор людей для сбора информации и принятия решения; сбор информации; установление правил решения; процесс подачи апелляции на решение; процедура, определяющая поведение участников диспута; обеспечение механизма для изменения процедуры в случае ее неправильной работы. Каждый из этих компонентов оценивается по шести критериям, при этом для разных компонентов наиболее важными оказываются разные критерии, например, точность передачи информации важна для этапа сбора информации.

Некоторые авторы добавляют свои критерии субъективной процедурной справедливости к тем, которые были выделены Левенталем (*Lupfer et al., 2000*). Среди таких критериев наличие права голоса у всех заинтересованных сторон и возможность для человека, являющегося объектом решения, повлиять на исход процедуры.

Проведенные эмпирические исследования позволяют выделить следующие группы факторов, которые определяют оценку справедливости процедуры: особенности процедуры, характеристики ее участников, а также особенности ситуации, в которой происходит принятие решения.

К особенностям процедуры относятся: наличие у участников права контролировать как процесс вынесения решения, так и его результат, возможности выразить свою позицию, тщательное рассмотрение предъявленных доказательств, предотвращение влияния предубеждений участников на окончательное решение.

Предпочтение людьми той или иной процедуры зависит от степени их контроля *за процессом принятия решения и его результатом*. Процедуры могут различаться по обоим этим параметрам.

Например, в одном исследовании (*Houlden, et al., 1978*) респонденты принимали участие в одной из четырех процедур, которые различались уровнем контроля за процессом и результатом. Высокий контроль за процессом давал респондентам большие возможности в предъявлении доказательств, при низком контроле доказательств предоставлялись третьей стороной. При высоком уровне контроля за решением участники имели возможность отвергнуть решение, предложенное третьей стороной, а при низком уровне контроля им оставалось только принять его. Респондентов уверили в том, что они могут выбрать ту процедуру, в рамках которой предпочитают работать.

Результаты показали, что участники, игравшие роли сторон, предпочитали высокий уровень контроля за процессом, особенно при низком уровне контроля за результатом. Те, кто выполнял функции третьей стороны, предпочитали ту процедуру, которая давала им возможность контролировать результат.

Однако люди не всегда отдают предпочтение той процедуре, которая предоставляет им самостоятельность и дает возможность принять на себя ответственность. В частности, из нескольких типов процедур: инквизиционной с одним или двумя судьями, состязательной и гибридной процедуры (сочетающей в себе свойства инквизиционной и состязательной) —

люди отдавали предпочтение именно гибриду, в котором стороны могли свободно предъявлять доказательства и формулировать аргументы, но судья мог задавать вопросы или требовать пояснений (*Sheppard, 1984, 1985*).

Существует несколько объяснений влияния возможности контроля за процессом на выбор процедуры. Первый тип объяснений ставит ценность контроля за процессом в зависимость от результата. Одно из таких объяснений (*Brett, 1986; Thibaut, Walker, 1978*) гласит, что использование определенной процедуры позволяет человеку достичь желаемого результата. Если станет ясно, что контроль за процессом не приведет к достижению желаемого результата, влияние возможности контроля за процессом на оценку справедливости процедуры уменьшится. Это объяснение исходит из модели личного интереса. Однако результаты ряда исследований (*LaTour, 1978; Lind et al., 1980*) демонстрируют отсутствие тесной связи между благоприятностью результата и оценкой справедливости процедуры.

Согласно другому подобному объяснению (*Brett, 1986*), участники стремятся сохранить контроль за процессом, поскольку не имеют возможности контролировать результат. Если у них появляется такая возможность, то интерес к контролю за процессом падает. Однако результаты исследований показывают (*Lind, Lissak, Conlon, 1983*), что даже при наличии контроля за результатом участники признают процедуру более справедливой, когда существует высокий контроль за процессом (см. также *Tyler, 1987; Tyler, Rasinski, Spodick, 1985*).

Второй тип объяснений апеллирует к самооценности контроля за процессом (*Tyler, Rasinski, Spodick, 1985*). В соответствии с ним, контроль за процессом предусматривает, что человек может выразить свою позицию.

Именно со вторым типом объяснения влияния контроля за процессом на оценку справедливости процедуры связан такой ее параметр, как *свобода выражения участником своей позиции*. Существуют ситуации, в которых возможность высказать свою точку зрения обладает для участников самостоятель-

ной ценностью, вне зависимости от конечного результата (*Tyler, Rasinski, Spodick, 1985*).

Иллюстрацией этого утверждения служат результаты исследования (*Musante, Gilbert, Thibaut, 1983*), в котором респонденты были объединены в группы, состоящие из 6 человек. Было сформировано три типа групп. В группах первого типа участники обсуждали и принимали решение о процедуре, которая будет использоваться ими в дальнейшем. Респонденты из второй группы также обсуждали этот вопрос, но думали, что процедура уже выбрана. На втором этапе эксперимента половина респондентов из групп каждого типа участвовала в выбранной ими процедуре, а другая половина играла по другим правилам. Что касается групп третьего типа, то их участники не могли даже обсудить свои процедурные предпочтения.

Оказалось, что наличие групповой дискуссии и контроля за решением (участие в выбранной процедуре) вело к увеличению восприятия как дистрибутивной, так и процедурной справедливости. Но в тех группах, участники которых, обладая правом высказать свою позицию, не контролировали решение, восприятие обоих типов справедливости было выше, чем в группах третьего типа.

Таким образом, наличие возможности обсудить и выбрать процедуру обладает самостоятельной ценностью для участников диспута (см. также: *Van den Bos, Vermunt, Wilke, 1996*).

Однако возможность высказать свое мнение без возможности повлиять на выбор процедуры далеко не всегда оказывает позитивное влияние на оценку человеком происходящего. Для того, чтобы это влияние стало заметным, необходимо выполнение одного из двух условий: полезность принятого с помощью процедуры решения для субъекта восприятия или его важность.

В частности, когда респонденты получают возможность высказать свое мнение относительно полезного для них решения, они оценивают происходящее как более справедливое, и себя как менее раздраженных, чем тогда, когда принятое третьим лицом решение не касается их, или когда они вообще не имеют возможности высказать свою точку зрения (*Van den Bos, Spruijt, 2002*).

Влияние важности для человека принятого третьим лицом решения на связь между возможностью высказать свое мнение и оценкой справедливости происходящего было продемонстрировано в одном исследовании (*Van den Bos, Spruijt, 2002*), где респондентам говорили, что они должны будут выполнить ряд заданий, связанных с подсчетом точек на экране компьютера, и что решение о количестве этих заданий принимается экспериментатором. Было создано четыре экспериментальных условия. В двух экспериментальных условиях решение, принятое экспериментатором, касалось судьбы самого респондента, а в двух других — какого-то другого испытуемого. Кроме того, в двух экспериментальных условиях респонденты получали возможность высказать свое мнение относительно решения экспериментатора, а в двух других — нет.

Результаты исследования показали, что возможность высказать свою точку зрения не оказывала влияния на оценку справедливости происходящего преимущественно в том случае, когда решение экспериментатора касалось не самого респондента, а другого участника эксперимента. Если решение экспериментатора было важно для респондента, возможность высказать свое мнение даже относительно невыгодного решения оказывала позитивное влияние на его оценку справедливости происходящего.

Тщательность рассмотрения аргументов сторон — третий важный фактор восприятия процедурной справедливости. Люди оценивают как более справедливую ту процедуру, в которой позиции сторон рассматриваются наиболее полно, что приводит к вынесению решения в пользу одного из участников. На этом фоне компромисс может выглядеть как результат недостаточно четкой оценки позиций, поэтому компромиссное решение может приводить к понижению оценки справедливости процедуры (*Conlon, Lind, Lissak, 1987*).

Так, в одном исследовании (*Conlon, Lind, Lissak, 1987*) была использована состязательная процедура, а респондентам обещали, что за участие в судебном заседании они получат денежный приз. После этого им сообщали, что:

- они признаны невиновными по большинству обвинений и поэтому получают все обещанные деньги;
- они признаны невиновными по большинству обвинений и поэтому получают две трети обещанных денег;

- они признаны невиновными только по небольшой части обвинений и поэтому получают только одну треть обещанного гонорара;
- они признаны виновными по всем обвинениям и поэтому денег не получают совсем.

Оказалось, что процедура воспринималась как наименее справедливая в случае компромисса (получения одной трети от обещанного). Подобным образом была оценена и тщательность судьи при рассмотрении дела. Таким образом, компромиссное решение понизило оценку справедливости процедуры и действий судьи.

На суждение о справедливости процедуры оказывает влияние *предубежденность и манера поведения* основных участников взаимодействия. Так, люди оценивают свое взаимодействие с полицией как справедливое с точки зрения процедуры, когда полицейские, с которыми они встречаются, не имеют предубеждений по отношению к ним, честны и относятся к ним с уважением. В случае общения с предубежденными, коррумпированными и грубыми полицейскими процедура оценивается как несправедливая (*Tyler, 1987*). Аналогично, оценка справедливости процедуры участниками судебного процесса понижается, если они видят, что судья дружески общается с представителями только одной из сторон (*Lind, Lissak, 1985*).

К особенностям ситуации, влияющим на оценку справедливости процедуры, относятся соотношение между виновностью человека в совершении преступления и принятым решением; ограниченность времени принятия решения; подобие требований участников и наличие готовых стандартов для принятия решения; характер отношений между участниками, а также тип обсуждаемой задачи.

Первой особенностью ситуации, влияющей на оценку справедливости процедуры, является *соотношение между виновностью человека в совершении преступления и принятым решением*. Благоприятность принятого решения для одного из участников взаимодействия способствует повышению его оценки справедливости процедуры, особенно если этот результат соответствует действительности.

В одном из исследований, посвященных этой теме, проведенных Уолкером и коллегами (*Walker et al., 1974*), в качестве респондентов выступали студенты колледжа. Они участвовали в бизнес — игре в роли директоров одного из двух рекламных агентств. Кроме них в фирме были еще и «творческие директора» — помощники экспериментатора, в функцию которых входило придумывание новых названий для продукции. Директорам агентств обещали, что той фирме, которая придумает больше названий, будет выдан приз в 5 долларов. После этого директора узнавали, что конкурирующая фирма предъявила им обвинение в плагиате, и скоро состоится судебное разбирательство.

Авторы исследования изменяли три параметра экспериментальной ситуации:

- тип судебной процедуры. Половине респондентов говорили, что они самостоятельно могут выбрать юристов (из студентов-юристов), которые будут представлять их дело в суде (состязательная процедура). Другая половина респондентов узнавала, что в суде есть человек, который предъявляет доказательства обеих сторон (инквизиционная процедура);

- виновность в произошедшем творческого директора. Некоторым респондентам говорили, что их творческий директор не виновен в произошедшем, вторым — что виновен, а третьим — что он мог быть замешан в коммерческом шпионаже;

- вынесенный вердикт. В ходе процесса судья выносил решение о том, что ответчик виновен или невиновен.

Респонденты должны были оценить справедливость процедуры и удовлетворенность вердиктом.

Кроме респондентов-директоров в эксперименте участвовали и независимые наблюдатели.

Результаты исследования показали, что все категории респондентов отдавали предпочтение состязательной процедуре, вне зависимости от виновности творческих директоров в произошедшем и от качества вердикта. Однако степень удовлетворения от участия в состязательной процедуре изменялась в зависимости от качества вердикта: она была выше, если был вынесен вердикт «невиновен», особенно если респондент думал, что его творческий директор действительно невиновен.

Оценка справедливости процедуры также зависит от времени, отведенного на принятие решения, степени подо-

бия требований участников и наличия готовых стандартов вынесения решения (*LaTour et al., 1976; Thibaut, Walker, 1975*). Результаты исследования (*Thibaut, Walker, 1975*), в котором использовались такие процедуры, как посредничество, обсуждение, арбитраж, авторитарное принятие решения и процедура без участия третьего лица, показали, что наиболее высоко оцененной респондентами процедурой являлся арбитраж, затем обсуждение, посредничество, далее — процедура без участия третьей стороны и, наконец, авторитарное принятие решения. Таким образом, респонденты признавали необходимость контроля за принятием решения третьей стороны, но отвергали высокий уровень этого контроля. Однако высокий уровень контроля третьей стороны казался желательным в условиях ограниченности времени, отведенного на принятие решения, при наличии готовых стандартов для решения и противоположных требованиях участников взаимодействия.

Следующим фактором, определяющим оценку справедливости процедуры, является тип отношений, сложившихся между участниками взаимодействия. Эти отношения могут различаться по ряду параметров (*Barrett-Howard, Tyler, 1986*), таких, как:

- ориентация на отношения — ориентация на задачу;
- формальность—неформальность;
- кооперативное—конкурентное взаимодействие;
- равные—неравные возможности участников.

Справедливость, как процедурная, так и дистрибутивная, особенно важна при наличии отношений, грозящих перейти в затяжной конфликт, например, при неформальных ориентированных на задачу или ориентированных на задачу при неравных возможностях участников.

Оценка справедливости процедуры зависит также от типа задачи, требующей решения. Исследователи выделяют два типа таких задач: когнитивные и связанные с конфликтом интересов. Когнитивные задачи слабо затрагивают личные интересы участников и не подразумевают учет интересов од-

них в ущерб другим. Задачи, связанные с конфликтом интересов, обладают противоположными характеристиками.

Например, в одном исследовании (*Forrest, 2002*) респонденты принимали участие в групповой дискуссии в составе группы из 4 испытуемых, один из которых играл роль лидера, организующего процесс обсуждения экспериментальной проблемы. Независимыми переменными в этом эксперименте являлись тип задачи и справедливость процедуры вынесения решения.

Половина участвующих во взаимодействии групп решала когнитивную задачу, а вторая — задачу, связанную с конфликтом интересов. По условиям когнитивной задачи участники дискуссии должны были представить, что потерпели крушение на Луне и должны отобрать пятнадцать вещей, необходимых им для выживания. При решении задачи, порождающей конфликт интересов, респонденты должны были отобрать кандидатуры для участия в университетской программе, основываясь на резюме кандидатов.

При этом половина испытуемых выносила решение в рамках несправедливой процедуры, в которой лидер исключал из обсуждения проблемы одного из участников: не слушал его мнение, избегал визуального контакта с ними, не отвечал на его вопросы. Вторая половина респондентов выносила решение в рамках процедуры, где все участники имели равное право голоса.

Результаты исследования показали, что люди, ставшие участниками несправедливой процедуры, были меньше удовлетворены процессом вынесения решения, его результатом и групповыми ценностями, чем их коллеги, выносившие решение в рамках справедливой процедуры. Однако справедливость процедуры оказывала большее влияние на оценку респондентов, решающих задачу, связанную с конфликтом интересов.

Среди **особенностей участников взаимодействия**, влияющих на оценку справедливости процедуры, выделяют их *принадлежность к определенной культуре*. Интерес к межкультурным различиям в субъективной процедурной справедливости основывается на предположении о том, что люди, принадлежащие к разным культурам, обладают разными представлениями о целях и нормах взаимодействия и, соответственно, способах их достижения.

В пользу этого утверждения свидетельствует тот факт, что состязательную процедуру для разрешения споров предпочи-

тают не только американцы и англичане, но также французы и немцы (*Lind et al., 1978*), т.е. представители индивидуалистских культур. С другой стороны, жители Китая — представители коллективистской культуры оценивают справедливость состязательной и инквизиционной процедур примерно одинаково (*Leung, Lind, 1986*).

Такое различие в предпочтении состязательной процедуры может быть связано как с межкультурными различиями в целях взаимодействия, так и с разной оценкой возможностей состязательной процедуры, данной представителями разных стран. Согласно первому объяснению, для представителей коллективистских культур сохранение хороших отношений является гораздо более важной целью взаимодействия, чем удовлетворение собственных амбиций. Состязательная процедура в данном случае рассматривается как провоцирующая открытый конфликт и не позволяющая сохранить эти отношения. Представители индивидуалистской культуры для достижения собственных целей готовы идти на конфликт. Второе объяснение исходит из того, что стремление сохранить хорошие отношения между участниками свойственно представителям обоих типов культур, а различия в предпочтении состязательной процедуры связаны с оценкой ее возможностей. Китайцы действительно оценивают ее как способ взаимодействия, провоцирующий межличностный конфликт, а представители индивидуалистских культур не признают за ней такого качества (*Leung, 1985; Leung, Lind, 1986*).

Одним из основных параметров классификации культур является властная дистанция — степень, в которой неравенство людей, занимающих разностатусные позиции (начальник—подчиненный, учитель—ученик и т.д.), рассматривается как естественное и даже желательное. В культурах с большой властной дистанцией процедура, допускающая более активное участие в принятии решения людей, обладающих большей властью, по сравнению с носителями низкого статуса, рассматривается как достаточно справедливая. Вместе с тем, в культурах противоположного типа исключение из принятия

решения даже низкостатусных людей рассматривается как несправедливое. Однако некоторые авторы полагают, что предпочтение той или иной властной дистанции хотя и связано с культурой, является скорее индивидуальной особенностью субъекта оценки (*Brockner et al., 2001*).

Например, в исследовании Дж.Брокнера и его коллег (*Brockner et al., 2001*) принимали участие респонденты из США (культуры с низкой властной дистанцией), с одной стороны, и Китая (культуры с большой властной дистанцией) — с другой. Участники заполняли опросник, позволяющий фиксировать предпочтение ими той или иной властной дистанции. После этого их просили представить, что они работают в организации, которая стоит на пороге больших изменений, затрагивающих все сферы ее существования. В их отдел назначают нового начальника, который должен принять ряд решений, связанных с его реорганизацией. Одной трети респондентов говорили, что новый начальник консультируется со своими подчиненными относительно грядущих изменений и только потом принимает решение об их содержании. Другая треть респондентов узнавала, что начальник не интересуется их мнением, сообщая им о своем решении после того, как оно уже принято. Оставшиеся респонденты не получали информации о действиях начальника. В конце этого этапа исследования участники определяли степень, в которой они доверяют компании, мотивированы работать в ней, хотят помочь ей справиться с трудной ситуацией и собираются искать новую работу.

Результаты проведенного исследования показали, что респонденты из культуры с низкой властной дистанцией реагировали на отсутствие права голоса в принятии решения менее позитивно, чем жители Китая. Это выражалось в большем недоверии своей компании, нежелании работать в ней и оказывать ей помощь. Однако характер реакции на лишение права голоса был связан скорее не с принадлежностью к определенной культуре, а с индивидуальными различиями респондентов. Более негативное отношение к организации в ответ на исключение из принятия решения формировали люди, поддерживающие идею низкой властной дистанции, независимо от страны проживания.

Подобные результаты были получены и на следующем этапе исследования, в котором принимали участие респонденты из Германии и Гонконга, вспоминавшие о недавнем споре с каким-либо че-

ловеком, указывающие на его причины, статусы участников, степень учета их мнения при принятии решения и удовлетворенность результатом.

В настоящее время субъективная процедурная справедливость является менее популярной темой исследований, чем представления о дистрибутивной справедливости. Возможно, эта непопулярность объясняется *многообразием возможных процедур принятия решения и невозможностью выделить общие закономерности их оценки*. Дело в том, что процедуры принятия решения в разных социальных контекстах имеют разную специфику. В частности, процедура, используемая в суде присяжных, помимо контроля сторон за предоставлением доказательств имеет ряд специфических особенностей, не свойственных процедурам, используемым при принятии деловых или политических решений. К таким особенностям относятся, например, случайный выбор решателей (присяжных), наличие у сторон права их безмотивного отвода, возможность отмены вынесенного вердикта и т.д. Изучение оценки справедливости этих особенностей процедуры могло бы стать одним из направлений исследования субъективной процедурной справедливости.

Особенности изучения

Аналогично к интересным результатам могло бы привести изучение оценки справедливости одних и тех же процедур в разных контекстах. И хотя подобные исследования уже проводились, спектр представленных в них контекстов был неширок.

Так, в одном из исследований (*Fry, Leventhal, 1979*) использовались шесть типов процедур, в основу которых были положены критерии процедурной справедливости Левенталя. Одна процедура была полностью справедливой, а в остальных пяти было нарушено по одному критерию. При анализе результатов учитывались пол респондентов, характер отношений между ними (гармоничные, негармоничные, неспецифичные) и место проведения диспута (бизнес или семья). Оказалось, что тип контекста не оказывал влияния на восприятие справедливости процедуры, за исключением некоторых моментов, например того, что процедура с плохой системой

апелляции была оценена как менее справедливая при принятии деловых решений по сравнению с семейными.

Для проверки отсутствия влияния контекста на оценку справедливости процедуры спектр используемых контекстов должен быть расширен.

Другой проблемой исследований, посвященных субъективной процедурной справедливости, является *преимущественный интерес исследователей только к одной стадии процедуры — стадии вынесения решения*. Однако еще Левенталь отмечал, что процедура принятия решения многоступенчатая и включает в себя ряд стадий, среди которых стадии отбора людей для принятия решения и апелляции. Поэтому другим направлением изучения субъективной процедурной справедливости может стать исследование оценки справедливости тех компонентов процедуры, которые связаны с этими стадиями. Анализ разных стадий процедуры в разных контекстах позволит выделить новые факторы, влияющие на оценку ее справедливости.

Третьей проблемой изучения субъективной процедурной справедливости является *относительное невнимание исследователей к межличностной справедливости* — соблюдению некоторых норм поведения в ходе принятия решения. Результаты изучения представлений о справедливости, описанные в разделе, посвященном дистрибутивной справедливости, указывают на немаловажную роль, которую межличностная справедливость играет в структуре представлений о справедливости вообще. Некоторые авторы (*Bies, 1987; Brockner et al., 2001; Lufser et al., 2000*) выделяют три аспекта межличностной справедливости. По их мнению, взаимодействие в ходе принятия решения оценивается как справедливое в том случае, если:

- тот, кто распределяет вознаграждение, относится к тому, кому он его распределяет, уважительно;
- человеку, относительно которого принимается решение, дают возможность понять, почему было принято именно это решение;

- с человеком, относительно которого принимают решение, взаимодействуют честно.

Таким образом, еще одним направлением изучения субъективной процедурной справедливости может стать исследование важности и содержания межличностной справедливости в разных контекстах. Действительно ли оценка справедливости процедуры принятия любого решения (делового, политического, судебного и т.д.) зависит от трех перечисленных критериев? Как значимость этих критериев связана с культурной принадлежностью респондента? Только ли эти критерии влияют на оценку межличностной справедливости?

Примечания

¹ Термин «представления» будет использоваться в качестве обобщающего, включающего в себя такие явления, как определение и нормы справедливости, факторы, оказывающие влияние на ее оценку, стратегии восстановления справедливости.

² Несмотря на яркую иллюстрацию негативных последствий дистрибутивной несправедливости, результаты данного исследования обладают, по крайней мере, одним ограничением. Чувство вины в данном случае испытывал человек, который, по сути, не являлся причиной несправедливости: не он принимал решение о том, кто заслуживает повышения по службе. Возможно, что, принимая решение самостоятельно, оно не вызвало бы у него негативных чувств: сторонники теории когнитивного диссонанса неоднократно экспериментально демонстрировали способы устранения возникающего в когнитивной системе противоречия и последующего состояния напряжения. Вместе с тем, согласно той же теории когнитивного диссонанса, отсутствие достаточного оправдания своих действий вызывает негативное эмоциональное состояние только у тех людей, которые несут личную ответственность за принятие решения, тогда как мужчина из описанной истории не принимал самостоятельного решения. Поэтому он не должен был испытывать чувства вины, что противоречит полученным результатам. Это противоречие могло бы быть снято измерением восприятия личной ответственности в случившемся.

³ Несмотря на это, результаты некоторых исследований демонстрируют, что при решении правовых вопросов соблюдение процедурной справедливости оказывает меньшее влияние на оценку справедливости происходящего, чем соблюдение дистрибутивной.

Это было показано в исследовании Дж. Гибсона (*Gibson, 2002*), проведенном в ЮАР. Целью автора было изучение мнения граждан ЮАР об амнистии жертв апартеида. По мнению Гибсона, большинство жителей этой страны выступают против подобной амнистии, поскольку под ее действие попа-

дают люди, совершившие серьезные преступления, приведшие к смерти большого количества жертв. Автора заинтересовали факторы, которые связаны с оценкой справедливости этой амнистии. В качестве таких факторов он выделил четыре нормы справедливости. Он назвал их дистрибутивной, процедурной, восстановительной и карательной справедливостью.

Участники этого исследования знакомились с проективными ситуациями, различающимися по соблюдению / несоблюдению в них каждой из выделенных норм. В проективной ситуации рассказывалось о человеке по имени Филипп, который совершил террористический акт, взорвав бомбу в людном месте и убив много невинных людей, а потом был амнистирован. Проективные ситуации различались продолжением этой истории – соблюдением / несоблюдением каждой из четырех норм справедливости:

- соблюдение дистрибутивной справедливости: семьям жертв была выплачена компенсация за потерю родственников;
- несоблюдение дистрибутивной справедливости: правительство выразило сочувствие родственникам жертв, но выплатить компенсацию отказалось;
- соблюдение процедурной справедливости: во время судебного заседания, в ходе которого было вынесено решение об амнистии, родственникам жертв была предоставлена возможность рассказать о том, как поступок террориста повлиял на их жизнь;
- несоблюдение процедурной справедливости: у родственников жертв не было такой возможности;
- соблюдение карательной справедливости: у Филиппа была возможность объяснить свои действия. После того, как он заканчивал свой рассказ, члены его семьи говорили, что им очень стыдно за совершенное Филиппом, и что его жена даже развелась с ним;
- несоблюдение карательной справедливости: члены семьи говорили, что понимают Филиппа и поддерживают его;
- соблюдение восстановительной справедливости: Филипп извинялся за содеянное, и родственники жертв принимали эти извинения;
- несоблюдение восстановительной справедливости: Филипп извинялся, но его извинения были отвергнуты родственниками жертв.

Результаты исследования показали, что наибольшее влияние на восприятие справедливости амнистии Филиппа оказа-

ло соблюдение дистрибутивной справедливости. Вместе с тем, сумма влияния процедурной и восстановительной справедливости составила всего две трети от размера влияния дистрибутивной.

⁴ Термины «событие» и «ситуация» будут рассматриваться как взаимозаменяемые, за исключением тех случаев, когда речь пойдет о проективных ситуациях как методике исследования.

⁵ В рамках данной главы под нормами справедливости будут пониматься правила, лежащие в основе распределения вознаграждения за проделанную работу или назначения наказания за допущенные нарушения. Характерно, что, обсуждая дистрибутивную справедливость, исследователи предпочитают говорить о нормах, а изучая процедурную, — о факторах, оказывающих влияние на оценку справедливости процедуры.

⁶ «Начиная с работ Ж. Пиаже, когнитивными психологами был эмпирически выявлен тот факт, что, по представлениям 5-6-летних детей, закону справедливости подчиняются явления физического мира; под маленьким воришкой проламываются доски, и он падает, *потому что воровал*, непослушного ребенка перестают слушаться ножницы, и он ранит палец, *потому что не слушался, и т.п.* Этот феномен был назван Ж. Пиаже «имманентная справедливость» и объяснялся им когнитивной незрелостью: у большинства 8—9-летних детей подобных утверждений уже не наблюдалось.

Но проведенный впоследствии целый ряд аналогичных исследований показал, что вера в имманентную справедливость может возвращаться в подростковом возрасте, обнаруживаться у взрослых людей, столкнувшихся с серьезным заболеванием. Более того, у представителей некоторых традиционных культур вера в имманентную справедливость с возрастом увеличивается.

Предпринятая у нас в конце 80-х гг. попытка исследовать этнокультурные особенности представлений о справедливости показала, что проявления феномена веры в имманентную

справедливость у русских детей, живущих в Москве, имеют ту же особенность, что и у маленьких швейцарцев — испытуемых Ж. Пиаже, но отличаются от проявлений этого феномена у детей-якутов: у последних он сохраняется дольше» (*цит. по Воловикова, Соснина, 2001*).

⁷ Примечательно, что в этой классификации собственно дистрибутивная несправедливость связана только с одним из пунктов — последним, тогда как все остальные типы относятся к процедурной или межличностной справедливости.

⁸ Одна из модификаций этой формулы выглядит следующим образом: степень несправедливости вознаграждения равна вознаграждению, положенному человеку по мнению окружающих, деленному на реально полученное им вознаграждение (*Jasso, Regh, 2002*).

⁹ Косвенным подтверждением этой закономерности является тот факт, что китайские студенты используют норму равенства, работая в сплоченной группе, а норму беспристрастности — в противоположном случае (*Chiu, 1990*).

¹⁰ Исследование проведено при поддержке РГНФ (проект №02-06-00067 А).

Литература

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
2. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т.20. №3. С.5—17.
3. Баранов Н.П. Профессиональное правосознание работников ОВД. М., 1991.
4. Баранов П.П. Теория систем и системный анализ правосознания личного состава ОВД. Ростов-на-Дону, 1997.
5. Бегинин В.И. Общественное правосознание и государственность. Саратов, 1993.
6. Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М., 1997.
7. Бойков А.Д., Кригер В.И., Носкова Н.А. Опыт изучения правосознания членов товарищеских судов // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.108—120.
8. Борисов В.А., Козина И.М. Социальная справедливость и права человека в массовом сознании (Теория и метод исследования) // Российское сознание: психология, феноменология, культура. Самара, 1995. С.246—262.
9. Бохан В.Ф. Психологический анализ содержания судебного убеждения // Вопросы судебной психологии / Под ред. А.В.Дулова. Минск, 1970. Вып.1. С.34—53.
10. Брушлинский А. Российское общество в поисках новой психологической опоры // Российский социально - политический вестник. 1996. № 1-2. С.5—7.
11. Валкова Е., Кнотек О., Штехова М. Криминологическая характеристика правосознания несовершеннолетних и молодежи // Криминологические проблемы правосознания и общественное мнение о преступности / Под ред. И.И.Карпец, И.Незкусилы. М.;Прага, 1986. С.156—170.
12. Воловикова М.И., Соснина Л.М. Этнокультурное исследование представлений о справедливости (на примере молдаван и живущих в Молдове цыган) // Вопросы психологии. 2001. №2. С.85—93.
13. Гайнер М.Л. Правосознание подростков. М., 1998.
14. Голыничик Е.О. Атрибуция присяжными заседателями ответственности за преступление // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2002. №1. С.16—24.
15. Горшков М.К., Авилова А.В., Андреев А.Л., Бызов Л.Г., Давыдов Н.М., Здравомыслов А.Г., Петухов В.В., Тихонова Н.Е., Чепуренко А.Ю. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов // Мир России. 1996. №2. С.75—116.
16. Грошев А.В. Уголовный закон и правосознание. Екатеринбург, 1994.
17. Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987.
18. Гулевич О.А. Влияние психологических особенностей жертвы и преступника на оценку степени их ответственности и вины при совершении убийства. 2003. В печати.
19. Гулевич О.А. Влияние типа преступления на оценку степени ответственности и вины преступника и жертвы // Сборник трудов Института психологии им.Л.С.Выготского РГГУ. 2001. Вып.1. С.233—248.
20. Гулевич О.А. Обыденная классификация преступлений: содержание и основные параметры. 2003 (<http://psychology.rsuh.ru>).
21. Гулевич О.А. Представления людей об убийстве и работников правовых институтов как результат правовой социализации // Журнал психологического общества им.Л.С.Выготского. 2000. №1. С.64—73.
22. Гулевич О.А. Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации // Вопросы психологии. 2001. №4. С.53—67.
23. Гулевич О.А. Сравнительный анализ социальных представлений о преступлениях у русских и французских студентов. 2003. В печати.

24. Гулевич О.А. Теоретический анализ и опыт эмпирического исследования правосознания как совокупности социальных представлений о праве // Мир психологии. 1999. №3. С.120—131.

25. Долгова А.И. Изучение правового сознания несовершеннолетних // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.197—206.

26. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.

27. Еникеев М.И. Основы судебной психологии. М., 1982.

28. Ефремова Г.Х. Правовые установки и ориентации молодых правонарушителей // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.121—136.

29. Ефремова Г.Х. Реакция общественного сознания на преступное поведение // Криминологические проблемы правосознания и общественное мнение о преступности / Под ред. И.И.Карпец, И.Незкусила. М.; Прага, 1986. С.128—149.

30. Ефремова Г.Х., Кроз М.В., Ратинов А.Р., Симонов А.К. Средства массовой информации и судебная власть в России. М., 1998.

31. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. Пособие по методологии и методике исследований. М., 1989.

32. Иванов В., Котов А., Ладодо И. Социальное самочувствие россиян. Некоторые результаты социологического исследования // Федерализм. 1996. №1. С.119—134.

33. Иванов Э.А. СМИ и борьба с преступностью: союзник или наблюдатель? // Преступность: стратегии борьбы / Под ред. А.И.Долговой. М., 1997. С.95—100.

34. Зацепин М.Н. Антиобщественные взгляды и СМИ // Преступность и культура / Под ред. А.И.Долговой. М., 1999. С.101—103.

35. Калькова В.Л. Исследование социальных представлений в европейской социальной психологии (сводный реферат) // Общественные науки за рубежом. Серия II, «Социология». М., 1992. №4. С.92—109.

36. Каминская В.И., Константинова Н.Я., Носкова Н.А., Ратинов А.Р. Характеристика правосознания различных групп населения // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.85—107.

37. Каминская В.И., Михайловская И.Б. Общественное мнение о правосудии по уголовным делам // Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.215—222.

38. Каминская В.И., Ратинов А.Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.39—67.

39. Капустин Б.Г. Либеральные ценности в сознании россиян. М., 1994.

40. Кириллов Н.П. Массовое сознание. Структура. Генезис. Сущностные характеристики. Томск, 1995.

41. Колотов А.Р. Правовое сознание в условиях обновления советского общества. М., 1991.

42. Крыжановский А.Ф. Профессиональное правосознание как отражение профессионализма в восприятии правовой действительности. Одесса, 1984.

43. Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н., Михайловская И.Б. Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней. М., 1994.

44. Купленский А.А. Физическое насилие в деятельности работников уголовного розыска: реальность и самооценка // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием / Под ред. А.В.Иващенко. Омск, 1996. С.114—124.

45. Курильски-Ожвэн Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. М., 1996.

46. Лысков А. Правовая психология и ее место в структуре правосознания. Л., 1969.
47. Материалы Общества защиты осужденных хозяйственников. Стенограммы игровых коллегий присяжных. М., 1993. (рукопись).
48. Мезлов Ю.А. Проблема профессионального насилия в деятельности сотрудников криминальной милиции // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием / Под ред. А.В. Иващенко. Омск, 1996. С.91—99.
49. Мирогин В.Г., Залевский Г.В. Ценностно-потребностная сфера личности осужденных, переживших смертный приговор // Психологический журнал. 1999. Т.20. №2. С.73—81.
50. Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Права человека в массовом сознании. М., 1995.
51. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983.
52. Никитин В.Б., Орехов В.В., Спиридонов Л.И., Фомин Э.А. О возможном подходе к исследованию эффективности правовой нормы // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р. Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.90—94.
53. Николаева О.П. Правовая и моральная зрелость личности // Субъект и социальная компетентность личности. М., 1995. С.109—137.
54. Николаева О.П. Сравнительный анализ развития правового сознания (в условиях различных государств) // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993.
55. Ничипоренко Н.П., Пацакула И.И. Исследование репрезентации образа инспектора ГАИ в обыденном сознании // Актуальные проблемы сферы психологии и права. Калуга, 1998. С.112—114.
56. Носкова Н.А. Изучение общественного мнения о недонесении о преступлении // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.223—229.
57. Отношение к проблеме смертной казни: исследование, проведенное фирмой «Validata Yanklovich» по заказу общества против смертной казни и пыток «Право на жизнь» / Сост. Волькенштейн Н.М., Коган-Ясный В.В. М., 1994.
58. Панасюк А.Ю. Обвинительный уклон в зеркале психологического исследования // Психологический журнал. 1992. №3. С.54—65.
59. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974.
60. Пристанская О.В. Правосознание лиц, совершающих преступления в несовершеннолетнем и молодом возрасте // Криминологические проблемы правосознания и общественное мнение о преступности / Под ред. И.И.Карпец, И.Незкусилла. М.; Прага, 1986. С.190—199.
61. Пристанская О.В., Юцкова Е.М.. Методика криминологического изучения правосознания и общественного мнения о преступности. М., 1990.
62. Ратинов А.Р. Структура и функции правового сознания // Правовая культура и вопросы правового воспитания / Под ред. А.Д.Бойкова, В.И.Каминской, А.Р.Ратинова, В.В.Степанова, А.С.Шляпочникова. М., 1974. С.178—187.
63. Ратинов А.Р. Вопросы изучения преступности и борьбы с ней // Сборник материалов Всесоюзного научного семинара по проблемам криминологии / Под ред. А.Б.Сахарова, В.А.Серебрякова, Г.В.Антонова-Романовского, А.А.Волошиной. М., 1975.
64. Семенко Л.А. Факторы эффективности правовой пропаганды. Воронеж, 1987.
65. Серебрякова В.А. Отношение граждан к различным видам преступлений // Криминологические проблемы правосознания и общественное мнение о преступности / Под ред. И.И.Карпец, И.Незкусилла. М.; Прага, 1986. С.141—149.
66. Соколов Н.Я. Профессиональное правосознание юристов. М., 1988.
67. Солдатенков А.Н. Образ сотрудника ОВД у различных социальных групп. Диплом, защищенный на кафедре социальной психологии МГУ, 2000.

68. Сорокотягин И.Н. Юридическая психология. Свердловск, 1988.
69. Тощенко Ж.Т. О парадоксах общественного сознания // Социологические исследования. 1995. №11. С.3—11.
70. Трушков И.Н. Социокультурные особенности отношения к закону. СПб., 1995.
71. Трушкова С.В. Структура, динамика и функции социальных представлений (обзор) // Социальные и гуманитарные науки (отечественная и зарубежная литература). Серия 11, «Социология». М., 1996. №3. С.180—207.
72. Фарбер И. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.
73. Халтаева Н.А. Общественное мнение населения о деятельности органов внутренних дел в борьбе с преступностью в Хабаровском крае (1990-92 гг.) // Правовая реформа и проблемы деятельности органов внутренних дел / Под ред. К.Б. Толкачева. Уфа, 1995. С.13—16.
74. Чернецкая О.В. Методические проблемы изучения представлений об изнасиловании. Диплом, защищенный на кафедре социальной психологии МГУ, 2000.
75. Чифранов В.А. Философские проблемы правового сознания. Харьков, 1983.
76. Щегорцев В.А. Социология правосознания. М., 1981.
77. Юцкова Е.М. Характеристики правосознания некоторых социальных групп населения // Криминологические проблемы правосознания и общественное мнение о преступности / Под ред. И.И.Карпец, И.Незкусила. М.; Прага, 1986. С.150—155.
78. Якимова Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80-90-х годов. М., 1996.
79. Abric J.C. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in situation of interactions // Social representations / Ed. by R.M.Farr, S.Moscovici. Cambridge, 1984. P.168—183.
80. Acock A.C., Ireland N.K. Attribution of blame in rape cases: the impact of norm violation, gender and sex-role attitude // Sex Roles. 1983. Vol.9. P.179—193.
81. Adams J.S. Inequity in social exchange // Advances in experimental social psychology / Ed. by L.Berkowitz. N.Y., 1965. Vol.2. P.267—299.
82. Akers R.L. Deviant behavior. A social learning approach. Belmont (Cal.), Wadsworth, 1973.
83. Akers R.L., Krohn M.D., Lanza-Kaduce L., Radosevich M. Social learning and deviant behavior: a specific test of a general theory // American Sociological Review. 1979. Vol.44. P.636—655.
84. Akers R.L., La Greca A.J., Sellers C., Cochran J. Fear of crime and victimization among the elderly in different types of communities // Criminology. 1987. Vol.25. P.487—505.
85. Albonetti C.A. The integration of theories to explain judicial discretion // Social Problems. 1991. Vol.38. P.247—266.
86. Alexander Ch.S. The responsible victim: nurses` perception of victims of rape // Journal of Health and Social Behavior. 1980. Vol.21. P.22-33.
87. Alicke M.D. Culpable control and the psychology of blame // Psychological Bulletin. 2000. Vol.126. P.556—574.
88. Alpert G.P., Hicks D.FA. Prisoners` attitudes toward components of the legal and judicial system // Criminology. 1977. Vol.14. P.461—482.
89. Anderson D.C. Crime and the politics of hysteria. N.Y., 1995.
92. A.T.O. The figure report on fear of crime: America afraid. Willoughby, 1980.
90. Austin W. Justice, freedom and self-interest in intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Ed.by W.G. Austin, S.Worchel. Monterey, California, 1979. P.121—143.
91. Ball J. Delinquent and nondelinquent attitudes toward the prevalence of stealing // Journal of Criminal Law and Criminology. 1957. Vol.48. P.262—264.
92. Balogh J., Mueller M.A. A scaling technique for measuring social attitudes toward capital punishment // Sociology and Social Research. 1960. Vol.45. P.24—26.
93. Bar-Hillel, Yaari M. Judgments of distributive justice // Psychological perspectives on justice / Ed.by B.A.Mellers, J.Baron. Cambridge, 1993.

94. Barrett-Howard E., Tyler T.R. Procedural justice as a criterion in allocation decisions // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol.50. P.296—304.

95. Beck K.A., Ogloff R.P. Child abuse reporting in British Columbia: psychologists` knowledge of and compliance with reporting law // *Professional Psychology: Research and Practice*. 1995. Vol.26. P.245—251.

96. Bedau H.A. (Ed.) *The death penalty in America*. 3rd.ed. N.Y., 1982.

97. Belyea M.J., Zingraff M.T. Fear of crime and residential location // *Rural Sociology*. 1988. Vol.53. P.473-486.

98. Bernstein M., Crosby F. An empirical examination of relative deprivation theory // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1980. Vol.16. P.442—456.

99. Best J.B., Demmin H.S. Victim`s provocativeness and victim`s attractiveness as determinants of blame in rape // *Psychological Reports*. 1982. Vol.51. P.255-258.

100. Bies R.J. The predicament of injustice: the management of moral outrage // *Research in organizational behavior*. Vol.9 / Ed. by L.L. Cummings, B.M. Shaw. L., 1987. P.289—319.

101. Bishop G., Tuchfarber A., Oldendick R. Opinions on fictitious issues: the pressure to answer survey questions // *Public Opinion Quarterly*. 1986. Vol.50. P.240—250.

102. Blaauw E., Winkel F.W., Vermunt R. Justice in the criminal justice and their antecedents and consequences in a jail population // *Forensic Psychology and Law: Traditional Questions and New Ideas* / Ed. by A.Czerederecka, T. Jaskiewicz-Obydzinska, J.W.Cikiewicz. Krakow, 2000. P.287—296.

103. Blake P.J., Heesacker M., Marks L.I. Judgments regarding rape: a comparison of rape counselors, police, hospital staff and citizens // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1993. Vol.12. P.248—261.

104. Bluestone H., McGahee C.L. Reaction to extreme stress // *American Journal of Psychiatric*. 1962. Vol.119. P.390—396.

105. Blumstein A., Cohen J. Sentencing of convicted offenders: an analysis of the public`s view // *Law and Sociology Research*. 1980. Vol.14. P.223—261.

106. Boehm V.R. Wr. Prejudice, miss sympathy and the authoritarian personality: an application of psychology measuring techniques to the problem of jury bias // *Wisconsin Law Review*. 1968. P.734—750.

107. Bohm R.M. Retribution and capital punishment: toward a better understanding of death penalty opinion // *Journal of Criminal Justice*. 1992. Vol.20. P.227—236.

108. Bohm R.M., Maisto A., Vogel R.E. Knowledge a death penalty opinion // *Journal of Criminal Justice*. 1993. Vol.21. P.29—45.

109. Bohm R.M., Clark L.J., Aveni A.F. Knowledge and death penalty opinion: a test of the Marshall hypothesis // *Journal of Research of Criminology*. 1991. Vol.28. P.360—387.

110. Bohner G., Reinhard M-A., Rutz S., Sturm S., Kerschbaum B., Effeler D. Rape myths as neutralizing cognitions: evidence for a causal impact of anti-victim attitudes on men`s self-reported likelihood of raping // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.28. P.257—268.

111. Bohner G., Siebler F., Raaijmakers Y. Saliency of rape, affects self-esteem: individual versus collective self-aspects // *Group Processes and Intergroup Relations*. 1999. Vol.2. P.191—199.

112. Bohner G., Weisbrod C., Raymond P., Barzvi A., Schwartz N. Saliency of rape affects self-esteem: the moderating role of gender and rape myth acceptance // *European Journal of Social Psychology*. 1993. Vol.23. P.561—579.

113. Borg M.J. Vicarious homicide victimization and support for capital punishment: a test of Black`s theory of law // *Criminology*. 1998. Vol.36. P.537—567.

114. Bouma D. Kids and cops: a study of mutual hostility. Michigan, 1969.

115. Bowers W.J., Pierce G.L. Deterrence of brutalization: what is the effect of executions? // *Crime and Delinquency*. 1980. Vol.25. P.453—484.

116. Boydell C., Grindstaff C. Public opinion toward sanctions for crimes of violence // *Journal of Criminal Law*. 1974. Vol.165. P.113—116.

117. Brankston W.B., Jenkins Q. A.L., Thayer-Doyle C.L., Thompson C. Y. Fear of criminal victimization and residential location // *Rural Sociology*. 1987. Vol.52. P.98—107.
118. Braungart M.M., Braungart R.G., Hoyer W.J. Age, sex and social factors in fear of crime // *Sociological Focus*. 1980. Vol.13. P.55—66.
119. Brems C., Wagner P. Blame of victim and perpetrator in rape versus theft // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. P.363—374.
120. Brett J.M. Commentary on procedural justice papers // *Research on negotiation in organizations* / Ed.by R.Lewicki, M.Bazerman, B.Sheppard. Greenwich, 1986. Vol.1. P.81—90.
121. Brickman P., Ryan K., Wortman C.B. Causal chains: Attribution of responsibility as a function of immediate and prior causes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. Vol. 32. P.1060—1067.
122. Bridges G.S., Steen S. Racial disparities in official assessments of juvenile offenders: attributional stereotypes as a mediating mechanism // *American Sociological Review*. 1998. Vol.63. P.554—570.
123. Bridges G.S., Conley D. Racial disproportionality in county juvenile facilities. Department of Social and Health Services, State of Washington, 1995.
124. Bridges G.S., Crutchfield R.D., Simpson E. Crime, social structure and criminal punishment: white and nonwhite rates of imprisonment // *Social Problems*. 1987. Vol.34. P.345—361.
125. Brockner J., Ackerman G., Greenberg J., Gelfand M.J., Francesco A.M., Chen Z.X., Leung K., Bierbrauer G., Gomez C., Kirkman B.L., Shapiro D. Culture and procedural justice: the influence of power distance on reaction to voice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2001. Vol.37. P.300—315.
126. Brodsky S.L., O'Neal Smitherman H. *Handbook of scales for research in crime and delinquency*. N.Y., L.,1983.
127. Brooks L.W., Piguero A., Cronin J. Work-load rates and police officer attitudes: an examination of busy and slow precincts // *Journal of Criminal Justice*. 1994. Vol.22. P.277—286.
128. Brownmiller S. *Against our will: rape, women and men*. N.Y., 1975.
129. Burt M.R. Cultural myths and supports for rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol.38. P.217—230.
130. Calhoun L.G., Cann A., Tedeschi R.G., McMillan J. Traumatic events and generational differences in assumptions about a just world // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.138. P.789-791.
131. Calhoun L.G., Selby J.W., Cann A., Keller G.T. The effects of victim physical attractiveness and sex of respondent on social reactions to victims of rape // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1978. Vol.17. P.191—192.
132. Campis L.K., Prentice-Dunn S., Lyman R.D. Coping appraisal and parents` intentions to inform their children about sexual abuse: a protection motivation theory analysis // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1989. Vol.8. P.304-316.
133. Caron S.L., Carter D.B. The relationship among sex role orientation, egalitarianism, attitudes toward sexuality and attitudes toward violence against women // *The Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.137. P.568-587.
134. Carter C., Beaulieu L.J. *Rural crime in Florida: a victimization study of the rural nonfarm population*. Mississippi State, 1984.
135. Chang D.N., Zastro C.H., Blazicek D.L. Inmates` perception of significant others and the implications for the rehabilitation process // *International Journal of Criminology and Penology*. 1975. Vol.3. P.85—96.
136. Check J.V.P., Malamuth N.M. Sex-role stereotyping and reactions to depictions of stranger versus acquaintance rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol.45. P.344—356.
137. Chiu C-Y. Distributive justice among Hong Kong Chinese college students // *The Journal of Social Psychology*. 1990. Vol.130. P.649—656.
138. Chiu C-Y. Hierarchical social relations and justice judgement among Hong-Kong Chinese college students // *The Journal of Social Psychology*. 1991. Vol.131. P.885—887.

139. Chiu C-Y. Responses to injustice by Hong Kong Chinese college students // *The Journal of Social Psychology*. 1991. Vol.131. P.205—211.
140. Chiu C-Y. Responses to injustice in popular Chinese sayings among Hong Kong Chinese students // *The Journal of Social Psychology*. 1991. Vol.131. P.655—665.
141. Cialdini R.B., Kenrick D.T., Hoering J.H. Victim derogation in the Lerner paradigm: just world or just justification? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1976. Vol.33. P.719—724.
142. Cicourel A. *The social organization of juvenile justice*. N.Y., 1968.
143. Ciricos T., Hogan M., Gertz M. Racial composition of neighborhood and fear of crime // *Criminology*. 1997. Vol.35. P.107—129.
144. Cohn E.S., White S.O. *Legal socialization: a study of norms and rules*. N.Y., 1990.
145. Cohn S.F., Barkan S.E., Haltzman W.A. Punitive attitudes toward criminals: racial consensus or racial conflict // *Social Problems*. 1991. Vol.38. P.287—296.
146. Conclin J.E. Dimensions of community response to the crime problem // *Social Problems*. 1971. Vol.18. P.373—385.
147. Conclin J.E. *The impact of crime*. N.Y., 1975.
148. Conlon D.E., Lind E.A., Lissak R.I. Nonlinear and non-monotonic effects of outcome on procedural and distributive fairness judgments. Unpublished manuscript, University of Illinois, 1987.
149. Covell K., Howe R.B. Public attitudes and juvenile justice in Canada // *International Journal of Children's Rights*. 1996. Vol.4. P.345—355.
150. Crank J.P., Payn B., Jaskon S. The relationship between police belief systems and attitudes toward police practices // *Criminal Justice and Behavior*. 1993. Vol.29. P.199—221.
151. Cropanzano R., Folger R. Referent cognitions and talk decision autonomy: beyond equity theory // *Journal of Applied Psychology*. 1989. Vol.74. P.293—299.
152. Crosby F. A model of egotistical relative deprivation // *Psychological Review*. 1976. Vol.83. P.85—113.
153. Crozier S., Joseph S. Religiosity and sphere-specific just world beliefs in 16- to 18-years-olds // *The Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.137. P.510—513.
154. Cullen F., Link B., Polanzi C. The seriousness of crime revisited // *Criminology*. 1982. Vol.20. P.83—101.
155. Dalbert C., Montada L., Schmitt M. Glaube an eine gerechte Welt als Motiv: Validierungskorrelate zweier Skalen // *Psychologische Beiträge*. 1987. Vol.29. P.596—615.
156. Darrow C. *Attorney for the damned*. N.Y., 1957.
157. Davis D. E., Davis W. L. Internal-external control and attribution of responsibility for success and failure // *Journal of Personality*. 1974. Vol. 40. P.123—136.
158. Davis J.A. Attitudes toward free speech in six countries in the mid — 1980s: Australia, Austria, Great Britain, Italy, The United States and West Germany // *European Sociological Review*. 1990. Vol.6. P.1—14.
159. Deitz S.R., Byrnes L.E. Attribution of responsibility for sexual assault: the influence of observer empathy and defendant occupation and attractiveness // *The Journal of Psychology*. 1981. Vol.108. P.17—29.
160. Diaz-Veizades J., Widaman K.F., Little T.D., Gibbs K.W. The measurement and structure of human rights attitudes // *The Journal of Social Psychology*. 1995. Vol.135. P.313—328.
161. Diessner R., Mayton II D., Dolen M.A. Values hierarchies and moral reasoning // *The Journal of Social Psychology*. 1993. Vol.133. P.869—871.
162. Dolinski D., Gromski W., Szmajke A. Perpetrators' freedom of choice as a determinant of responsibility attribution // *Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.128. P.441—449.
163. Donnerstein E., Berkowitz L. Victim reactions in aggressive erotic films as a factor in violence against women // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol.41. P.710—724.

164. Donnerstein E., Linz D. Sexual violence in mass media // *Violence and the law* / Ed. by M. Costanzo, S. Oskamp. Sage publications, 1994. P.9—36.
165. Donnerstein E., Linz D., Penrod S. The question of pornography: research findings and policy implications. N.Y., 1987.
166. Drass K.A., Spencer J.W. Accounting for pre-sentencing recommendations: typologies and probation officers. *Theory of office* // *Social Problems*. 1987. Vol.34. P.277—293.
167. Dull R.T. Friends` use and adult drug and drinking behavior: a further test of differential association theory // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 1983. Vol.74. P.1608—1619.
168. Durea M. An experimental study of attitudes toward juvenile delinquency // *Journal of Applied Psychology*. 1933. Vol.12. P.522—534.
169. Durham A.III. Crime seriousness and punitive severity: an assessment of social attitudes // *Justice Quarterly*. 1988. Vol.5. P.131—153.
170. Durham III A.M. Public opinion regarding sentences for crime: does it exist? // *Journal of Criminal Justice*. 1993. Vol.21. P.1-11.
171. Echate E.A., Guede E.F., Castro L.G. Social representations and intergroup conflicts: who`s smoking here? // *European Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.24. P.339—355.
172. Elliot G.C., Meeker B.F. Achieving fairness in the face of competing concerns: the different effects of individual and group characteristics // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol.50. P.754—760.
173. Elliott R.G. *Agent of death: memoirs of an executioner*. N.Y., 1940.
174. Emerson R.M. *Judging delinquents: context and process in juvenile court*. Chicago, 1969.
175. Emler N., Stace K. What does principled versus conventional moral reasoning convey to others about the politics and psychology of the reasoning // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.29. P.455-468.
176. Ernst T. The necessity for cooperation between philosophical and empirical research in the clarification of the meaning of the moral «ought» // *The moral domain: Essays in the ongoing discussion between philosophy and the social sciences*. Studies in contemporary German social thought / Ed. by T.E. Wren. Cambridge, 1990. P.3—14.
177. Espy M.W. Capital punishment and deterrence: what the statistic cannot show // *Criminal Delinquency*. 1980. Vol.26. P.537—544.
178. Farrel R.A., Swigert V.L. Prior offence as a self-fulfilling prophecy // *Law and Society Review*. 1978. Vol.12. P.437—453.
179. Farwell L., Weiner B. Self-perception of fairness in individual and group context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol.22. P.867—881.
180. Feather N.T., Boeckmann R.J., McKee I.R. Reactions to an offence in relation to authoritarianism, knowledge about risk and freedom of action // *European Journal of Social Psychology*. 2001. Vol.31. P.109—126.
181. Feather N T, Dawson S. Judging deservingness and affect in relation to another`s employment or unemployment: A test of a justice model // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.28. P.361—381.
182. Feldman-Summers S., Lindner K. Perceptions of victims and defendants in criminal assault cases // *Criminal Justice and Behavior*. 1976. Vol.3. P.135—149.
183. Ferguson P., Duthie D., Graf R.G. Attribution of responsibility to rapist and victim: the influence of victim`s attractiveness and rape-related information // *Journal of Interpersonal Violence*. 1987. Vol.2. P.243—250.
184. Ferraro K.F. Women`s fear of victimization: shadow of sexual assault? // *Social Forces*. 1996. Vol.75. P.667—690.
185. Field H.S. Rape trials and jurors decisions: a psychological analysis of the effects of victim, defendant and case characteristics // *Law and Human Behavior*. 1979. Vol.3. P.261—284.

186. Figlio R. The seriousness of offenses: an evaluation by offenders and nonoffenders // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1975. Vol.66. P.189—200.
187. Fishman G., Mesch G.S. Fear of crime in Israel: a multi-dimensional approach // *Social Science Quarterly*. 1996. Vol.77. P.76—89.
188. Fishman G., Rattner A., Weimann G. The effect of ethnicity on crime attribution // *Criminology*. 1987. Vol.25. P.507—524.
189. Fishman J.M. The populace and the police: models of social control in reality - based crime television // *Critical Studies in Mass Communication*. 1999. Vol.16. P.268-288.
190. Flanagan T.J. Change and influence in popular criminology: public attributions of crime causation // *Journal of Criminal Justice*. 1987. Vol.15. P.231—243.
191. Folger R., Martin C. Relative deprivation and referent cognitions: distributive and procedural justice effects // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1986. Vol.22. P.531—546.
192. Folger R., Rosenfield D., Robinson T. Relative deprivation and procedural justifications // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol.45. P.268—273.
193. Forrest K.D. Voiceless: the effects on unfair procedures on recipients and observers in small groups // *Current Research in Social Psychology*. 2002. Vol.8. P.62—83.
194. Fry W.R., Leventhal G.S. Cross-situational preferences: a comparison of allocation preferences and equity across different social settings. Paper presented at the annual meeting of the Southeastern psychological association, Washington, 1979.
195. Gallatin J. Legal guarantees individual freedom: a cross-national study of the development of political thought // *Social Issues*. 1971. Vol.27. P.93—108.
196. Gallup A., Newport F. Death penalty support remains strong // *Gallup Poll Monthly*. 1991. Vol.309. P.40—45.
197. Galvin D.M. The seriousness of offenses: an evaluation of children and adults // *Quantitative studies in criminology* / Ed. by C.Welford. Beverly Hills, 1978.
198. Garofalo J. The fear of crime: causes and consequences // *The Journal of Criminal Law and Criminology*. 1981. Vol.72. P.839—857.
199. Garofalo J. Victimization and the fear of crime // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 1979. Vol.16. P.80—97.
200. Gibson J.L. Truth, justice, and reconciliation: judging the fairness of amnesty in South Africa // *American Journal of Political Science*. 2002. Vol.46. P.540-556.
201. Gilligan C. In a different voice: psychological theory and women`s development. Cambridge, 1982.
202. Golberg J.H., Lerner J.S., Tetlock P.E. Rage and reason: the psychology of the intuitive prosecutor // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.29. P.781—795.
203. Gottfredson M.R. An empirical analysis of pretrial release decisions // *Journal of Criminal Justice*. 1970. Vol.2. P.287—304.
204. Graber D. Crime news and the public. N.Y., 1980.
205. Grasmick H.G., Green D.C. Legal punishment, social disapproval and internalization as inhibitors of illegal behavior // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1980. Vol.71. P.325-335.
206. Grasmick H.G., McGill A.L. Religion, attribution style and punitiveness toward juvenile offenders // *Criminology*. 1994. Vol.32. P.23—46.
207. Guy S.M., Smith G.M., Bentler R.M. The influence of adolescent substance use and socialization on deviant behavior in young adulthood // *Criminal Justice and Behavior*. 1994. Vol.21. P.236—255.
208. Haghighi B., Lopez A. Gender and perception of prisons and prisoners // *Criminal Justice System*. 1998. Vol.26. P.453—464.
209. Haney C. Commonsense justice and capital punishment: Problematizing the «Will of the people» // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.303—337.
210. Hansel M. Citizen crime stereotypes — normative consensus revisited // *Criminology*. 1987. Vol.25. P.455—485.

211. Hansel M. Multidimensional examination of differences among three measures of ten common crimes. Paper presented at the college anthropology sociology convention. 1975.
212. Harris D. The guards talk // *Montgomery advertiser*. 1961. Vol.25.
213. Hassebrauck M. The influence of misattributions on reactions to inequity: Towards a further understanding of inequity // *European Journal of Social Psychology*. 1987. Vol.77. P.295—304.
214. Heath L., Petraitis J. Television viewing and fear of crime // *Basic and Applied Social Psychology*. 1987. Vol.8. P.97—123.
215. Heaven P.C.L., Connors J., Pretorius A. Victim characteristics and attribution of rape blame in Australia and South Africa // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.138. P.131-133.
216. Herrera M., Lavallee M., Doise W. Human rights and politics: a social representational analysis of political positioning during the 1995 Quebec Sovereignty Campaign // *Group Processes and Intergroup Relations*. 2000. Vol.3. P. 25—40.
217. Hertel G., Aarts H., Zeelenberg M. What do you think is «fair»? Effects of ingroup norms and outcome control of fairness judgement // *European Journal of Social Psychology*. 2002. Vol.32. P.327—341.
218. Heuer L., Penrod S., Hafer C.L., Cohn D. The role of resource and relational concerns for procedural justice // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol.28. P.1468—1482.
219. Hewstone M., Jaspars J., Laljee M. Social representations, social attribution and social identity: intergroup images of «public» and «comprehensive» schoolboys // *European Journal of Social Psychology*. 1982. Vol.12. P.241—269.
220. Houlden P., LaTour S., Walker L., Thibaut J. Preferences for modes of dispute resolution as a function of process and decision control // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1978. Vol.14. P.13—30.
221. Howard J.A. Sexual intimacy // *Sociological Perspectives*. 1988. Vol.31. P.91—117.
222. Howard J.A. Societal influences on attribution: blaming some victims more than others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol.47. P.270—281.
223. Howard J.A. The «normal» victim: the effects of gender stereotypes on reactions to victims // *Social Psychology Quarterly*. 1984. Vol.47. P.270—281.
224. Howells G.N., Flanagan K.A., Hagan V. Does reviewing a televised execution affect attitudes toward capital punishment // *Criminal Justice and Behavior*. 1995. Vol.22. P.411—424.
225. Hsu M. Cultural and sexual differences on the judgments of criminal offences: a replication study of the measurement of delinquency // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1973. Vol.64. P.348—353.
226. Hulen C.L., Maher B.A. Changes in attitudes towards law concomitant with imprisonment // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1959. Vol.50. P.245—248.
227. Hyland R., Cooper M.A. Internal-external control and attribution of responsibility for a positive accident // *Journal of Social Psychology*. 1976. Vol.99. P.147—148.
228. Ittelson T.F. The perception and fear of crime: implications for neighborhood cohesion, social activity and community affect // *Social Forces*. 1978. Vol.58. P.176—193.
229. Jacobson M.B. Effects of victim`s and defendant`s physical attractiveness on subjects` judgements in rape case // *Sex Roles*. 1981. Vol.7. P.247—255.
230. Jacoby J. The structure of punishment norms: a theoretical integration of findings from the 1987 National Punishment Survey. Paper presented at the Annual meetings of the American society of criminology. 1989.
231. Jahoda G. Critical notes and reflections on social representations // *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.18. P.195—209.
232. James A., Jenks C. Public perceptions of childhood criminality // *The British Journal of Sociology*. 1996. Vol.47. P.315—331.

233. Janoff-Bulman R. Characterological versus behavioral self-blame: inquires into depression and rape // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol.37. P.1798—1809.
234. Jasso G., Resh N. Exploring the sense of justice about grades // *European Sociological Review*. 2002.Vol.18. P.333-351.
235. Jenkins M.J., Dambrot F.H. The attribution of date rape: observer`s attitudes, sexual experience and the dating situation // *Journal of Applied Social Psychology*. 1987. Vol.17. P.875—895.
236. Joffe H. The shock of the new: a psycho- dynamic extension of social representation theory // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol.26. P.197—220.
237. Johnson I.M., Sigler R.T. Domestic violence: a comparative study of perceptions and attitudes toward domestic abuse cases among social service and criminal justice professionals // *Journal of Criminal Justice*. 1994. Vol.22. P.237—248.
238. Johnson J. *Condemned to die: life under sentence of death*. N.Y., 1981.
239. Jovchelovitch S. In defense of representations // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol.26. P.121—135.
240. Jurow G.L. New data on the effect of a death qualified jury on the guilt determination process // *Harvard Law Review*. 1971. Vol.84. P.567—611.
241. Kahneman D., Tversky A. The simulation heuristic // *Judgment under uncertainty: heuristics and biases* / Ed.by D. Kahneman, P. Slovic, A. Tversky. N.Y., 1982. P.201—208.
242. Kahneman D., Varey C.A. Propensities and counterfactuals: the loser that almost won // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol.59. P.1101—1110.
243. Kanekar S., Kolsawalla M.B. Responsibility of a rape victim in relations to her respectability, attractiveness and provocativeness // *Journal of Social Psychology*. 1980. Vol.112. P.153—154.
244. Keltner D., Ellsworth P., Edwards K. Beyond simple pessimism: effects of sadness and anger on social perception // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.64. P.740—752.

245. Khanna J.L., Pratt S., Gardiner G. Attitudes to psychiatric aides toward «criminally insane» patients // *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1962. Vol.53. P.55—60.
246. Kidder L.H., Bellettrie G., Cohn E.S. Secret ambitions and public performances: the effect of anonymity on reward allocation made by men and women // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. Vol.13. P.70—80.
247. Kleinke C.L., Meyer C. Evaluation of rape victim by men and women with high and low belief in a just world // *Psychology of Women Quarterly*. 1990. Vol.14. P.343—353.
248. Kohlberg L. *Essays on moral development*. N.Y., Toronto, 1984.
249. Krahe B. Social psychological issues in the study of rape // *European Review of Social Psychology*. 1991. Vol.2. P.279—309.
250. Krulowitz J.E. Sex differences in evaluations of female and male victims` responses to assault // *Journal of Applied Social Psychology*. 1981. Vol.11. P.460—474.
251. Krulowitz J.E., Nash J.E. Effects of rape victim resistance, assault outcome and sex of observer on attributions about rape // *Journal of Personality*. 1979. Vol.47. P.557—574.
252. Kutttschreuter M., Wiegman O. Crime prevention and the attitude toward the criminal justice system: the effects of a multimedia campaign // *Journal of Criminal Justice*. 1998. Vol.26. P.441—452.
253. L`Armand K., Pepitone A. Judgements of rape: a study of victim-rapist relationship and victim sexual history // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1982. Vol.8. P.134—139.
254. LaTour S. Determinants of participant and observer satisfaction with adversary and inquisitorial modes of adjudication // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1978. Vol.36. P.1531—1545.
255. LaTour S., Houlden P., Walker L., Thibaut J. Procedure: transnational perspectives and preferences // *Yale Law Review*. 1976. Vol.86. P.258—290.
256. Lebowitz B.D. Age and fear fullness: personal and situational factors // *Journal of Gerontology*. 1975. Vol.30. P.696—700.

257. Lee G.R. Sex differences in fear of crime among older people // *Research on Aging*. 1982. Vol.4. P.284—298.

258. Leman P.J., Duveen G. Representations of authority and children`s moral reasoning // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.29. P. 557—577.

259. Lemerise E.A., Dodge K.A. The development of anger and hostile interactions // *Handbook of emotions* / Ed.by M.Lewis, J.M.Haviland. N.Y., 1993. P.537—546.

260. Lerner J.S., Goldberg J., Tetlock P. Sober second thought: the effects of accountability, anger and authoritarianism on attributions of responsibility // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1998. Vol.24. P.563—574.

261. Lerner M.J. The belief in adjust world: a fundamental delusion. N.Y., 1980.

262. Lerner M.J., Lerner S.C. The justice motive in social behavior. N.Y., 1981.

263. Lerner M.J., Miller D.T. Just world research and the attribution process: looking back and ahead // *Psychological Bulletin*. 1978. Vol.85. P.1030—1051.

264. Lerner M.J., Simmons C.H. Observer`s reaction to the «innocent victim»: compassion or rejection // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol.4. P.203—210.

265. Lesieur H., Lehman P. Remeasurement delinquency: a replication and a critique // *British Journal of Criminology*. 1975. Vol.15. P.69—80.

266. LeUnes A., Bourgeois A., Grajales R. The effects of two types of exposure on attitudes toward aspects of juvenile delinquency // *The Journal of Social Psychology*. 1996. Vol.136. P.699—708.

267. Leung K. Cross-cultural study of procedural fairness and disputing behavior. Unpublished doctoral dissertation, University of Illinois, 1985.

268. Leung K., Lind E.A. Procedural justice and culture: effects of culture, gender and investigator status on procedural preferences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol.50. P.1134—1140.

269. Leventhal G.S. What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationship // *Social exchange: advances in theory and research* / Ed.by K.Gergen, M.Greenberg, R.Willis. N.Y., 1980. P.27-55.

270. Leventhal G.S., Karuza J., Fry W.R. Beyond fairness: a theory of allocation preferences // *Justice and social interaction* / Ed. by G.Mikula. N.Y., 1980. P.167—218.

271. Leventhal G.S., Lane D.W. Sex, age and equity behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol.15. P.312—316.

272. Leventhal G.S., Michaels J.W. Locus of cause and equity motivation as a determinants of reward allocation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. Vol.17. P.229—235.

273. Lilli W., Rehm J. The formation of prejudicial judgments as an interaction between heuristic processes and social identity of the judge: The case of traffic accident participation // *European Journal of Social Psychology*. 1986. Vol.16. P.79—82.

274. Lim V.K.G., Teo T.S.H., See S.B. Perceived job image among police officers in Singapore: factorial dimensions and differential effects // *The Journal of Social Psychology*. 2000. Vol.140. P.740-750.

275. Lind E.A., Erickson B.E., Friedland N., Dickenberger M. Reactions to procedural models for adjudicative conflict resolution // *Journal of Conflict Resolution*. 1978. Vol.22. P.318—341.

276. Lind E.A., Kurtz S., Musante L., Walker L., Thibaut J.W. Procedure and outcome effects on reactions to adjudicated resolution of conflicts of interests // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol.39. P.643—653.

277. Lind E.A., Lissak R.I. Apparent impropriety and procedural fairness judgments // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1985. Vol.21. P.19—29.

278. Lind E.A., Lissak R.I., Conlon D.E. Decision control and process control effects on procedural fairness judgements // *Journal of Applied Social Psychology*. 1983. Vol.13. P.338—350.

279. Lind E.A., Taylor T.R. The social psychology of procedural justice. N.Y., 1988.

280. Linz D. Exposure to sexually explicit materials and attitudes toward rape: a comparison of study results // *Journal of Sex Research*. 1989. Vol.26. P.50—84.
281. Linz D., Donnerstein E. The effects of counter-information on the acceptance of rape myths // *Pornography: research advances and policy considerations* / Ed. by D.Zillman, J.Bryant. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1989. P.259—288.
282. Linz D., Donnerstein E., Penrod S. The effects of long-term exposure to violent and sexually degrading depictions of women // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol.55. P.758—768.
283. Linz D., Malamuth N.M. *Communication concepts 5: pornography*. Newbury Park, CA: Sage, 1993.
284. Lipton J.P., Garza R.T. Responsibility attribution among Mexican-American, Black and Anglo-American adolescents and adults // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1977. Vol.8. P.259—272.
285. Liska A.E., Warner B.W. Functions of crime: a paradoxical process // *American Journal of Sociology*. 1991. Vol.96. P.1441—1463.
286. Lofland J. Open and concealed dramaturgy strategies // *Urban Life*. 1975. Vol.4. P.272—295.
287. Lord C.G., Ross L., Lepper M.R. Biased assimilation and attitude polarization: the effect of prior theories on subsequently considered evidence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1979. Vol.37. P.2098—2109.
288. Lorenzi-Cioldi F. Psychological androgyny: a concept in search of lesser substance. Towards the understanding of the transformation of a social representations // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol.26. P.137—155.
289. Love N.J. Juvenile attitudes of hostility-competency toward the police as a function of progression through the juvenile justice system. Unpublished master's thesis. Southern Illinois University at Edwardsville, 1973.
290. Lowe C., Medway C.A. Effects of valence, severity and relevance on responsibility and dispositional attributions // *Journal of Personality*. 1976. Vol.44. P.518—538.
291. Luginbuhl J., Mullin C. Rape and responsibility: how and how much is the victim blamed? // *Sex Roles*. 1981. Vol.7. P.547—559.
292. Lupfer M.B., Weeks K.P., Doan K.A., Houston D.A. Folk conceptions of fairness and unfairness // *European Journal of Social Psychology*. 2000. Vol.30. P.405—428.
293. Mackey P.E. The inutility of mandatory capital punishment: an historical note // *Boston UL Research*. 1974. Vol.54. P.32—36.
294. Mackey P.E. *Voices against death: American opposition to capital punishment*. N.Y., 1976.
295. Macrae C.N. A tale of two curries: counter-factual and marital satisfaction: wives' attributions for conflict in marriage // *Journal of Marriage and the Family*. 1992. Vol.43. P.663—674.
296. Maes J. Blaming the victim-belief in control or belief in justice? // *Social Justice Research*. 1994. Vol.7. P.69—90.
297. Magee D. *What murder leaves behind: the victim's family*. N.Y., 1983.
298. Magsud M. The influence of social heterogeneity and sentimental credibility on moral judgments of Nigerian Muslim adolescents // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1977. Vol.8. P.113—121.
299. Major B., Adams J.B. Role of gender, interpersonal orientation and self-presentation in distributive-justice behaviour // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol.45. P.598—608.
300. Malamuth N., Check J.V.P. Penile tumescence and perceptual responses to rape as a function of victim's perceived reactions // *Journal of Applied Social Psychology*. 1980. Vol.10. P.528—547.
301. Malamuth N., Check J.V.P. Sexual arousal to rape and consenting depictions: the importance of woman's arousal // *Journal of Abnormal Psychology*. 1980. Vol.89. P.763—766.
302. Malamuth N., Check J.V.P. Sexual arousal to rape depictions: individual differences // *Journal of Abnormal Psychology*. 1983. Vol.92. P.55—67.

303. Malamuth N., Check J.V.P. The effects of aggressive pornography on beliefs about rape myths: individual differences // *Journal of Research in Personality*. 1985. Vol.19. P.299—320.
304. Malamuth N., Donnerstein E. The effects of aggressive-pornographic mass media stimuli // *Advances in Experimental Social Psychology* / Ed.by L.Berkowitz. N.Y., 1982. Vol.15.
305. Malamuth N., Hrabar S., Feshbach S. Testing hypotheses regarding rape: exposure to sexual violence, sex differences and the «normality» of rapist // *Journal of Research in Personality*. 1980. Vol.14. P.121—137.
306. Markova I., Wilkie P. Representations, concepts and social change: the phenomenon of AIDS // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1987. Vol.17. P.389—410.
307. Martin J.D., McConnell J.P. Black militant ideology and the law // *Criminology*. 1972. Vol.10. P.111—116.
308. McConahay J.B. Pornography: the symbolic politics of fantasy // *Law and Contemporary Problems*. 1988. Vol.51. P.31—69.
309. McDonald J.M., Alpert G.P. Public attitudes toward police pursuit driving // *Journal of Criminal Justice*. 1998. Vol.26. P.185—194.
310. McKillip J., Posavac E.J. Judgements of responsibility for an accident // *Journal of Personality*. 1975. Vol.43. P.248—265.
311. Mead G.H. *Mind, self and society*. Chicago, 1934.
312. Melvin K.B., Koeblitz L., Gardner W.H. A scale to measure attitudes toward prisoners. Paper presented at the annual meeting of the Southeastern psychological association. Atlanta, 1978.
313. Miethe T. Consensus in public ratings of crime seriousness: a test of the instructional bias hypothesis. Paper presented at the annual meetings of the Midwest Sociological Society, 1984.
314. Mikula G. On the experience of injustice // *European Review of Social Psychology*. 1993. Vol.4. P.223—244.
315. Mikula G., Athenstaedt U., Heschal S., Heimgartner A. Does it only depend on the point of view? Perspective-related differences in justice evaluations of negative incidents in personal relationship // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.28. P.931-962.
316. Mikula G., Petri B., Tanzer N. What people regard as unjust: types and structures of everyday experiences of injustice // *European Journal of Social Psychology*. 1990. Vol.20. P.133—149.
317. Miller J.G., Bersoff D.M. Culture and moral judgement: how are conflicts between justice and friendship resolved // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol.62. P.541—554.
318. Miller J.G., Bersoff D.M. The role of liking in perceptions of the moral responsibility to help: a cultural perspective // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1998. Vol.34. P.443—469.
319. Miller J.G., Bersoff D.M., Harwood R.L. Perceptions of social responsibilities in India and the United States: Moral imperatives or personal decisions? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. P.33—47.
320. Minstretta M. Criminal law and the collective conscience: multidimensional scaling of collective cultural perception of crime. Paper presented at the annual meetings of the Midwest Sociological Society, 1976.
321. Moliner P. A two-dimensional model of social representations // *European Journal of Social Psychology*. 1995. Vol.25. P.27—40.
322. Moscovici S. Answers and questions // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1987. Vol.17. P.513—529.
323. Moscovici S. Notes towards a description of social representations // *European Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.18. P.211—250.
324. Moscovici S. The phenomenon of social representations // *Social representations* / Ed. by R.M.Farr, S.Moscovici. Cambridge, 1984.
325. Musante L., Gilbert M.A., Thibaut J. The effects of control on perceived fairness of procedures and outcomes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1983. Vol.19. P.223—238.
326. Na E.-Y., Loftus E.F. Conservative authoritarianism, attribution and internal-external locus of control // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol.29. P.595—615.
327. Niederhoffer A. *Behind the shield: the police in urban society*. N.Y., 1967.

328. Olsen-Fulero L., Fulero S.M. Commonsense rape judgments: an empathy-complexity theory of rape juror // *Psychology, Public Policy and Law*. 1997. Vol.3. P.402—427.
329. Olson B. An exploratory study of task preferences // *Personnel Journal*. 1970. Vol.49. P.1015—1020.
330. Orpen C. The effects of organizational commitment on the relationship between procedural and distributive justice // *The Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.134. P.135—136.
331. Ortega S., Myles J. Race and gender effects on fear of crime // *Criminology*. 1987. Vol.25. P.133—152.
332. Ortet-Fabregat G., Perez J., Lewis R. Measuring attitudes toward prisoners // *Criminal Justice and Behavior*. 1993. Vol.20. P.190—198.
333. Paese P. Procedural fairness and work group responses to performance evaluation procedures. Unpublished master thesis, University of Illinois, 1985.
334. Parker K.D. Black-white differences in perceptions of fear of crime // *The Journal of Social Psychology*. 1988. Vol.128. P.487-494.
335. Parker K.D. McMorris B.J., Smith E., Murty K.S. Fear of crime and the likelihood of victimization: a biethnic comparison // *The Journal of Social Psychology*. 1993. Vol.133. P.723—732.
336. Parker K.D., Ray M.C. Fear of crime: an assessment of related factors // *Sociological Spectrum*. 1990. Vol.10. P.29—40.
337. Peak K., Bradshaw R.V., Glenspr R.W. Improving citizens perceptions of the police: «Back to the basics» with a community policing strategy // *Journal of Criminal Justice*. 1992. Vol.20. P.25-40.
338. Pepitone A., L`Armand K. The justice and injustice of life events // *European Journal of Social Psychology*. 1996. Vol.26. P.581—597.
339. Perrott S.B., Taylor D.M. Attitudinal differences between police constables and their supervisors: potential influences of personality, work environment and occupational role // *Criminal Justice and Behavior*. 1995. Vol.22. P.326—339.
340. Peterson R.D., Hagan J. Changing conceptions of race: towards an account of anomalous findings of sentencing research // *American Sociological Review*. 1984. Vol.49. P.56—70.
341. Phillips J.L., Coates R. Two scales for measuring attitudes toward police // *Wisconsin Sociologist*. 1971. Vol.8. P.3-19.
342. Philogene G. «African American» as a new social representation // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1994. Vol.24. P.81—90.
343. Piaget J. *The moral judgment of the child*. N.Y., 1932.
344. Platow M.J., O`Connell A., Shave R., Hanning P. Social evaluations of fair and unfair allocators in interpersonal and intergroup situations // *British Journal of Social Psychology*. 1995. Vol.34. P.363—381.
345. Preffer K., Cole B., Dada M.K. Attributions for youth crime among British and Nigerian primary school children // *The Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.138. P.251—253.
346. Pritchard D., Hughes D. Patterns of deviance in crime news // *Journal of Communication*. 1997. Vol.47. P.49—67.
347. Quackenbush R.L. A comparison of androgynous, masculine sex-typed and undifferentiated males on dimensions of attitudes toward rape // *Journal of Research in Personality*. 1989. Vol.23.
348. Quigley B., Tedeschi J. Mediating effects of blame attributions on feelings of anger // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. Vol.22. P.1280—1288.
349. Radelet M.L., Vandiver M., Berardo F.M. Families, prisons and men with death sentences: the human impact of structured uncertainty // *Journal of Family Issues*. 1983. Vol.4. P.593—612.
350. Ragside D., Bowler S. Public opinion and gay rights // *Canadian Review Sociology and Anthropology*. 1988. Vol.25. P.649—660.
351. Reiman J. *The rich get richer and poor get prison*. Boston, 1995.
352. Reis H.T. Levels of interest in the study of interpersonal justice // *Justice in social relations* / Ed.by W.Bierhoff, R.L. Cohen, J.Greenberg. N.Y., 1986. P.187-210.

353. Reis H.T., Jackson L.A. Sex differences in reward allocation: subjects, partners and tasks // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. Vol.40. P.465—478.
354. Reuterman N.A. A measure of attitudes toward juvenile delinquency. Unpublished manuscript. Delinquency study center, Southern Illinois University, 1975.
355. Robin G.D. The executioner: his place in English society // *British Journal of Sociology*. 1964. Vol.15. P.234-253.
356. Rokeach M., Miller M.G., Snyder J.A. The value gap between police and policed // *Journal of Social Issues*. 1971. Vol.27. P.155—171
357. Rossi P., Simpson J., Miller J. Beyond crime seriousness: fitting the punishment to the crime // *Journal of Quantitative Criminology*. 1985. Vol.1. P.59—90.
358. Rossi P.H., Waite E., Bose C.E., Berk R.E. The seriousness of crimes: normative structure and individual differences // *American Sociological Review*. 1974. Vol.39. P.224—237.
359. Roth J. Prosecutor perceptions of crime seriousness // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1978. Vol.69. P.201—208.
360. Rouquette M-L. Social representations and mass communication research // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1996. Vol.26. P.221—231.
361. Rountree P.W., Land K.C. Perceived risk versus fear of crime: empirical evidence of conceptually distinct reactions in survey data // *Social Forces*. 1996. Vol.74. P.1353—1376.
362. Rubin Z., Peplau L.A. Belief in a just world and reactions to another's lot: a study of participants in the National Draft Lottery // *Journal of Social Issues*. 1973. Vol.29. P.73-93.
363. Rusbult C.E., Campbell M.A., Price M.E. Rational selective exploitation and distress: employee reactions to performance based and mobility-based reward allocations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol.59. P.1101—1110.
364. Rusbult C.E., Insko C.A., Lin Y-H.W., Smith W.J. Social motives underlying rational selective exploitation: the impact of instrumental versus social-emotional allocator orientation on the distribution of rewards in groups // *Journal of Applied Social Psychology*. 1990. Vol.20. P.984—1025.
365. Saltiel J., Gilchrist J., Harvie R. Concern about crime among Montana farmers and Ranchers // *Rural Sociology*. 1992. Vol.54. P.535—545.
366. Sampson R.J., Wooldredge J.D. Evidence that high crime rated encourages migration away from central cities // *Sociology and Social Research*. 1986. Vol.70. P.310—314.
367. Schmitt M., Dorfel M. Procedural justice at work, justice sensitivity, job satisfaction and psychosomatic well-being // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.29. P.443—454.
368. Schmitt M., Mohiyeddini C. Sensitivity to befallen injustice and reactions to a real life disadvantage // *Social Justice Research*. 1996. Vol.9. P.223—238.
369. Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // *Social Justice Research*. 1995. Vol.8. P.385—407.
370. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology* / Ed. by M. Zanna. Orlando, 1992. Vol.25. P.1—65.
371. Scroggs J.R. Penalties for rape as a function of victim provocativeness, damage and resistance // *Journal of Applied Social Psychology*. 1976. Vol.6. P.360—368.
372. Seligman C., Paschal N., Takata G. Effects of physical attractiveness on attribution of responsibility // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1974. Vol.6. P.290—296.
373. Sellin T., Wolfgang M. *The measurement of delinquency*. N.Y., 1964.
374. Semmens N., Dillane J., Ditton J. Preliminary findings on seasonality and the fear of crime: a research note // *British Journal of Criminology*. 2002. Vol.42. P.798-806.
375. Shaver K.G. Defensive attribution: effects of severity and relevance on the responsibility assigned for an accident // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1970. Vol.14. P.101—113.

376. Shaw J.L., McMartin J.A. Personal and situational determinants of attribution of responsibility for an accident // *Human Relations*. 1977. Vol.30. P.95—107.

377. Sheppard B.H. Justice is no simple matter: case for elaborating our model of procedural fairness // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. Vol.49. P.953—962.

378. Sheppard B.H. Third party conflict intervention: a procedural framework // *Research in organizational behavior* / Ed.by B.M. Staw, L.L. Gummings. Greenwich, 1984. Vol.6. P.141—190.

379. Sheppard B.H., Vidmar N. Adversary pretrial procedures and testimonial evidence: effects of lawyer's role and machiavellianism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1980. Vol.39. P.320—332.

380. Sherman R., Dowdle M. The perception of crime and punishment: a multidimensional scaling analysis // *Social Science Research*. 1974. Vol.3. P.109—126.

381. Shotland R.L., Goldstein L. Just because she doesn't want to doesn't mean it's rape: an experimentally based causal model of the perception of rape in a dating situation // *Social Psychology Quarterly*. 1983. Vol.46. P.220—232.

382. Sinden P. Perceptions of crime in capitalist America: the question of consciousness manipulation // *Sociological Focus*. 1980. Vol.13. P.75—85.

383. Skeem J.L., Golding S.L. Describing jurors' personal conceptions of insanity and their relationship to case judgements // *Psychology, Public Policy and Law*. 2001. Vol.7. P.561—621.

384. Skogan W. Fear of crime and neighborhood change // *Communities and crime* / Ed.by A.Reiss, M.Tonry. Chicago, 1986.

385. Skoe E.E.A., Eisenberg N., Cumberland A. The role of reported emotion in real-life and hypothetical moral dilemmas // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol.28. P.962—973.

386. Skogan W., Maxfield M.G. Coping with crime and individual and neighborhood reactions. Beverly Hills, 1981.

387. Smetana J.G., Killen M., Turiel E. Children's reasoning about interpersonal and moral conflicts // *Child Development*. 1991. Vol.62. P.629—644.

388. Smykla J.O. The human impact of capital punishment: interviews with families of persons on death row // *Journal of Criminal Justice*. 1987. Vol.15. P.331—347.

389. Snarey J.R. Cross-cultural universality of social-moral development: a critical review of Kohlbergian research // *Personality Bulletin*. 1985. Vol.97. P.202—232.

390. Sosis R. Internal-external control and the perception of responsibility of another for an accident // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 30. P.393—399.

391. Spence J.T., Losoff M., Robbins A. Sexually aggressive tactics in dating relationships: personality and attitudinal correlates // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1991. Vol.10. P.289—304.

392. Spencer J. Accounts, attitudes and solutions: probation officer-defendant negotiations of subjective orientations // *Social Problems*. 1983. Vol.30. P.570—581.

393. Spierenburg P. The spectacle of suffering. Cambridge, 1984.

394. Spini D., Doise W. Organizing principles of involvement in Human rights and their social anchoring in value priorities // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.28. P.603—622.

395. Staerke C., Clemence A., Doise W. Representation of human rights across different national contexts: the role of democratic and non-democratic populations and governments // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol.28. P.207—226.

396. Stafford M.C., Galle B.R. Victimization rates, exposure to risk and fear of crime // *Criminology*. 1984. Vol.22. P.178—185.

397. Stake J.E. Factors in reward distribution allocator motive, gender and protestant ethic // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. Vol.44. P.410—418.

398. Stebbins P., Stone G.L. Internal-external control and the attribution of responsibility under questionnaire and interview conditions // *Journal of Counselling Psychology*. 1977. Vol.24. P.165—168.

399. Stillwell A.M., Baumeister R.F. The construction of victim and perpetrator memories: accuracy and distortion in role-based accounts // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol.23. P.1157—1172.
400. Skitka L.J., Mullen E. Understanding judgments of fairness in a real-world political context: a test of the value protection model of justice reasoning // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol.28. P.1419—1429.
401. Stouffer S.A., Suchman E.A., De Vinney L.C., Star S.A., Williams R.M. *The American soldier: adjustment during army life*. Princeton, 1949.
402. Stroessner S.J., Green C.W. Effects of belief in free will or determinism on attitudes toward punishment and locus of control // *The Journal of Social Psychology*. 1990. Vol.130. P.789—799.
403. Sutherland E.H. *Principles of criminology*. Philadelphia, 1947.
404. Szykowny R. No justice, no peace: an interview with Jerome Miller // *The Humanist*. 1995. Vol.54. P.9—18.
405. Tabone C., Pardine P., Salzano J. Why do women accept the rape myth? Poster presented at the annual meeting of the Eastern psychological association. Boston, 1992.
406. Tan C., Murrell S. Respondent characteristics in citizen evaluation of municipal services // *Social Indicators Research*. 1984. Vol.14. P.29—52.
407. Tapp J.L., Kohlberg L. Developing senses of law and legal justice // *The Journal of Social Issues*. 1971. Vol.27. P.65—92.
408. Tapp J.L., Levine F.J. (Eds). *Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues*. N.Y., 1977.
409. Taylor A.J.W. A brief criminal attitude scale // *Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1968. Vol.51. P.37—40.
410. Thibaut J., Faucheux C. The development of contractual norms in a bargaining situation under two types of stress // *Journal of Experimental and Social Psychology*. 1965. Vol.1. P.89—102.
411. Thibaut J., Walker L. A theory of procedure // *California Law Review*. 1978. Vol.66. P.541—566.
412. Thibaut J., Walker L. *Procedural justice: a psychological analysis*. Hillsdale, 1975.
413. Thoma S.J. Estimating gender differences in the comprehension and preference of moral issues // *Developmental Review*. 1986. Vol.6. P.165—180.
414. Thomas C., Gage R., Foster S. Public opinion on criminal law and legal sanctions: an examination of two conceptual models // *Journal of Criminal Law*. 1976. Vol.67. P.110—116.
415. Thornton B., Robbins A., Johnson J.A. Social perception of the rape victim's culpability: the influence of respondents' personal-environmental causal attribution tendencies // *Human Relations*. 1981. Vol.35. P.225—237.
416. Thornton B., Ryckman R.M. The influence of a rape victim's physical attractiveness on observers' attributions or responsibility // *Human Relations*. 1983. Vol.36. P.549—562.
417. Thurstone L.L. A law of comparative judgment // *Psychological Review*. 1927. Vol.34. P.273-286.
418. Thurstone L.L. Method of paired comparisons for social values // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931. Vol.21. P.384—400.
419. Tieger T. Self-rated likelihood of raping and the social perception of rape // *Journal of Research in Personality*. 1981. Vol.15. P.147—158.
420. Toch H. *Prison environments and psychological survival*. Unpublished manuscript. School of Criminal Justice. N.Y., 1975.
421. Tonry M.H. *Malign neglect: race, crime and punishment in America*. N.Y., 1995.
422. Torney J.V. Socialization of attitudes toward the legal system // *Social Issues*. 1971. Vol.27. P.137—154.
423. Tower R.K., Kelly K., Richards A. Individualism, collectivism and reward allocation: a cross-cultural study in Russia and Britain // *British Journal of Social Psychology*. 1997. Vol.36. P.331—345.

424. Tyler T.R. Procedural justice in organizations // Research on negotiation in organizations / Ed.by R.Lewicki, M.Bazerman, B.Sheppard. Greenwich, 1986. Vol.1. P.7—23.
425. Tyler T.R. The psychology of procedural justice: a test of the group-value model // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol.57. P.830—838.
426. Tyler T.R. The role of perceived injustice in defendant's evaluation of their courtroom experience // Law and Society Review. 1984. Vol.18. P.51—74.
427. Tyler T.R. Why citizens follow the law: procedural justice, legitimacy and compliance. Unpublished manuscript, Northwestern University, 1987.
428. Tyler T.R., Devinitz V. Self-serving bias in the attribution of responsibility: cognitive versus motivational explanation // Journal of Experimental Social Psychology. 1981. Vol.17. P.408—416.
429. Tyler Y.R., Rasinski K., Spodick N. The influence of voice on satisfaction with leaders: exploring the meaning of process control // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. Vol.48. P.72—81.
430. Unga P.D., Baas L.R. Judicial role perceptions: a Q-technique study of Ohio judges // Law and Society Review. 1972. Vol.6. P.343—366.
431. Valez-Diaz F., Megagree E. An investigation of differences between youthful offenders and nonoffenders in Puerto Rico // Journal of Criminal Law: Criminology and Police Science. 1970. Vol.61. P.549—553.
432. Van den Bos K., Spruijt N. Appropriateness of decisions as a moderator of the psychology of voice // European Journal of Social Psychology. 2002. Vol.32. P.57-72.
433. Van den Bos K., Vermunt R., Wilke H.A.M. The consistency rule and the voice effect: the influence of expectations on procedural fairness judgments and performance // European Journal of Social Psychology. 1996. Vol.26. P.411—428.
434. Van Der Wurff A., Stringer P. Measuring fear of crime in residential environments // Environmental Social Psychology / Ed. by D. Canter, J.C. Jesuino, L. Soczka, G.M. Stephenson. Dordrecht, 1988. P.135—148
435. Van Der Wurff A., Van Staaldouin L., Stringer P. Fear of crime in residential environments: testing a social psychological model // The Journal of Social Psychology. 1989. Vol.129. P.141—160.
436. Varelas N., Foley L.A. Blacks` and Whites` perceptions of interracial and intraracial date rape // The Journal of social Psychology. 1998. Vol.138. P.392—400.
437. Vidmar N., Laird N.M. Adversary social roles: their effects on witnesses communication of evidence and the assessment of adjudicators // Journal of Personality and Social Psychology. 1983. Vol.44. P.888—898.
438. Vinson D.E. Jury trials: The psychology of winning strategy. Virginia: The Michie Company, 1986.
439. Vogel B.L. Perceptions of crime seriousness in the African American community: exploring the presence of consensus // Journal of Criminal Justice. 1998. Vol.26. P.227—236.
440. Vrij A., Dingemans L. Physical effort of police officers as a determinant of their behavior toward criminals // The Journal of Social Psychology. 1996. Vol.136. P.461—468.
441. Wagner W. Social representations, group affiliation and projections: knowing the limits of validity // European Journal of Social Psychology. 1995. Vol.25. P.125—139
442. Wagstaff G.F., Perfect T. On the definition of inequity // British Journal of Social Psychology. 1992. Vol.31. P.69—77.
443. Wagstaff G.F., Worthington J. Equity, relative need and allocations to zero-input workers // The Journal of Social Psychology. 1997. Vol.137. P.790—791.
444. Walker L.J. Sex differences in the development of moral reasoning: a critical review // Child Development. 1984. Vol.55. P.677—691.
445. Walker L., LaTour S., Lind E.A., Thibaut J. Reactions of participants and observers to modes of adjudication // Journal of Applied Social Psychology. 1974. Vol.4. P.295—310.

446. Walker L., Lind E.A., Thibaut J. The relation between procedural and distributive justice // *Virginia Law Review*. 1979. Vol.65. P.1001—1420.
447. Walker W.D., Rowe R.C., Quinsey V.L. Authoritarianism and sexual aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. Vol.65. P.1036—1045.
448. Walster E. Assignment of responsibility for accident // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol.3. P.73—79.
449. Wang D., Anderson N.H. Excuse-making and blaming as a function of internal-external locus of control // *European Journal of Social Psychology*. 1994. Vol.24. P.295—302.
450. Warr M. Altruistic fear of victimization in households // *Social Science Quarterly*. 1992. Vol.73. P.723—736.
451. Weidemann S., Anderson J.R. Residents' perceptions of satisfaction and safety: a basis for change in multi family housing // *Environment and Behavior*. 1982. Vol.14. P.694—724.
452. West L.G. Psychiatric reflections on the death penalty // *American Journal of Orthopsychology*. 1975. Vol.45. P.689—700.
453. Whitehead J.T. Determinants of probation and parole officer professional orientation // *Journal of Criminal Justice*. 1992. Vol.20. P.13—24.
454. Wiczovek W.F., Mirand A.L., Callahan C.P. Perception the risk of arrest for drinking and driving // *Criminal Justice and Behavior*. 1994. Vol.21. P.312—324.
455. Wiegand B., Bennett R. The will to win: determinants of public support for the drug war in Belize // *Crime, Law and Social Change*. 1993. Vol.19. P.203—220.
456. Williot S., Griffit C. Building your own life-boat: working-class male offenders talk about economic crime // *British Journal of Social Psychology*. 1999. Vol.38. P.445—460.
457. Worden A.P. The attitudes of women and men in policing: testing conventional and contemporary wisdom // *Criminology*. 1993. Vol.31. P.203—241.
458. Wright K.N. *The great American crime myth*. N.Y., 1987.
459. Wu B., McCaghy C.H. Attitudinal determinants of public opinion toward legalized pornography // *Journal of Criminal Justice*. 1993. Vol.21. P.13—27.
460. Yarmey A.D. Older and younger adults' attributions of responsibility toward rape victims and rapists // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1985. Vol.17. P.327-328.
461. Yin P. *Victimization and the aged*. Springfield, 1985.
462. Zamble E., Kalm K.L. General and specific measures of public attitudes toward sentencing // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1990. Vol.22. P.327—337.
463. Zellman G.L., Sears D.O. Childhood origins of tolerance for dissent // *Social Issues*. 1971. Vol.27. P.109—136.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Основные направления изучения правосознания и правовой социализации.....	22
1. Определение правосознания и теоретические подходы к его изучению.....	26
1.1 Определение и структура правосознания.....	27
1.2 Виды правосознания.....	30
1.3 Теоретические подходы к изучению правосознания.....	30
1.4 Связь правосознания и индивидуальных особенностей его носителя.....	33
2. Правовая социализация.....	35
2.1 Типы и модели правовой социализации	35
2.1.1 Определение и типы правовой социализации.....	35
2.1.2 Когнитивная модель правовой социализации.....	36
2.1.3 Бихевиоральная модель правовой социализации.	57
2.1.4 Сравнение когнитивной и бихевиоральной моделей правовой социализации.....	59
2.2 Институты правовой социализации.....	64
2.2.1 Влияние средств массовой информации.....	65
2.2.2 Влияние семьи, школы и правоохранительных органов / суда.....	76
2.2.3 Культура как контекст правовой социализации.....	80
3. Основные компоненты правосознания	84
3.1 Аттитюды к преступлениям и преступникам	84
3.2 Аттитюды к закону.....	114
3.3 Аттитюды к наказанию	128
3.4 Аттитюды к работникам правоохранительных органов и суда	137

Глава 2. Направления изучения атрибуции ответственности и вины.....	149
1. Общее представление об атрибуции ответственности и вины.....	149
2. Факторы, оказывающие влияние на атрибуцию ответственности и вины.....	156
2.1 Особенности произошедшего	156
2.2 Характеристики наблюдателя	158
2.3 Характеристики жертвы	165
2.4 Характеристики деятеля (преступника)	167
3. Проблемы изучения атрибуции ответственности	168
Глава 3. Направления изучения представлений о справедливости.....	177
1. Виды и функции представлений о справедливости.....	177
2. Направления изучения представлений о дистрибутивной справедливости.....	183
3. Направления изучения представлений о процедурной справедливости.....	207
3.1 Объективная процедурная справедливость.....	208
3.2 Субъективная процедурная справедливость.....	211
Литература.....	232